

ТОМАС МЬЮР

ХРОНИКИ НОВОГО СВЕТА

НАЧАЛО МЕТАМОРФОЗ
АКТ ВТОРОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хроники Нового Света

Томас Мьюр

**Хроники Нового света.
Начало метаморфоз. Акт 2**

«Автор»

2020

Мьюр Т.

Хроники Нового света. Начало метаморфоз. Акт 2 / Т. Мьюр — «Автор», 2020 — (Хроники Нового Света)

Потерпев сокрушительное поражение в бою с Новым светом, Мэттью, Джеффри и их наставник — учёный генетик Харви Молз — пускаются в бега, теряя драгоценные крупы рассудка. Цирковая семья разобщена. Надежды на спокойную жизнь в Санриз Сити обернулись прахом. Теперь только долг перед лучшим другом и желание отомстить за погибших движут Мэттью Саммерсом. Простому парню из Спрингфилда предстоит стать Аватаром Фатума — человеком, внутри которого идёт непрекращающаяся борьба между добром и злом. Он жаждет крови своих врагов, но он ещё не знает, что даже у чудовищ есть скрытые мотивы. Второй акт "Начала метаморфоз" ответит на многие вопросы. Может ли слабый одолеть сильного в честном бою? Почему некоторые так старательно цепляются за прошлое? Существует ли ключ от всех дверей? И на какие жертвы необходимо пойти, чтобы болезненная метаморфоза, наконец, завершилась?

Содержание

Акт второй – Боль	5
Глава 12. Майлз Уоррен Блэк	6
Глава 13. То, что у нас забрали	27
Глава 14. G-34	42
Глава 15. Три Стрелка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Томас Мьюр

Хроники Нового света.

Начало метаморфоз. Акт 2

Акт второй – Боль

С этим клинком в руках не устроишься ты даже пламени Янну-Корру. Твои враги прольют тысячи слёз, и Таар-Итир поглотит их все.

Ланая Вал'Гавсми – великий кузнец родом из земель Стоарвега. 519 год, эры новых гингов. Стратум Затянутого Королевства.

Глава 12. Майлз Уоррен Блэк

Майлз Блэк и Субъект В8.

24.09.2033.

Территории Харви Молза.

В свете недавно описанных событий предпочитаю сменить ракурс камеры, ненадолго. Переключимся на Новый Свет. Так как большая часть группы ускользнула из когтистых лап чёрных костюмов, улов у них был весьма скудный – только Таннели Саат. Ферзь, оправившаяся от взрыва первой, села на ступеньки крыльца и схватилась за голову. Ударная волна застала её врасплох. Глаза утратили блеск молний, а вены на руках скрылись за белым полотном кожи. Мельтешащий вокруг Полярис, проверявший пульс у поверженных пешек, действовал бестии на нервы, и она поспешила его остановить:

– Да брось ты этот биомусор уже наконец... они мертвы, забудь о них.

Услышав раздвоенный голос Ферзя, убийца обернулся. Линзы испустили зелёное свечение.

– Рад, что вы в порядке. Ещё бы чуть-чуть и...

– Нет смысла разводить демагогию, я жива. Судя по дыханию, Блэк тоже. На остальных нет времени. Оставь трупы, где они лежат, и всё. Мусор вывозят по вторникам и пятницам, или ты забыл?

– Слушаюсь, мэм. Что сообщим Королю? Это провал... причём чудовищный. Мы явно недооценили врага, и я говорю не только об арсенале оружия, но и о гипнотизёре. Надеюсь, мои слова останутся тайной и поэтому скажу, что приказ взять трупку живьём – это полный бред. Так мы сами скорее погибнем, чем выполним его.

Кейл опустила голову и уставилась в пол, молча согласившись с Полярисом. Она первой назвала сей процесс деструктивным, но перечить Королю – значит перечить всей организации. Он ждал от неё ответа, и с докладом медлить было нельзя. Ферзь выпрямилась, поправила волосы, оттряхнула костюм и бросила взгляд на Майлза, поднимавшегося с земли. Конь болезненно истекал кровью, но всеми силами старался не подавать виду. Образ парня вне закона, как говорится, превыше всего.

– Поднимай зад, Блэк, – приказала Кейл. – Тебе нужно к медику, причём срочно.

Голливуд с саркастичным выражением лица посмотрел Ферзю в глаза и ухмыльнулся:

– Правда, что ли? А я думал, само заживёт...

– Хватит хамить, Майлз Блэк, – сказал Ладья, показавшийся вместе с Колдом из тени особняка. – Мне порой кажется, ты путаешь наши способности.

На лице колосса вырисовалась приветливая улыбка.

– Это я неуязвим, а не ты. Правда, мне хватает ума хотя бы изредка осторожничать...

– По твоему костюму не скажешь, – парировал Блэк.

– Ах это... Да, неприятная производственная издержка. В меня выстрелили из подствольника.

Тут непринуждённую беседу прервал звук электризации:

– Я вам не мешаю, мальчики? Может, мне надеть короткую юбку и принести вам коктейли? Какого хрена вы так мило беседуете? Мы обосрались по полной программе, а вам смешно? Колд, почему так долго? Только не говори мне, что Денис провалился в центр земли, пожалуйста!

– Он тяжёлый... Я бы даже сказал, очень тяжёлый. Думаю, больше смысла было послать Коня, нежели меня.

Кейл тотчас поравнялась с Офицером, от чего воротник её костюма покрылся инеем.

– Блэк вместе с напарником сражался против пешек, которые ещё двадцать минут назад были готовы расшибиться в лепёшку, лишь бы выполнить приказ! Этот шляпник, учитывая то, как он сфокусировался на тебе, скорее всего под конец боя завладел бы твоей бледной задницей, и мы бы сейчас торговались с сатаной! Поэтому, дорогой мой Колд, ты займёшься перевозками в одиночку и под свою ответственность! Денёк покатаешься с заключёнными! А потом я отправлю тебя за образцами для Талос, и только попробуй подвести меня!

Озз отреагировал в своей манере:

– Слушаюсь, мэ.

– Вот и славно. Денис, будь добр, возьми Таннели. Я вызову группу зачистки, а вы идите к машине и позаботьтесь о мисс Саат, как следует. Через десять минут присоединюсь к вам.

Разумеется, Ладья покорно выполнил приказ, и вместе с Колдом, Блэком и Полярисом пошёл ко входным воротам, оставив Ферзя в гордом одиночестве. Бестия вытащила из кармана телефон, благодаря особому покрытию способный выдержать перепады её напряжения, и совершила первый телефонный звонок:

– Да, мэ. Слушаю вас очень внимательно, – раздался звонкий мужской голос.

– Сайкс, вызови группу зачистки по моей нынешней геолокации. Необходимо избавиться от улик, возможных записей камер видеонаблюдения и трупов. Последнего тут очень много.

– Оу... Что-то пошло не так, миссис Кейл?

– Ты, как всегда, проницателен, Герман. Всё пошло не так. Я даже не знаю, с чего начать... Брайан оказался отмеченным. У него дар гипноза, и он захватил наших пешек. Не всех, конечно, но этого было вполне достаточно. Мы потерпели поражение, просто потому что недооценили оппонента. Второй раз такого не повторится. Я хочу, чтобы наши люди обчистили весь дом, этого ничтожества Харви Молза. Извлеките все данные из его компьютеров... Мне плевать, будет у него порнуха в истории поиска или нет, главное – выполните эту задачу, Герман! Я уверена, что там найдётся нечто крайне полезное для всей организации.

– Хорошо, – согласился Сайкс. – А можно поинтересоваться? Сколько отмеченных вы взяли?

– Только Саат, – ответила Кейл и бросила трубку. – Да уж...

Тяжёлый выдох с трудом покинул её грудь.

– Теперь самое сложное... Главное – возьми себя в руки, Элизабет. Он всё поймёт и отреагирует без лишнего негатива. Он ведь любит тебя больше всех на свете и никогда не сделает больно. Просто позвони ему...

В списке недавних вызовов Ферзь нашла закодированный номер. Нажав на кнопку, она почувствовала, как её дыхание перехватило. Человек, который должен был ответить на звонок, явно вызывал у Кейл каскад разнящихся чувств, от страха до трепетной эйфории.

Несколько гудков, пара волнительных вдохов, и вот он, ответ:

– Лиз, любовь моя, прошу, обрадуй меня хорошими новостями, – ласково проговорил Король.

Женщина в чёрном на мгновение потеряла дар речи, неготовая разрушить настрой собеседника:

– Знаешь, я... Я не могу поделиться с тобой хорошими новостями.

– Лиз, ты тяжело дышишь. Что случилось? Выкладывай, милая.

– Мы... Мы провалили операцию. У нас только Саат. Полярис наверняка убил бесполезную девчонку Райс, но в этом я не уверена.

По ту сторону провода тоже возникла короткая пауза без единого звука.

– Ты ведь знаешь... я не могу на тебя злиться. Ты моя Королева.

– Да, знаю.

– И ты ни капли не злоупотребляешь моим терпением. Это не сарказм – так всё и есть. Я тебя очень сильно люблю, но... Мне ведь теперь придётся отчитываться. Вести неприятный разговор с теми, с кем я не планировал общаться. Эта перспектива ранит сильнее любого меча – оставляет на моей душе шрамы. Скажи мне, Лиз, ты хотела этого?

– Нет, не хотела...

Её электрический голос наполнила недостающая женственность.

– Я всё сделаю, лишь бы ты был счастлив. Я пойду на всё что угодно ради твоей улыбки.

– Тогда по порядку, Элизабет Джоан Кейл. С самого начала. Расскажи мне всё, чтобы я мог оправдаться в глазах Гроссмейстеров.

Властительница бурь мысленно склонилась перед Королём и, ничего не утаивая, поведала ему полную историю. Когда разговор закончился, она попрощалась с ним, оставшись в смешанных чувствах. Монарх никак не отреагировал на услышанное. Голосом, пронизывающим само естество Ферзя, он дал ей наказ отправиться в перевалочный пункт и ждать дальнейших инструкций.

Как это заведено – нет ничего хуже ожидания. По пути Кейл то и дело поглядывала на телефон в надежде увидеть хотя бы текстовое или аудиосообщение. Циферблат часов дошёл до отметки 3:00 p.m., а ответа так и не было – явно плохой знак.

Прибыв к точке назначения, представлявший из себя мобильный штаб, шахматные фигуры занялись своими делами. Ладья сменил костюм, Колд приготовился к скорой перевозке заключённых, а Блэк отправился к медику. «Ещё один час на ветер» – думала Кейл, заполняя бесконечные пачки однообразных документов, отсчитывая секунды до заветного звонка Короля. Готов поспорить, в сознании бестии пронесли десятки сценариев один хуже другого. Нервная система, словно абрикосовое дерево, расшатывающееся под гнётом ненасытных детей, постепенно теряла частички себя. Спелые плоды самообладания падали наземь снова и снова, и вот, когда терпение подошло к отметке предела, монарх наконец подарил Элизабет чарующие звуки своего голоса.

Задача была кристально ясна, и Ферзь поспешила отдать подчинённым приказы. Первым в кабинет вошёл Денис, рассерженный поведением Колда, оставившего его на произвол судьбы. Он немного поворчал и смолк, ибо жаловаться было не в его стиле. Кейл не пришлось долго и мучительно разжёвывать Дмитриеву план; громила схватывал на лету и не задавал лишних вопросов. Как я и сказал – однобокий портрет исполнителя.

Следующим пожаловал безэмоциональный Озвальд Колд, готовый принять волну возмущения грудью. Ферзь мельком набросала для него схему действий, передала требования ранее упомянутой Талос и на удивление даже извинилась перед ним за грубость. Видимо, беседа с Королём действовала на неё успокаивающе.

Полярис к тому моменту уже отправился на задание, лично полученное от Талос, поэтому ограничился разговором по телефону. Последним в списке посетителей значился Блэк. Придерживая обработанное врачами плечо, он по-хозяйски сел в кресло, облокотился на стол локтем, сдвинув бумаги Ферзя, и спросил напрямую:

– Вы реально хотите меня куда-то отправить в таком состоянии? Я, конечно, хорош, но, может, дадите денёк передышки?

– К сожалению, нет. Я поручаю тебе поиск Брайана Гилберта и супругов Сколлетти. Король дал приказ: Гилберта по возможности взять живым или ликвидировать. Он слишком опасен, и организация не может рисковать. Со Сколлетти всё проще: одного живым, другого мёртвым. Выбери, какого хочешь.

– Я всё понимаю, мэм, но, если вы не заметили, я ранен, – возразил Майлз, указав на перебинтованное плечо. – Дайте мне хотя бы сутки, чтобы вернуться в строй. С такой раной... со швами... я буду неэффективен! Почему бы не послать Дмитриева или Поляриса? Ден в два счёта управится!

Кейл, всё это время уставившаяся в телефон, оторвала глаза от полицейских хроник Сан-риз и с прищуром посмотрела на Блэка. Искрящийся взгляд, казалось, сейчас разрежет его, как тонкий лист бумаги. Конь своим крайне неподобающим тоном мгновенно вывел бестию из обрётённого равновесия, заставив её повысить голос:

– У Дмитриева и Поляриса уже есть задание, Майлз! Почему для разнообразия ты не можешь просто засунуть язык в задницу, проглотить возражения и сделать то, что просят?! Я, по-твоему, дура?!

– Нет... я так не думаю...

– Будь у меня иные варианты, я бы ими воспользовалась! Но перегонять из комплекса отряд для поимки шляпника – это просто тупо!

Кейл поправила наполнившиеся неоном волосы и сделала глубокий вдох.

– Группа зачистки на пути в особняк Молза, – опять глас её стал спокойным. – Герман заглянет сюда и передаст тебе твои любимые игрушки. Ты выдвигаешься на охоту, Конь. Не подведи... Колд скоро поедет в Отдел № 16, и я хочу, чтобы после поимки беглецов ты присоединился к нему.

Глаза Блэка тотчас округлись:

– Мы увидим Короля вживую?

– Возможно, – Элизабет выдала притягательную улыбку. – Не хочу торопить события. Сходи приведи себя в порядок, у тебя есть пара часов. Прими болеутоляющие и стимуляторы. Послушай меня, Майлз, так будет лучше для нас обоих. Я не стану трепать себе нервы, и ты заодно прочистишь голову. Если последуешь инструкциям, то встретишься с Королём победителем.

– Ладно... Ваша взяла... Сколько мне дадут человек?

Ферзь приблизилась к Блэку вплотную и со сладострастием томно произнесла:

– Нисколько.

– Что?! – выкрикнул он. – Вы меня ещё и одного послать собрались?! Это прикол?! Шутка, блядь, такая?! И вы надеялись, что я возражать не буду?! Это самоубийство! Бред! Какого хрена вообще у вас в голове творится?!

– Майлз Уоррен Блэк! – раздался громовой крик.

В ту же секунду норов буяна испарился, как утренняя роса. Он в страхе опустил глаза; его ладони затряслись. Самый дерзкий агент Нового Света превратился в ребёнка, от страха начавшего прерывисто и часто дышать. Увидев долгожданную реакцию, Кейл покинула удобное кресло и встала у Блэка за спиной. Тонкими ласковыми пальцами Ферзь принялась гладить гриву покорившегося Коня, нежно приговаривая:

– Тихо, тихо, тихо. Всё, не бойся. Больше не буду. Ты же не заставишь меня повторять, правда? Я знаю, что тебе неприятно это слышать, Майлз. Становится страшно... Наверное, даже больно? Мы с тобой поняли друг друга... Ты всё сделаешь... Провернёшь всё, как надо, и больше не услышишь эти слова. Ты ведь хочешь разделить с нами Новый Свет? Или уже забыл, каким ты был, когда я нашла тебя?

– Не забыл, – смиренно промолвил Блэк. – Я всё сделаю, мэм.

– Вот и умница. Новый Свет ждёт...

– Он направит свои лучи на каждого.

На этом разговор, неприятный для обоих чёрных костюмов, закончился. Конь покинул кабинет и отправился в раздевалку, дабы сменить окровавленный костюм на новый. Связавшись с Германом Сайксом, Майлз попросил его захватить несколько дополнительных побрякушек и уселся на улице ждать приезда оперативной группы.

Вы сейчас, скорее всего, задаётесь вопросом: что за странная реакция на собственное имя? Пожалуй, пришло время погрузиться на максимальную глубину и соприкоснуться с песчаным дном. Узнать, какие же секреты таятся на подводных просторах.

Просторах минувших лет.

В литературе, кино и в самой жизни есть разные типы злодеев. Их каждодневно обсуждают разномастные философы, псевдоаналитики и интернет-умники, не видящие дальше сокровенного бокса субъективного мировосприятия. Все как один лезут в дебри на уровне догадок, ибо самолично никто из них не сталкивался больше, чем с парой типов деятелей зла. Сегодня у меня появился шанс внести ясность, показать, что их гораздо больше, ведь я лично видел практически все.

Остановимся на пяти наиболее запомнившихся мне примерах.

Первый тип – оправданный обстоятельствами. Во всяком случае, так кажется самому злодею. Он уверен, что совершает зло по определённой причине: оно не является самой целью. Такой индивид постоянно мучается угрызениями совести. Хочет остановиться, но не может. На кону нечто важное – жизни близких или память о них. Он либо мстит за ушедших любимых, либо пытается их спасти. Его не волнуют власть, деньги или вечная жизнь; данный злодей мотивирован только любовью и, дабы её сохранить, он пойдёт на всё, что угодно... Приклонит колени перед кем угодно.

Второй тип – это человек, потерявший лицо. Забывший основы сострадания, несчастный, рьяно ищущий объяснение своему незавидному состоянию. Им движет вера в некую сокровенную цель – божий промысел. В поисках этого эфемерного смысла он скорее всего угодит в общество тех, кто незамедлительно воспользуется его слабостью и направит по нечестивому пути, убедив, что тот является единственно верным. И вот, когда цель перед глазами, второй тип будет шагать ей на встречу в надежде, что там, за краем мироздания он почувствует долгожданное удовлетворение... Отыщет священный Грааль – ответ на все вопросы...

Третий тип – наслаждающийся кровью и хаосом. Большинство назовут подобную мотивацию чистым сумасшествием. Психиатры подберут заумный диагноз, философы окрестят энтропией бытия, а диванные умники просто и ёмко навесят ярлык психа. На деле же всё гораздо сложнее... Такой злодей ищет крови из-за недостатка ярких ощущений. Его жизнь полна серости, уныния и репитатива: день сменяется ночью, затем обратно, и конца и края этой петле не видно. Подобных людей много. Они гасят жажду багровой жидкости спортом, охотой, сексуальными удовольствиями, граничащими с садизмом, и до конца дней своих умудряются не сорваться. Но есть те, кому всего перечисленного мало. Существование почти раздавило их, почти заставило смириться, как вдруг среди тумана забрезжила искра – вспышка, развязавшая им руки, открывшая путь истинного наслаждения, залитого кровью.

Предыдущими тремя нередко руководит четвёртый тип – скрытый от любопытных глаз манипулятор. Его мотивы порой благородны, а порой ужасны. Он жаждет возвести своеобразный рай на земле, построенный отчаявшимися, потерянными и иступлёнными яростью. Этот человек видел нечто, что, по его мнению, является абсолютным идеалом, который обязаны принять все без исключения. Но что это за идеал? В чём конечная цель? Правит ли ей тьма или свет? Скорее всего, те, кого четвёртый использует на манер кукол-марионеток, и не догадываются о сути. В конце концов им предстоит либо принять мир таким, каким его видит кукловод, либо умереть.

И, наконец, мы подошли к пятому типу злодеев – вечному беглецу, удирающему от прошлого, которое неумолимо плетётся за ним по пятам. Как бы он не старался, но скрыться не выйдет. Гонка всегда приведёт его лишь к одному результату – гибели всего, что стояло на пути. Сам того не ведая, злодей создаст в своём разуме иллюзорную причину этим абсурдным действиям и гонимый рукотворным миражом будет продолжать бежать от преследующих его демонов. Постоянно... Бесконечно... Всюду, где бы он ни был.

Именно к пятому типу относится Майлз Уоррен Блэк, но, чтобы понять, от чего же он так усердно убегает, необходимо отправиться в самое начало его истории. В то место, откуда он родом...

Городок Термополис – там Майлз провёл детство вместе с отцом. Мать бросила семью, когда ему было всего семь лет. Очевидно, особой родственной любви к сыну холодная Минерва Блэк никогда не испытывала, хоть он и пытался всеми силами заслужить её. Мальчик писал ей письма, звал на праздники и всячески старался поддерживать контакт. Все без исключения красные дни календаря от раннего утра до глубокой ночи Блэк младший проводил сидя у порога в ожидании мамы, милостиво ответившей на его зов. Негодяй в белой ковбойской шляпе, величавший себя папашей Майлза, каждый раз видя картину, подобную, как он её называл «Хатико», укатывался смехом и приговаривал одно и то же:

– Эта шалава не придёт за тобой. Ты никому, кроме меня, не нужен, щенок.

Что уж говорить... Она и вправду не приходила.

Тем не менее, мальчик продолжал надеяться. Макдональд Ванхаус Блэк, к счастью, ему не мешал, ибо глава семейства придерживался одного золотого правила, связанного с праздниками: не видеть рожу своего назойливого сынишки. По этим причинам день рождения, Рождество, День благодарения и Пасха для Майлза были одновременно печальными и лучшими днями в году. Теми, которые он проводил в одиночестве, ожидая несбыточного чуда.

Знаете, если спрашивать жителей Термополиса про Мака Блэка, все как один скажут, что он считает себя ковбоем. Именно считает. Его тщедушные попытки казаться всем вокруг уважаемым и значительным в местных кругах вызывали истерический смех. Непременно звучавший за спиной Макдональда, разумеется. Самое забавное в том, что маленький городок ловил кайф от процесса поддержания иллюзии мнимой крутизны Блэка старшего. Ему все поддакивали, называли истинным ковбоем, а некоторые ради смеха даже просились сделать фото на память с местной «легендой». Вот она, прелесть дураков: они искренне верят в свою исключительность.

Чем же занимался умопомрачительный ковбой Мак? Да всем понемногу. Разводил животных – коров, овец, лошадей. С переменным успехом зарабатывал на продаже куриных яиц. Предоставлял фермерам услуги быка по кличке Драго, прославившегося как мастодонт-осеменитель (если что, это чистой воды сарказм соседей Блэка), и пытался промышлять охотой на хищников. В общем гнался за сотней зайцев одновременно. Майлз, будучи далеко не глупым пареньком, понимал ошибку отца, но высказаться на этот счёт, к сожалению, не мог.

Почему? Да потому что отношение Мака к нему было, мягко говоря, скверным. Как Блэк младший ни старался, отец всегда оставался недоволен. Любая хорошая отметка в школе воспринималась как нечто само собой разумеющееся, а успехи на ранчо являлись частью обязанностей и никогда не восхвалялись отцом. Он вечно твердил одну и ту же казавшуюся ему «первородной» истину: «Майлз, твой дед, имя которого ты носишь, был ковбоем! Его отец Макдональд был ковбоем! Отец его отца Майлз тоже был ковбоем! Всё, что ты делаешь на ранчо, – это часть твоей семьи, это заложено в крови! Поэтому нет смысла хвалить то, что у тебя течёт в жилах! Работа и только работа – вот, что важно!»

То есть вы поняли... похвалы за свои успехи Майлз не получал никогда. Ласковое слово, рукопожатие, гордый кивок – все эти элементы грамотного воспитания обходили паренька стороной. Зато любой промах Макдональд Блэк отмечал за несколько километров. Весь скот в амбаре сразу прикрывал уши. Абсолютно каждый скандал в доме Блэков начинался с трёх ключевых слов:

– Майлз Уоррен Блэк! Я позвонил в школу и выяснил, что ты в группе отстающих по подтягиваниям! Знаешь, какой вывод из этого следует?!

Будущий носитель чёрного костюма в подобные моменты был в состоянии только прятать взгляд, опускать трясущиеся руки по швам и скулить в ответ:

– Нет, отец. Я не знаю...

– Конечно! Ты ничего не знаешь! Это значит, что я недостаточно нагружаю тебя работой! Если бы ты трудился в полную силу, твои мышцы были бы подготовлены к подобным нагрузкам! Ну-ка быстро пошёл в амбар и приступил к занятиям! Чтобы завтра всех порвал на физре, или я порву тебя!

«Где в амбаре можно подтягиваться?» – спросите вы. На грубой деревянной балке между стойлами, конечно же. Вопящий без умолку Макдональд Блэк заставил своего сына полночи заниматься физическими упражнениями до тех пор, пока Майлз не расцарапал руки в кровь и, обессилев, не упал на землю. Стоит добавить, что каждый такой «воспитательный процесс» сопровождался горой подзатыльников, ударами ремня с металлической пряжкой и постоянным криком:

– Майлз Уоррен Блэк!

Полным именем Мак называл сына только тогда, когда был им недоволен, то есть очень-очень часто. Каждая ссора начиналась с этих трёх запретных слов. Как только мальчишка слышал резонирующий ненавистью зов из брызжущей слюной пасти отца, он вздрагивал и начинал быстро и прерывисто дышать. В результате у него развился нервный тик, о котором в городе практически никто не знал; Майлз попросту никому не рассказывал. Во всех своих бедах (включая уход матери) он винил себя: мол, проблемы жалкого слабака никого не интересуют. И знаете, что самое жуткое в этой ситуации? Всем реально было наплевать.

Ни один школьный учитель ни разу не задался вопросом, откуда у ребёнка на руках синяки, почему он вечно не собран, напуган и рассеян... Вот оно, полное равнодушие – катализатор будущих бед. В ответ на него Майлз Уоррен Блэк не стремился заводить новые знакомства и друзей. Одиноким и измученным, он лично принял решение отстраниться от общества людей – бесполезных, думающих лишь о себе паразитов, загрязняющих землю и убивающих животных. Последних юный почитатель Гринпис и считал настоящими друзьями. Верными собратями по несчастью, делящими с ним ранчо Макдональда Блэка. Майлз ухаживал за ними, приводил их пристанище в порядок и часто рассказывал о выпавших на его долю испытаниях. Кони, коровы и птицы оказались идеальными слушателями – молчаливыми и справедливыми.

Если начать выискивать потенциальные темы для рассказов в амбаре, глаза тут же разбегутся порознь, ибо материала благодаря Маку Блэку наберётся целый архив. Проблемы с учёбой, слишком громкое чтение, плохое настроение самого папаши (что, кстати, не редкость) – можно продолжать бесконечно. Единственное, за что горе-ковбой не мог зацепиться, так это за мусор. Майлз никогда не оставлял после себя беспорядка. Никаких банок из-под газировки, никаких скомканных бумаг или следов от обуви на пороге. В комнате мальчишки всегда был образцовый порядок, так же, как и на всём ранчо. Любой другой родитель гордился бы таким сынишкой, но только не Макдональд Ванхаус Блэк. Однажды он докопался буквально до мелочи, которую не приметил бы величайший в мире детектив.

Уровень притянутости за уши непомерно зашкаливал, и, чтобы понять всю абсурдность ситуации, лучше описать её.

Девятое мая две тысячи четырнадцатого года, за три дня до события икс (как его обозвал Малкольм Хендрикс в шоу «Рассвет чудовищ»), шесть утра. Блэк младший проснулся безо всякого будильника и сразу встал с кровати. Аккуратно заправив постель, он направился чистить зубы и умываться, а затем спустился вниз завтракать. Птицы щебетали за окнами, лучи солнца дарили чувство бодрости и успокоения. Вроде бы, прекрасное начало дня, но не спешите с выводами... Дабы напомнить, что утро добрым не бывает, папаша стоял посреди кухни с недовольной физиономией, указывая пальцем на полку над столом.

– Майлз Уоррен Блэк! – крик Макдональда Блэка прозвучал, словно взрыв гранаты.

– Да, отец? – промолвил мальчик, уставившись в пол.

Тут ряха Мака скривилась так сильно, что, казалось, она сейчас сделает бочку.

– Что нужно сказать своему отцу, малец?

– Доброе утро, сэр?

– Доброе утро, сын. У меня к тебе очень серьёзный вопрос! Почему у меня в кофе нет сахара?

Майлз подошёл чуть ближе и вопросительно посмотрел отцу прямо в глаза. Вернее, в его серые, злобные, затерявшиеся на просторах заплывшей жиром морды, пышущие ненавистью угольки, готовые сжечь паренька живьём.

– Я не совсем понимаю, сэр.

– Хорошо, хорошо... Я тебе объясню, – учёно проговорил Мак. – Настоящий отец должен обучать своё чадо! Давай вернёмся к истокам проблемы: что нужно сделать, чтобы рас-творимый кофе стал сладким?

– Добавить в него сахар?

– Правильно! Смекаешь, значит!? А как добавить в него сахара? Что мне для этого требуется?

– Эмм, ложка... которой ты положишь сахар в чашку и... – Майлз коротко задумался.

– А-а-а-! Да роди ты уже эту сахарницу! – закричал Макдональд. – Сахарница! Долбаная, сука, сахарница! Знаешь, почему я не смог ей воспользоваться?! Потому что один маленький урод не заполнил её вчера вечером! Теперь ты понял?! Ты понял меня, Майлз Уоррен Блэк?!

За этим вопросом последовал обязательный подзатыльник.

– Да, я понял! Простите меня, пожалуйста!

– Простите, кто? – правая бровь отца чуть приподнялась. – Я не расслышал...

– Простите, сэр.

Блэк старший утвердительно кивнул.

– То-то же. Думаю, в качестве обучающей меры я накажу тебя. Ты будешь пить чай и кофе без сахара весь следующий месяц! Может, тогда ты не будешь забывать, что необходимо подготавливать сахарницу с вечера?!

Несмотря на очевидную глупость обвинений, парень не осмелился возразить. Он понимал, что забыл привести сахарницу в боевую готовность, потому что отец нагрузил его работой с лошадьми, но аргументация и логика были с Маком, мягко выражаясь, не в ладах. Поэтому мальчик безгласно съел порцию овсяной каши и пошёл в школу. Там учителя никогда не называли его по полному имени: Майлз лично попросил их этого не делать при первом же знакомстве. На вопрос «Почему?» Уоррен (так обычно к нему обращались работники учебного заведения) ответил, что ему просто не нравится это имя. К счастью, «договор о произнесении» учителя исполняли исправно, а ученики ничего об этом не знали. Блэк младший умел держать язык за зубами.

В школе чёрному костюму относительно везло. Задиры обходили сына псевдоковбой-стороной, считая недостойным их внимания. Звёзды и любимчики преподавов вообще не знали о его существовании, а директор был слишком занят обхаживанием мисс Теренсон – учительницы естествознания.

Только Фелиция Кроуфорд поддерживала с Майлзом контакт, и то непродолжительно – всего несколько недель. Девочке из параллельного класса выпало работать с ним над проектом по биологии – самым любимым предметом Блэка младшего. Она хотела стать ветеринаром и в некоем роде заразила его своей мечтой – помогать животным по-настоящему. Двое быстро нашли общий язык и весело проводили время друг с другом. Макдональд не возражал, ведь таким образом он поддерживал образ идеального папаши в обществе – даже здесь он видел

способ приподняться. В школе «ковбой» не трогал сына, а дома раздавал ему смачные подзатыльники. Рабочая схема, как говорил сам Мак.

И всё бы ничего, но по пятницам (а именно на этот день недели, кстати, и выпало то самое девятое мая, о котором идёт речь) Фелиция уезжала к бабушке в соседний город, и Майлз был вынужден приходить со школы вовремя. Он вошёл в дом, снял обувь, в которой по нему ходить не разрешалось и без промедлений направился в свою комнату, дабы не наткнуться на отца. Мак перед выходными привозил с собой пару девочек, и их Блэк младший предпочитал не видеть.

Быстрым шагом мальчик направился к лестнице, и, скорее всего, отец так и не предстал бы перед его глазами в тот день, не отвлекись он на таинственную коробку в углу прихожей. Незнакомую и безумно притягательную. Всем видом бокс буквально умолял открыть его и посмотреть, что же хранится внутри. Макдональд не виднелся на горизонте, значит, у любопытного парнишки в распоряжении было минимум несколько минут. Аккуратно, не оставляя заметных следов, он открыл картонную хранильницу тайн и обнаружил поистине завораживающее содержимое: пару новеньких чопперов из натуральной кожи. Коричневый окрас, золотые застёжки – Мак однозначно купил обновку себе.

«Нужно скорее бежать наверх, пока он не увидел» – подумал Майлз, неспособный оторваться от дивного зрелища.

Натуральная кожа вопреки его любви к животным в этот раз почему-то ни капли не вызвала отторжения. Чопперы обладали неким гипнотическим воздействием – будущий чёрный костюм желал их, как ни что другое прежде. Размер сорок пять – у Мака и Майлза он был один. Младший в свои четырнадцать почти догнал старшего по росту, а ступнёй соответствовал ему вплоть до малейшего изгиба.

С мыслью о том, что пора бы замести следы и удалиться, мечтательный мальчишка потянулся к крышке коробки, когда ему навстречу вышел ковбой вся Термополиса в компании двух проституток не первой свежести.

– Майлз Уоррен Блэк, ну-ка быстро убрал руки! Это не для тебя!

– Виноват, сэр, – по-армейски проговорил сын. – У вас превосходный вкус, сэр!

Гневная рожа Мака предсказуемо стала чуть добрее.

– Хм, ну в этом ты прав. Ладно, иди поиграй с лошадьми пока. Дай папке свободного пространства.

– Слушаюсь, сэр! – с этими словами Майлз оперативно обулся и покинул дом, лишь бы не насолить отцу, которому бог в чашку чая по утрам явно сыпал столовую ложку чёрного перца.

На столь необычный диалог, как ни странно, отреагировала одна из представительниц древнейшей профессии:

– Жёстко вы с ним. Неужели нельзя полегче?

Макдональд звонко шлёпнул её по ягодице.

– У нас тут армейский строй, малышка! Делаю из мальчугана мужчину! Он мне ещё будет благодарен! Мой отец так же меня воспитывал, и погляди, каким я стал!

Вот тут Мак откровенно лгал. Его отец Майлз Кирам Блэк никогда не срывался на сыне. Отнюдь, он даже был неплохим отцом, несмотря на то, что отдавал предпочтение сестре Макдональда Мередит. Её в Термполисе все называли образцовым ребёнком – гордостью семьи Блэков и всего города. Красавица и умница, она закончила школу экстерном и поступила в университет Вайоминга на специальность «Технологии пастбищ и управления водосбросами», то есть выбралась за пределы родных краёв во имя защиты семейных интересов. Мак же поступил в высшее учебное заведение только со второго раза и, что уж греха таить, не дотягивал до уровня сестрицы. Он совершал потуги за ней угнаться, но ему мешало нечто, буквально вьевшееся в само естество.

Кирам Блэк называл это пассивной ленью. Если у Мака что-либо не получалось, он просто бросал это дело до тех пор, пока его кто-то не заставит к нему вернуться. Кирам пытался и, поверьте, не раз; в итоге он смог поставить на ноги обоих своих детей, но если Мередит воспевалась городком, как легенда, то Макдональд хотя бы не стал разочарованием. В него он превратился после смерти сестры и родителей. Мать и отец умерли от естественных причин, а вот Мередит, не достигнув тридцатилетнего рубежа, погибла в автокатастрофе, не успев подарить миру достойного преемника. Анна и Кирам Блэк пролили море слёз: их доченька распрощалась с миром в двадцать семь лет. Угадайте, как отреагировал Мак? Напился на радостях, под градусом обвинив сестру во всех смертных грехах, конечно же... Узнав об этом, Кирам Блэк тогда вывалил на сына всю силу правды-матки, макнув Макдональда мордой в грязь:

– Это моя вина, что ты таким вырос... Будь я внимательнее и умнее, то увидел бы, в какое ничтожество ты превращаешься. Ты всю жизнь думал, что прикладывать усилия – это глупо. Легче ведь валяться на диване и ждать, пока тебе всё принесут на блюдечке с золотой каймой. Ну так я тебе скажу, Ванхаус: мир так не работает. Рано или поздно, меня и твоей матери не станет, и ты будешь вынужден утонуть в собственном дерьме. Быть может, найдётся какая-нибудь дура, которая тебя подхватит, но чувствую я, что даже она долго не выдержит.

Согласитесь, сложно поспорить с Кирамом – он оказался прав во всём. От начала и до самого конца.

Небось, сейчас, узнав всю вышескомпанованную информацию о Макдональде Ванхаусе Блэке, вы невольно задаётесь вопросом: какая же внешность дополняла этот потрясающий внутренний мир?

Отец Майлза представлял собой рослого мужчину, вплотную подобравшегося к пятому десятку лет. Его образ жизни в последние годы не предусматривал физических нагрузок и правильного питания. Из-за того, что именно Майлз выполнял львиную долю работы на ранчо, Мак прибавил в весе, отрастив внушительное брюхо, а его кожа потеряла былой фермерский загар. То же самое можно сказать и об образе мачо. Блэк старший настолько распустился, что его сходство с сыном, к сознательному возрасту превратившимся в настоящий идеал мужской красоты, практически не проглядывалось. А ведь Макдональд когда-то действительно был красавцем. К описанному же моменту он распрощался с каштановой шевелюрой – ей на замену пришла поредевшая седина, помахал на прощание обаятельной улыбке – жёлтый налёт на зубах перечеркнул её, и спровадил наполненный тестостероном блеск серых глаз, в отличие от сыновних, не обладавших примесью синевы. Образ горе-ковбоя дополняли длинные ноги и руки-кувалды, которыми было очень удобно колотить своего сына.

Из-за очевидной разницы во внешности люди частенько сплетничали на тему измены в семье Блэков: якобы, Минерва ходила налево. А как ещё несведущим объяснить, что Майлз абсолютно не похож на Макдональда? Догадки, рассказы и небылицы в помощь, как говорится.

Вернёмся к пятничному марафону мерзостей.

Пока отец развлекался дома, Майлз привёл амбар в порядок, покормил животных и решил заняться любимым делом. Как у каждого ребёнка, не обделённого природным благословением, у Блэка младшего был талант – он вырезал фигурки из дерева. Героев фильмов, домашних и диких животных, разнообразных чудищ и бюсты знакомых людей – тех из них, кто оставил на душе мальчика несмываемый глиф памяти. Таких в коллекции числилось всего две – Минерва Блэк и Фелиция Кроуфорд. Майлз прятал их под полом в небольшой шкатулке и вытаскивал лишь тогда, когда нуждался в приливе тёплых воспоминаний. Разумеется, в тайне от отца. Детально воссозданные из дерева лица матери и школьной подруги могли бы поразить даже искушённых прикрасами художников, но талант Майлза сковывали тиски ранчо, служившего ему тюрьмой.

Держа любимых в своих измученных практически рабским трудом ладонях, он абстрагировался от звуков оргии, творившейся в стенах дома, и обратился к высшим силам не в первый и даже не в сотый раз:

– Бог, я почти каждый день прошу, и меня словно не слышно. Неужели это значит, что я плохой человек и никаких шансов нет? Я совершенно один? Знаю, звери со мной, но они такие же пленники... Жизнь здесь ужасна, и мне кажется, что я больше не выдержу. Помогите мне, господа. Я знаю, просить о чём-то конкретном неправильно, но тогда просто сделай хоть что-нибудь. Всё, что угодно, лишь бы моя жизнь изменилась. Я собственное имя слышать не могу – оно меня убивает. Да, согласен... в мире есть те, кому гораздо хуже... это и без объяснений понятно, но... Неужели, я даже тебе не нужен? Хоть кому-нибудь? Я хочу помогать животным – делать мир лучше и послужить примером. Разве это ничего не стоит? Если нет, то... То просто дай знак, что я тут навсегда, и я смирюсь.

Склонив голову, Майлз сел на пол и обхватил свои колени.

– Я смирюсь... Обещаю.

В рассуждениях на тему смысла жизни сын ковбоя-притворщика провёл следующие полчаса. Ровно до того момента, пока вызывающие отвращения возгласы женщин по вызову не покинули территорию фермы, сигнализируя конец развлечений Мака.

Майлз запер ворота амбара и обречённо поплёлся домой медленными шагами. Он дал себе лишнюю возможность поразмышлять о своей последней молитве и решил для себя, что, если бог в этот раз не ответит, продолжать дальше не стоит. Иного выбора нет: просто жди знака, и, может быть, он придёт. Ты, главное, верь в лучшее, парнишка. На такой отклик рассчитывал Блэк младший, но мироздание в присущей ему манере дало совершенно иной ответ:

– Майлз Уоррен Блэк, это ты? – раздался голос Макдональда, не успев его сын переступить порог. – Поднимись-ка наверх!

Следуя приказу тирана, мальчик робко зашагал по лестнице.

– Быстрее! Я что, до утра тебя буду ждать?

– Иду, – подал голос Майлз, ускорив шаг. – Что-то случилось?

– Да, случилось! Ты мне нужен!

Наконец, приоткрытая дверь, ведущая в комнату Макдональда распахнулась, и его отпрыск показался в проёме.

– Я здесь.

– Отлично. Скажи мне, чем ты занимался всё это время? Какие дела сделал?

– Я покормил животных...

– Та-а-ак...

– Убрался в амбаре, привёл всё в полную боевую готовность. Ну... то, что вне дома. Ты ведь не разрешил мне пока возвращаться.

Мак зловеще улыбнулся и хрустнул костяшками пальцев, вызвав у сына лёгкую дрожь.

– Хорошо. Что ты будешь теперь делать?

– Наверное, пойду делать уроки, сэр.

Физиономия папаши тотчас утратила ухмылку.

– Нет, ты сейчас переоденешься в спортивную форму и будешь бегать вокруг участка. Я опять позвонил в школу. Там скоро будут проводить соревнования бегунов, и я, блядь, не понимаю, почему ты не записался?!

– Я не... – Майлз запнулся на полуслове. – Я ведь не бегун, сэр. У меня не получится...

– А вот это уже мне решать, Майлз Уоррен Блэк! Мне насрать, кто ты и что ты! Я просто хочу, чтобы ты участвовал!

Правая рука вечно недовольного сукина сына потянулась к ремню, лежащему на комодке рядом с виагрой.

– Солнце ещё высоко, гадёныш, поэтому быстро переоделся и побежал, мать твою!

Склонив голову в молчаливом согласии, мальчик отправился в свою комнату переодеться, дабы выполнить нелепый приказ хозяина дома. Марш-бросок длиною в жизнь официально начался с этого самого момента: Майлз Уоррен Блэк побежал навстречу бесконечности. Макдональд тем вечером заставил его намотать больше десятка кругов просто так, ради смеха. Ошибку природы в белой ковбойской шляпе ни капли не интересовала физическая подготовка – он только хотел поиздеваться над сыном. Любым способом, лишь бы получилось.

На следующий день папаша придумал ещё более изощрённую схему: как вам сортировка семян для посадки? Не видите ничего нелогичного? Суть в том, что Блэк старший предварительно перемешал уже отсортированную продукцию, сел в кресло на улице, вытащил ружьё, чтобы выглядеть пострашнее, и проорал свой очередной приказ:

– Майлз Уоррен Блэк, приступай к работе! Тренируй внимательность!

Тут меня, признаюсь, распирает от желания перечислить все типы наказаний, всплывших среди найденных мною документов. Мак заставлял сына стоять на канцелярских кнопках, пить прокисшее молоко, ради прикола стрелял рядом с ним, однажды чуть не попав парню в ногу, усаживал в машину и запирали там на ночь, предварительно напоив отпрыска литрами воды (суть заключалась в том, что ходить в туалет в салоне строго запрещалось), просто избивал его со словами «не держишь удар, прямо, как моя сестра», ну и, разумеется, выдумывал разнообразные конкурсы, о которых в стенах школы никто и никогда не слышал; сами подумайте, ну какие ещё соревнования бегунов?

Несложно догадаться, что смысл был именно в издевательствах ради издевательства, и я описал лишь тысячную часть, пережитого мальчишкой из Термополиса ужаса.

Вечно продолжаться подобное не могло.

В понедельник двенадцатого мая две тысячи четырнадцатого года произошло то самое событие икс – Макдональд заподозрил сына в нечестном отношении к себе. Каким-то образом он прознал, что Майлз вырезает фигурки из дерева. Можно было бы наказать его, как обычно, но Ванхаус решил поглумиться над Блэком младшим на полную катушку. Перед сном, около десяти часов вечера псевдо-ковбой позвал Майлза Уоррена Блэка в прихожую. Мальчик приготовился к худшему, как вдруг вместо наказания отец решил подарить сыну новые чопперы.

С улыбкой на лице Мак протянул ни разу не надетую пару и улыбнулся.

– Держи, они твои, сынок.

– Это мне? – недоверчиво проговорил Майлз. – Но почему?

– Ты хорошо работал последнюю неделю. Что я за отец, если не отмечу это? Давай, надевай, пока я не передумал!

«Очевидная ловушка» – подумает любой мало-мальски накормленный горьким опытом жизни. Мак наверняка задумал нечто гнусное, но тут я попрошу поставить себя на место несчастного паренька. Он попросил бога о знаке, о чудесном знамении. Думаю, никто не станет спорить, что в глубине души мы все жаждем признания предков – неожиданного, спонтанного и необходимого. Именно это Майлз, как ему казалось, и получил.

«*Неужто бог услышал меня?*» – промелькнуло у него в голове.

Чопперы пришлось в пору; они прилегли к ступням, словно отлучённая часть тела, слившись с самой душой будущего чёрного костюма, подчёркивая его внутренние противоречия, определяя судьбу. Конь Нового Света родился на глазах Макдональда Блэка – изверга, послужившего подкормкой грядущему хаосу.

– Они хорошо на тебе смотрятся. Очень хорошо! Я дарю их тебе, сын. Но и ты теперь должен подарить мне что-нибудь.

Майлз ошарашенно посмотрел на отца, который продолжал улыбаться.

– Но у меня ничего нет, папа.

– Ой, да брось. Я знаю, что ты вырезаешь деревянные игрушки.

– Правда? – мальчик отшатнулся назад. – И ты совсем не злишься?

В ответ Мак пренебрежительно махнул рукой.

– Нет, не злюсь. Это даже здорово, Майлз! Мой сын обладает таким потрясающим талантом! Дай глянуть на твои поделки! Хочу гордиться сыном!

– Ладно... – протянул тот. – Они в амбаре... Пойдём, я тебе покажу.

Пара, окрашенная искусственной радостью, отправилась к заповедному месту. Мак освещал путь керосиновой лампой, приговаривая многочисленные лживые похвалы (с трудом вытягиваемые из прошлого, когда Кирам хвалил его сестру), а Майлз безмолвно шёл вперёд, объятый сомнением вкупе с обречённой покорностью. Макдональда это молчание вполне устраивало. Давние семейные обиды конвертировались в нём подобно пузырю ненависти, готовому лопнуть, как только Майлз покажет ему плоды своего неповиновения в виде деревянных фигурок.

Небольшое отделение в полу, всё это время скрытое от глаз хозяина дома при помощи сена, открылось, и мальчик принялся вытаскивать содержимое шкатулки. Мак сел рядом, поставил фонарь на пол и запустил диалог:

– Ну, что тут у тебя?

– Смотри, пап, вот это лошадь, а вот это корова. У меня есть ещё пара солдат – я сделал их на День независимости. Вот ещё ковбой. Тебе нравится?

С лица Мака не сходила эта неприятная, кривая улыбка.

– Да... Очень нравится, сынок, – ответил он, взяв в руки ковбоя.

Того, кем никогда не был и не станет. Героя фильмов, мифов и легендарных былей. Этот идеальный образ из дерева разъедал сущность Макдональда кислотой объективной реальности – обидой на самого себя.

Что это такое? Парень издевается надо мной? Хочет показать, что стоит выше? – думал он. – *Это непростительно!*

– В общем, я часто экспериментирую, сэр. Хотел поначалу сделать ковбою лассо, но для этого нужны тонкие инструменты, поэтому я отложил эту идею на потом. О, вот кстати лев! Я долго маялся с его гривой, но, как по мне, получилось круто. Как думаешь, есть смысл попробовать на какой-нибудь конкурс?

Сжимая издёвку в руках, хозяин ранчо почувствовал, как отголоски прошлого переполнили хрупкое пространство, и пузырь ненависти лопнул. Моментально фальшивая атмосфера семейного взаимопонимания дала трещину, из которой потекла отравленная гневом желчь.

– Боже мой, ты думаешь, это смешно?! – прокричал Ванхаус, оттолкнув сына в сторону. – Тебе весело, сукин сын?! Отвечай, тебе захотелось пошутить?!

Потеряв равновесие, Майлз упал наземь и испуганно отполз назад.

– Что я сделал? Что на это раз? Почему ты разозлился?

Оскалившийся Макдональд схватил несколько фигурок и швырнул их в стену с такой силой, что они разбились на куски.

– Маленький ублюдок, ты всё это время смеялся надо мной?! Ржал за спиной?! Чёртова мелкая тварь! Отвечай мне, Майлз Уоррен Блэк, я по-твоему посмешище?!

– Нет! Я не понимаю, отец! Что я сделал?

– Всё ты понимаешь, маленькая сволочь! Ты хочешь ткнуть меня носом в мои ошибки, да?!

Деревянный ковбой и солдаты улетели прочь. Мак кричал на сына своим хриплым, мерзким голосом, уничтожая его труды один за одним. Щёки безумца покрылись багрянцем, когда он добрался до двух лежавших на дне шкатулке последних сокровищ – Минервы и Фелиции.

– Не надо! Только не их! – взмолился Майлз. – Пожалуйста!

Тут Блэк старший остановился. Улыбка садиста воцарилась на его лице, ибо он обнаружил сладкую сердцевину – идеальный способ сделать сыну по-настоящему больно.

– А-а-а, это твои любимые? – пропел Мак, покрутив фигурками перед мальчишкой. – Что бы мне такое с ними сделать? Как насрать, чтобы было побольше? Подскажешь мне, маленький уродец? Может поджечь их?

Ковбой-неудачник поднёс к фигуркам зажигалку.

– Или, может, расколоть их молотком?

Он открыл ящик в комодке рядом со стеной и пальцами перебрал инструменты.

– Нет, это слишком просто.

– Отец, не надо! – Майлз судорожно покачал головой, уставившись в глаза Макдональда. – Только не маму и Фелицию! Не делай этого!

– Ты прав, я не стану! Во всяком случае не сам... Вьюнок, вроде, как твоя любимая лошадь? А, Майлз Уоррен Блэк? Я прав? Конечно же, прав! Вот ему я и скормлю это говно! Заставлю твоего любимчика жевать эти обсосанные поделки! Как тебе?

Изверг подошёл к чёрному коню, погладил его гриву и дал понюхать несъедобный корм. В глазах животного от одного лишь присутствия Мака воцарился бешеный страх. Подобно Майлзу, жеребец попятился назад и врезался в препятствие в виде стены, сделавшей побег невозможным. Некуда бежать, негде укрыться.

– Забавно получается, верно, сынок? Сколько бы ты не старался, как бы не выёживался, ты, блядь, всё равно кусок говна! Моего говна! Я догадывался, что ты меня презираешь... Всё-таки, когда тебе постоянно прилетает на орехи, ты вряд ли будешь любить того, от кого получаешь.

– Я правда не хотел над тобой смеяться! – проревел младший. – Клянусь! Я честно говорю!

– Тупой ты засранец! Настолько тупой, что не понимаешь самого себя! Ты хотел этого, но только подсознательно... Поэтому я сейчас разберусь с твоими сраными поделками, а потом возьму ружьё и буду бить тебя прикладом по хребтине до тех пор, пока не услышу хруст костей. Ты не будешь ходить в школу! Я посажу тебя на домашнее обучение, чтобы ты стал неотёсанным быдлом! А в колледж ты никогда не поступишь! Ты вообще никогда не покинешь это ебучее ранчо!

Дабы исполнить задуманное, Блэк старший потянулся к сапогу и вытащил охотничий нож. Зазубренное лезвие сверкнуло улыбкой хозяина, самодовольно взглядывавшего в собственное отражение. Он восторгался не своими жизненными достижениями, не чувством крепости внутреннего стержня, а предвкушал травлю родного сына – в отместку Кираму Блэку. В эту секунду Мак совершил роковую ошибку, а именно потерял бдительность. Отведя глаза от сына, злодей не заметил летящую в него керосиновую лампу, брошенную Майлзом в порыве отчаяния.

– Не трогай коня, чёртов ублюдок! – выкрикнул будущий чёрный костюм, запустив снаряд в голову отца.

С треском врезавшись в лоб Макдональда, лампа разлетелась на куски. Осколки стекла вонзились в лицо ковбоя, но боль от них перебивала горячая жидкость, моментально пожравшая хозяина ранчо целиком. Амбар наполнился истошным криком Макдональда Ванхауса Блэка; запах плавящейся словно парафин кожи, окутал каждый дюйм порочного здания, годами резонировавшего незаслуженными страданиями. В глазах животных, поддавшихся панике, виднелся силуэт человека, пытающегося сбить огонь. Все попытки спастись от стихии оставались на его руках в виде тягучей опалённой массы. Она цеплялась за отслаивающиеся ногти, буквально выдирая их с корнем, разбрызгивая капли закипающей в воздухе крови, делясь на части с каждым новым прикосновением. Блэк старший кричал, надрывая и без того

расшатанные голосовые связи, покуда Майлз наблюдал за тем, как глазные яблоки ненавистного ему монстра превращались в запёкшиеся угли, выворачивающиеся наизнанку.

Он прошмыгнул мимо отца, подобрал уцелевшие деревянные поделки, открыл стойла, чтобы выпустить зверей, и оглянулся назад, на того, кто получил по заслугам. На выродка, перед потерей сознания в последний раз промолвившего: «Майлз Уоррен Блэк».

Языки пламени распространились по застеленной сеном земле, но мальчик успел провратиться к выходу вместе с братьями по несчастью. Запах человеческого мяса не покидал его ноздри, но это и к лучшему – пусть аромат победы побудет ещё немного. Вопли стихли – чудовище было мертво, погребено в объятьях огня.

Майлз с облегчением выдохнул: некто, возможно, бог, услышал его молитвы.

Как бы то ни было, городок Термополис мал, а значит, огромный пожар не мог ускользнуть от стражей закона, яро игнорировавших домашнее насилие. Блэка младшего арестовали на следующий день. При себе у него имелись двенадцать долларов, маленькая фигурка Фелиции Кроуфорд и портфель с одеждой, среди которой нашли пару примечательных коричневых чопперов сорок пятого размера.

Дело открыли сразу же. Полицейским не составило труда выбить из четырнадцатилетнего мальчишки чистосердечное признание. Он выложил им все подробности: рассказал о непрекращающихся издевательствах отца, его недетских развлечениях и финальных минутах. Синяки, ссадины и шрамы, покрывавшие тело Майлза, служили прямыми доказательствами, что во время допроса копы получили дистиллированную правду. По итогу относительно недолгого разбирательства Блэк младший схлопотал три года в колонии для несовершеннолетних за непредумышленное убийство. Со слов присяжных, у них отсутствовали альтернативы (кроме полноценной тюрьмы, куда частенько от нечего делать попадали дети), ибо цитирую: «Это Вайоминг». Если быть честным на все сто, то им банально хотелось поскорее упечь паренька за решётку и разойтись по домам.

Угодив в заключение, Майлз решил действовать по новой схеме: давать отпор каждому, кто посмеет на него косо посмотреть. С отцом подобное получилось, значит, толпа жуликоватых сверстников уж точно не стала бы проблемой. Всего за несколько месяцев будущий чёрный костюм изменился до неузнаваемости. Из добродушно мальчугана он превратился в дикого зверя, не подпускавшего к себе никого. Оступившиеся детишки, представлявшие собой воров, убийц и даже насильников, не подходили к Майлзу на пушечный выстрел, а всё потому, что наш буян умудрился покалечить по меньшей мере двадцать человек, среди которых значились два переростка, превосходивших его по боевым параметрам. Психиатр Фредерик Йен, курировавший колонию, объяснял поведения Блэка воздействием на него окружения. На одной территории с ним соседствовали малолетние отбросы общества, служившие триггерами к ужающей трансформации термополисовского отцеубийцы. Проще говоря, Конь буквально впитывал негативное воздействие – зло окружало его со всех сторон. Тем не менее, тюремных потасовок было мало, чтобы продлить срок Майлза и перевести его в заведение посерьёзнее. Ни один из осмелившихся ему насолить не распрощался с жизнью, стало быть, надежда на выздоровление ещё не отправилась на тот свет.

Всё изменилось на третьем году заключения, когда сокамерник Блэка Сэм Уотс отплатил долг обществу и благополучно вышел на волю. Его пригретое место занял Томми Кериг, известный в узких кругах как редкостный ублюдок, коему хорошо бы перерезать глотку, пока не поздно. На вопрос «Кто ты такой?» этот семнадцатилетний сукин сын извечно отвечал одно и то же: «Насильник, грабитель, бандит с большой дороги».

Вы уже чувствуете нотки этого изысканного аромата, не правда ли?

Единственным другом Майлза на протяжении всех трёх лет был воробей по кличке Марко, который по необъяснимой причине привязался к нему и на постоянной основе заглядывал в гости. Птица скрашивала мрачные дни Блэка и служила ему отдушиной – чистым огоньком, неиспорченным преступными деяниями. Рядом с пернатым товарищем, по заметкам Йена, Майлз Уоррен Блэк становился разговорчивее и, пусть и неохотно, но шёл с ним на контакт. Все без исключения психиатрические сеансы проходили в присутствии воробья. Каково было удивление Фредерика, когда ему сообщили, что ублюдок Кериг раздавил малыша об стену, дабы поиздеваться на своим любящим животину сокамерником. Финал истории Томми предсказуем чуть больше, чем полностью: Майлз забил его до смерти голыми руками, впечатав то, что осталось от наглой морды засранца, в холодный тюремный пол. Всего за месяц до освобождения...

В итоге Фредерику поручили разобраться в ситуации до того, как очередной суд приговорил бы Блэка к продолжительному сроку. В заведении куда более страшном.

Диалог начался с типичного для Йена приветствия, стоило Майлзу усесться в кресле.

– Здравствуйте, почтенный господин Блэк. Случившейся инцидент меня весьма удручает. Казалось, мы нашли точки соприкосновения. Нашли путь без насилия. Вам оставалось совсем немного, и я хочу понять, почему вы решили всё испортить.

– Я решил? – спросил буян, внешность которого тогда мало чем походила на голливудскую. – Ты походу ещё больший кретин, чем я думал.

– Снова переходим к ослаблениям. Вы этого не хотите, я знаю. Вам думается, раз я среди преступников, то стоит им соответствовать. Мы уже проходили этот этап, Майлз.

Блэк криво ухмыльнулся и положил руки, закованные в наручники на стол, сцепив пальцы.

– А что, если это я? Ты не думал об этом? Вчера, ковыряясь в мозгах Керига, я понял: вот он, я настоящий. Зверь, которым должен быть. Ты всё пытаешься меня переделать, но мы уже знаем исход. Как только мне исполнится восемнадцать, я поеду в тюрьму. Меня даже в четырнадцать хотели упечь туда, но не прокатило! Поэтому не трать моё время зря... Я хочу обратно в камеру...

– Туда пока нельзя, это место преступления, – проговорил Йен, разведя руками. – Марко больше с нами нет, и я прошу вас, расскажите, что вы чувствовали. Если не поделитесь со мной, я не смогу смягчить наказание.

Речи психиатра заставили Майлза рассмеяться:

– Ах-ахаха! Реально? Чё, правда хочешь помочь? Чем интересно? У тебя есть охуительная идея пропихнуть меня, как психа? Как того, кто якобы не отвечает за свои действия? Пиздатая мысль!

– Господин Блэк, прошу, не выражайтесь.

– Не тебе мне приказывать! – прокричал Конь, обрушив мощь кулаков на стол.

Охранник, стоявший позади, тотчас напрягся, но Йен остановил его отмашкой.

– Он не опасен, не бойтесь за меня.

– О, ему стоило бы, Фредди. Ой, как стоило бы! Знаешь, какие три типа людей я ненавижу? От которых меня воротит так, что кровью блевать охота...

Психиатр облокотился на кресло и как ни в чём не бывало улыбнулся:

– Нет, не знаю. Вы никогда не рассказывали.

– Хорошо... Тогда слушай внимательно, надутый ты упырь. Первый тип – это ублюдки, которые думают, что они умнее всех. Выше всех... Таким был мой отец, и где он теперь? В могиле с обожжённым ебалом! Второй тип – это твари, которые считают гомо сапиенс высшей ступенью эволюции. Блядь, даже смешно! Ты никогда не замечал одну странность? Большинство животных рожают вполне себе жизнеспособных отпрысков. Они могут ходить, сами при-

нимают решения и, можно сказать, готовы к миру, такому, какой он есть... А что человек? Младенец – это, сука, самое беспомощное говно на свете! Он вообще никуя не может! Тогда скажи мне, Фредди, в каком месте человек – высшая ступень эволюции?

– Ладно, хорошо... Я понял вас, Майлз. Поведайте тогда, какой третий тип людей вас раздражает?

– Третий? Хм... Психиатры. Я, сука, ненавижу психиатров. Самая обоссанная в мире профессия! Вы делаете вид, что всем помогаете. Печётесь о всеобщем душевном состоянии, но на самом же деле вам похуй! На всех! Вся ваша задача состоит в том, чтобы взять пациента на приём, высосать из него максимум профита и навесить заумный ярлык, так, чтобы звучало поэффектнее! А потом всё... дальше насрать, что с ним будет. При этом вы не допускаете и малейшей мысли, что можете быть не правы. Что мир устроен как-то иначе... Зачем? Можно просто назвать всех больными и выкинуть их подальше. В то место, где потемнее...

– Мне ясна ваша точка зрения, Майлз, но...

– Я не закончил, – голос отцеубийцы прогремел, словно землетрясение. – Знаешь, в чём ирония? Ты объединяешь в себе все три типа ублюдков. Ты считаешь себя умнее других, у тебя на столе лежит книга «Человек конструирует бытие» и ты, блядь, психиатр. Если когда-нибудь мне представится возможность...

Блэк зловеще придвинулся к столу.

– Я сделаю с твоей башкой то же самое, что я сделал с башкой Керига. Поэтому почаще оглядывайся и спи с включённым светом.

На следующий день под впечатлением от столь угрожающего диалога Йен заявил о полной вменяемости Блэка. Ему дали десять лет в тюрьме штата Вайоминг по факту наступления совершеннолетия. Личные вещи переехали вместе с хозяином, и цикл запустился по новой; только не в пример колонии, соседями Майлза теперь были взрослые преступники, видевшие в нём молоденькую добычу для сексуальных утех.

Получилось ли у них? Скажем так, старина Уоррен львиную долю отсидки провёл в камере. Он изуродовал пятую часть всех отматывавших срок врагов правопорядка и закрепил за собой прозвище «Термополисовский отцеубийца». На пятом году ни один зэк не осмеливался подойти к нему. Спортзал, в котором яростный буян и мастер запугивания психиатров усиленно тренировался, синхронно пустел каждый раз, когда он переступал порог. За исключением неопрятной бороды и вечно грязных косм нефтяных волос, переродившихся из гладкой лысины (правила каждого уважающего себя исправительного заведения), Конь практически построил знакомый мне образ красавца чёрного костюма. Без шуток – возраст шёл ему на пользу.

Со временем местные криминальные заводицы даже прониклись к Майлзу неким подобием уважения. Как ни крути, парень объективно был хорош тем, что в одиночку умудрился построить целый тюремный блок. Правда, в семье не без урода, и в две тысячи двадцать четвёртом, на шестом году крайне приятного времяпрепровождения Майлза на его территорию пожаловал Мэдсен Бун – человек своеобразный и довольно известный... в преступном кругу, разумеется. После непродолжительной тусовки на воле он вернулся в обрешёченный дом на второй срок. Зеки, которые сидели больше пятнадцати лет, или же отматывали не в первый раз, очень хорошо знали его. Бун был знаменит благодаря грязным делишкам и своему «искромётному» чувству юмора: шутки про матерей, отсидку, расистские хохмы, реднек-юмор – гремучая смесь для выдавливания улыбок. С её вкусовыми качествами и предстояло познакомиться Майлзу Уоррену Блэку.

На второй день после возвращения главного по части шутеек, Блэк пересёкся с ним в столовой, ожидая продвижения очереди за крайне питательной и ни разу не похожей на рвоту похлебкой. Под действием уныния, Бун решил отточить запылившиеся комедийные навыки и обратился к соседу, коим и оказался наш вспылчивый приятель:

– Эй, снежок, я слышал, ты тут местный ворчун? Бузишь на кого не попадая?

Поняв, что обращаются к нему, Майлз молча посмотрел на Буна, чем вызвал у того широкую улыбку. Вмиг между парочкой нависла молчаливая пауза, и Конь, решивший не обращать внимания на явные признаки расизма, устремил серо-голубой взор в сторону и сделал вид, будто Мэдсена не существует.

– Голливуд, я с тобой говорю.

Тогда и родилось это прозвище.

– Не будь задницей – хватит меня игнорировать. Я слышал, ты типа в основном защищаешься. Мол, всякие дебилоиды сами лезут.... Это правда? Ты, типа, весь такой неприкасаемый?

И снова никакого ответа.

– Да, и я сам раньше постоянно отбивался. Тут полно любителей сладенького, если ты понимаешь, о чём я. Поговаривают, ты избил до полусмерти одного говнюка при помощи его же штанов. Закрутил пацана оранжевым и отмудохал по первое число. А ещё говорят, что ты избил Упругого Джонни, мол, он к тебе приставал с отсосом. Чё? Только по девочкам?

– Слушай, тебе башня жмёт? – Блэк наконец падал голос. – Отвали от меня, пока цел.

Тут хитрая физиономия Буны стала радостнее прежнего, ибо шутник нащупал точки соприкосновения.

– Да ты это, охлади траханье, кореш. Я же так, типа, по-дружески интересуюсь. Кстати, прикольная причёска. Стилль – я не подстригаюсь, сука, никогда... Ты с того момента, как тебя обрили, вообще не стригся?

– У тебя с этим какие-то проблемы?

Бун пожал плечами и слегка подвинулся, дабы не тормозить ожидающих тюремную баланду.

– Тебе идёт, Голливуд. Очень идёт! Прямо круто смотришься, и сейчас я не прикалываюсь. Шутки будут скорее на тему пернатых...

Услышав последнее слово, Майлз пристально уставился на Мэдсена и сжал обеденный поднос до белизны в пальцах.

– Повтори!

– Ну, пернатых... Я слышал, ты замочил своего сокамерника в колонии малолеток из-за воровья. Типа, ты людей не любишь, а животных обожаешь. Пиздец трешак! Ты ёбнутый, и это здорово! Но у меня один вопрос... Я разузнал о тебе поподробнее – ты, типа, сын фермера, а значит, у вас были зверушки... Раз ты такой весь из себя король зверей... Ты их трахал?

Подобный вопрос в обычной ситуации заставил бы Майлза начать драку, но, учитывая то, что два дня назад он покинул ненавистный ему тёмный карцер, пришлось молча проглотить обиду.

– Я не осуждаю, кореш, – продолжил Бун. – Дрюкал лошадок в попу, так дрюкал. Это нормально... Тут сидят чуваки, которые трахали собственных дочерей, и теперь их самих колбасят в попенций. Романтика, блядь, – закончив мысль, Бун протянул руку Майлзу и улыбнулся. – Меня, кстати, зовут Бун. Мэдсен Фицджеральд Клейтон Бун.

– Майлз Блэк, – Голливуд, нехотя пожал пятерню нового знакомого.

– Очень приятно, Майлз Блэк. Одно только но... Мама меня учила, типа, надо полным именем представляться.

В ту же секунду тело будущего чёрного костюма пронзил страх. Чудом все эти годы, наполненные нескончаемым выживанием, ему удавалось избегать клейма прошлого. Метки оставленной его отцом, как напоминание. Почувствовав слабость в руках, потерю контроля над дыханием и прерывистый шёпот панической атаки, Блэк разорвал рукопожатие и отвернулся от Мэдсена.

Столь необычная реакция ожидаемо вызвала у Буна интерес:

– Ты чего? Всё нормально? Не хочешь представляться, так и скажи. Разницы всё равно никакой нет... И я так знаю, как тебя зовут, кореш. Меня тут все охранники любят и перевозят так, что я уже сам полистал твоё личное дело с утра. Имя-то какое красивое, блин: МАЙЛЗ УОРРЕН БЛЭК...

Тотчас Коня передёрнуло от услышанного. Три запретных слова, произнесённых в ряд, прогремели, как колокол освобождения, знаменующий возвращение дьявола в райские кушхи.

– МАЙЛЗ УОРРЕН БЛЭК! – голос Макдональда раздался где-то за воротами сознания.

Завидев изменения в поведении соседа, Бун облокотился на стол и уставился ему в глаза.

– Чё с тобой такое, кореш? Майлз Уоррен Блэк – вполне хорошее имя.

– МАЙЛЗ УОРРЕН БЛЭК! ТЫ ДУМАЛ, ЧТО УБЕЖИШЬ ОТ МЕНЯ?! – крик отца становился всё ближе и ближе.

– Подождите-ка, – Мэдсен вышел из очереди, выставив указательный палец перед собой. – Народ, этот фрик боится собственного имени! Смотрите! Майлз, – здесь подонок сделал паузу, Уоррен, – а затем ещё одну, – Блэк!

Одним наплывом, животным и обезумевшим, на всю столовую раздался громогласный вой, сопровождаемый звуком брошенного подноса, угодившего в стол рядом с Буном. Майлз оскалил зубы, словно хищный зверь, и прорычал свою угрозу:

– Заткнись, иначе я вырву тебе язык, сукин сын! Захлопни пасть, выродок!

Дабы сказанное не казалось пустым трёпом, Конь направился к Мэдсену, но тот, вооружившись фатальным оружием, применил его три раза подряд:

– Майлз Уоррен Блэк! Майлз Уоррен Блэк! Майлз Уоррен Блэк!

Слова, подобно пулям, впивались в тело отцеубийцы, не оставляя видимых глазу следов. Вместо этого они отпечатывались на его душе. Следом за Буном эстафету подхватили и остальные ээки, выкрикивая имя один за другим. Помещение пожрали голоса сотни орущих тварей, получающих удовольствие от каждого звука; среди них были и те, кому бешеный зверь Термополиса насолил лично. Подобранные с невероятной тщательностью и любовью к своему делу ублюдки, для которых высшей радостью было понаблюдать за чужими страданиями, рвали глотки с энтузиазмом, способным вызвать зависть даже у Вилли Койота, жаждущего поймать неуловимого страуса.

Град причиняющих боль звуков заставил Блэка склонить колени и закрыть уши руками. Он кричал, что есть мочи, умолял их остановиться, но мольбы лишь разжигали всеобщий интерес. Надежды на понимание и угасание кошмара покинули будущего чёрного костюма, когда ему на глаза попались охранники.

Держатели порядка с улыбками до ушей вопили:

– МАЙЛЗ УОРРЕН БЛЭК!

И вот сердце Коня сжалось до предела. Среди ревушей толпы он увидел лик отца – его серые глаза и отвратительную ухмылку, натянутую, издевающуюся и абсолютно невыносимую. Немедля в голове последнего из семьи Блэков, того, кто держал в страхе худших из худших, воцарилась пустота. Она заглушила ненавистное ему имя, доносившееся изо ртов окружавших его монстров. Необузданное желание стереть всех в порошок, разрушить оковы прошлого и смести любые препятствия на своём пути заняли образовавшийся в сознании отцеубийцы вакуум иступления. Хаос поглотил Майлза Уоррена Блэка целиком, преобразовав гнев в энергию, способную разрывать саму мать Гею. Способную устранить его... психологический барьер.

Поднявшись на ноги и испустив из низов глотки звериный вопль, он инстинктивно обрушил на землю удар титанической силы. Заключённые, оказавшиеся в эпицентре, даже не успели понять, что произошло. Кинетическая волна, образовавшаяся от топота, расщепила их на мелкие составляющие до того, как они закончили произносить три запретных слова. В отличие от близстоящих, те, кто находился на уровне Мэдсена Буна, столкнулись с види-

мыми последствиями гнева Блэка... Бетон под их ногами ожил, обернувшись искривлёнными шипами, призывая преступников к ответу за издёвку над тем, кто хотел лишь покоя.

Буна наказание постигло сразу: гео-острие пронзило его голову через рот, окрасившись в красный посредством гортанного водопада крови. Остальные же поочерёдно распрощались с жизнями. Земля покрывалась танцующими трещинами, филигранно сметая мешки с костями один за другим. Под раздачу попали не только нарушители закона; охранники, дежурившие по периметру, с криками врезались в стены. Мыслительные центры их черепных коробок в глазах гипотетического ценителя арт-хаусного искусства оставляли за собой посмертные образчики живописи.

Всё то, что вы сейчас представили с моих слов, отняло у стихии от силы, пару жалких секунд, подаривших Майлзу высшее наслаждение. Он осмотрелся вокруг и мгновенно понял, чего хочет, – свои личные вещи и долгожданную свободу.

Конечно, пара уцелевших охранников попыталась остановить геомансера, но тот вновь опустил ногу на землю. Подсознательно контролируя траекторию землетрясения, он обрушил на бедолаг потолок, тем самым пополнив список имён завтрашних некрологов. Лужи крови верных сотрудников тюрьмы растеклись из-под завалов, а, значит, последующие смельчаки как минимум задумались бы над оправданностью выполнения рабочего долга.

Последующие коридоры к заветной камере хранения Блэк прошёл в обществе сирены тревоги – никто не смел бросить ему вызов. Отцеубийца наблюдал одни только тени, в панике скрывавшиеся за углами. И вот, когда чопперы прильнули к ногам Коня, он при помощи новообретённых способностей сделал себе выход из тюрьмы и скрылся за горизонтом. В тот день не единая душа не посмела его преследовать.

Так знаменитый побег, описанный Малькольмом Хендриксом по ТВ, и свершился.

Несколько лет прошли для Майлза, как в тумане. Он скрывался под покровительством криминальных боссов и выживал, как умел. Сменить имя не представлялось возможным, ибо Блэк был беглым преступником, которого ФБР объявили чуть ли не самым опасным убийцей Вайоминга. Происшествие в тюрьме угодило в архив сверхсекретных дел под глифом, на произнесение которого я убью как минимум пять минут реального времени. Версия с использованием некоего сейсмического оружия утекла в массы, а Майлз Уоррен Блэк пропал со всех радаров. Если верить некоторым весьма сомнительным источникам, отцеубийца зарабатывал путём выполнения мафиозных поручений – открывал ходы туда, куда нос совать не стоило. Бандиты охотно верили в то, что Майлз обладает технологией взлома, а он довольствовался деньгами и тихим существованием.

Всё изменилось, когда нашего беглеца обнаружила Ферзь. Кейл раскрыла ему правду об отмеченных и пообещала исполнить его давнюю мечту – просветить и поставить на место ненавистных ему людишек. Первой жертвой на пути эволюционного превосходства стал Фредерик Йен; бестия использовала психиатра в качестве подарка Майлзу. Она умела найти нужные рычаги, и Блэк с радостью принял её подношение, исполнив нерушимое обещание, данное Йену на сеансе психиатрии. Термополисовский отцеубийца назвался Конём Нового Света, дабы сбежать от трёх запретных слов, и стал чем-то большим... Чем-то смертоносным.

Не стану вдаваться в подробности уговора парочки – эти детали всплывут немного позже. Сейчас куда важнее, что мы добрались до части истории, где Майлз Уоррен Блэк отправился за Гилбертом и Сколлетти. Тогда я не знал, почему Элизабет Кейл приняла столь абсурдное решение... Почему она отправила Коня против них в одиночку, когда сама же сказала, что Новый Свет недооценил врага?

Впереди ещё много тайн. Тем не менее в затылок Техасскому Фокуснику и Бесформенным Гимнастам дышал человек, для которого прошлые раны служили катализатором безумия.

Такому раскладу не позавидуешь...

Конец записи 15

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведет: Карсон Смит

К: Да уж, а мне Блэк всегда казался заурядным бандитом-садистом. К моменту вашей встречи, за свои тридцать три года он успел многое перенести...

М: Такое часто бывает. Тебе кажется, будто картинка проще некуда... Что ты во всём разобрался, и тайнам в общем пейзаже места не нашлось. На самом деле реальность куда сложнее. Фантомы перипетий судьбы бдят днём и ночью, дабы сделать наше существование чуть интереснее.

К: У меня вопрос: как Майлз сам себе не вредит своими же способностями?

М: Из материалов К.О.С. я узнал, что тело нашего бешеного зверя окружает постоянное поле вибрационного диссонанса. Проще говоря, Блэк вибрирует на частоте, защищающей его от собственных способностей. Тактильно ощутить её невозможно, но по факту она существует.

К: Это было очень интересно, мистер Саммерс. Полагаю, пришло время остановиться? Что будет завтра? Какая часть истории ждёт нас?

М: Пора вернуться в салон Раптора, Карсон. Мы подошли к важному отрезку. В тот день я почти трансформировался в того, кем являюсь сейчас. В человека, своей душой не имеющего ничего общего с исчезнувшим спрингфилдским мальчишкой. Бабочка практически выбралась из кокона – метаморфоза завершена наполовину.

Глава 13. То, что у нас забрали

Мэттью Саммерс, Джеффри Палмер, Харви Молз и Субъект В8.

24.09.2033.

На пути в Нью-Йорк.

– *Господи, почему всё должно быть именно так? Чем мы заслужили это?* – думал Джеффри, всматриваясь в простирающуюся перед ним дорогу. – *Проснись, Палмер, это всего лишь сон! Ты спишь, Елена не могла умереть! Мэтт, скажи, что я прав! Скажи, что я сейчас проснусь, и ничего на самом деле не было!*

Запертый в чуждой оболочке, мой лучший друг обернулся и увидел совершенно незнакомого человека, державшего тело прекраснейшей девушки на руках, словно тяжкий груз.

– Мэтт... Ты... Твои глаза! Что с ними стало?! Я не узнаю тебя! Куда ты подевался?! Ты слышишь?! Боже, неужели он перестал меня слышать?! От него исходит гнев, глаза переполняют ярость! Она пугает меня! Старик, ответь, прошу!

Никто не откликнулся на зов.

– *Прошу только не сходи с ума! Хотя... Может, это я сошёл с ума, что не узнаю лучшего друга?! Нет! Я не спятил! Я вижу эти изменения! Он не плачет – просто сидит с ней! Любой другой ничего бы не заметил, но не я! Я знаю его почти всю жизнь, и это не Мэтт Саммерс! Во всяком случае не тот, кем он был ещё несколько часов назад! Мэтт, чёрт побери, ответь! Я знаю, ты меня слышишь! Хватит меня игнорировать! Не поддавайся этому чувству!*

– Молз, сколько часов пути до города? – прозвучал мой спокойный безвозвратно сорванный хриплый голос.

Харви, не отрываясь от дороги, ответил вопросом на вопрос:

– Мать честная... Ваши голосовые связки – неужели вы их сорвали, Мэттью?

– Не имеет значения. Прошу, скажите, сколько осталось до города?

Я говорил тихо, размеренно, без каких-либо эмоций, и только Джефф заметил в этом нечто зловещее, внушающее первородный ужас. Куда более великий, нежели страх перед Новым Светом. Друг Неубиваемого Человека переродился в не так давно упомянутое «меньшее зло». В тот миг борьба Фатума и Надежды принуждённо остановилась – две сущности бытия замерли, разинув рты, ибо их аватар втайне ото всех уже принял сторону конфликта. Он выбрал мрачный путь – дорогу разрушенного прошлого и небрежно склеенного будущего. Медленными, но уверенными шагами призрак Мэтта Саммерса шёл по теневому маршруту, первой остановкой в котором значился морг.

– Мы должны отвезти тело Елены в морг, Харви. Так будет правильно.

Молз прикусил нижнюю губу и поделился родившимися возражениями:

– Друг мой, это слишком опасно. Так мы привлечём внимание полиции и властей. К тому же я не наведывался в городской морг с момента смерти жены. Даже если там по сей день и работает моя приятельница, откуда гарантии, что она нас не сдаст?

Знакомый вам спрингфилдский мальчишка наверняка начал бы кричать и спорить с учёным, но, как я уже говорил, он исчез. От него ничего не осталось, и новый для вас человек отреагировал в своей манере:

– Харви, ты либо едешь туда, либо я сейчас сам сяду за руль и отправлюсь туда без тебя, – в моих словах отсутствовали нотки гнева или ярости. – Войди в моё положение, дави на газ и не задавай лишних вопросов, прошу тебя.

Хриплый, низкий глас, будто туман мрачного жнеца, охватил салон автомобиля.

– Меня не волнуют копы или силы закона... я хочу организовать Елене нормальные похороны. Это последнее, что я могу сделать для неё. Думаю, тут никто не осмелится бросить её труп на обочине.

– *Мэтт, что с тобой? Почему ты так говоришь и куда подевался мой друг? Я не узнаю тебя, старик.*

– Я не знаю, когда отвечу тебе, Джефф. Не сегодня, не завтра, возможно, никогда. Экзистенция сама решит, что будет дальше и как я себя поведу... Поэтому просто едем вперёд, и всё.

На этом диалог закончился. Палмер и Молз замолкли. Последний не решился перечить человеку, со стороны напоминающему сумасшедшего, и поехал в городской морг Нью-Йорка. Родившаяся тишина позволила мне сосредоточиться на Елене; её глаза всё ещё были открыты, и, всматриваясь в их бездонную глубину, я не мог позволить себе закрыть их. Очи мисс Райс служили чем-то вроде якоря, державшего историю всей жизни на берегу воспоминаний. Наше знакомство, первый поцелуй, первая ночь, проведённая вместе, первая ссора и первое примирение... Слайды поочерёдно переключались один за одним, и в каждом я находил что-то тёмное, сдавливающее душу тисками.

Самым трудным моментом оказался наш перелёт в Санриз Сити. Он воцарился в сознании, как виновник всех настигших нас бед. Я вспомнил ту сцену чётко и ясно:

– Слушай, а что, если мне там не понравится? – спросила она, облокотившись на кресло. – Вдруг город не произведёт на меня должного впечатления?

– Ну, тогда мы просто соберём вещи и полетим обратно. Здесь другого расклада быть не может.

Безупречное лицо моей спутницы выдало неприкрытое изумление.

– Серьёзно?! Ты же напрочь убил отношения с Винсом, как мы вернёмся? Неужто ты будешь газеты на улице продавать?

– Сообразим по обстоятельствам. К тому же я уверен, что тебе понравится Санриз со всеми его пышными излишками и экзотикой. Творение Риза и Дарк'Сан нам идеально подходит. Вместо натужного пафоса, присущего подобным городам, Санриз щедро отдаёт тебе всё и сразу. Это ведь то, что мы с тобой всегда искали: положительные эмоции, хорошая работа, и мы будем там все вместе. Ты, я и Джефф... наш любимый человек на миллион долларов. Уверен, ты не разочаруешься.

– Точно-точно?

– Точно-точно, – проговорил я чуть тише, чтобы не разбудить уснувшего рядом Палмера. – В Санриз мы раскроем наш истинный потенциал. Ты увидишь удивительные вещи и удивительных людей. Члены труппы тебе точно понравятся – они классные. У них невообразимо крутые способности, но при этом они ведут себя, как обычные люди.

– Мне всё равно кажется, что ты что-то не договариваешь, Мэтти.

Елена была права, в принципе, как и всегда. От неё ничего не скроешь, и поэтому я решил выложить все карты на стол, таким образом ознаменовав начало новой жизни.

– Есть одна вещь... Признаться тебе?

– Давай, – улыбнулась она.

– Я с недавних пор переживаю из-за работы. Мне всё кажется, что ты заслуживаешь мужчину посостоятельнее. Я не богач, не модель, не наследник империи, каких-нибудь Дарк'санов... Ты могла выбрать кого угодно, но выбрала меня – стандартного, ничем не примечательного Мэттью Гордона Саммерса. Вся суть в том, что...

– Мэтт, хватит нести чушь. Ты объективно красивый парень. Прекрати так себя принимать. Для меня ты идеал, и точка. Мой голубоглазый умный красавец. Когда я встретила тебя, то вообще подумала, что ты ловелас. Смотрю, и в голове мысли: Бог мой, он меня сейчас раскрутит на одну ночь и завтра же забудет! Знаешь... я бы даже на такое повелась... Невозможно

устоять! А ты в итоге умудрился удивить меня... Галантный, честный и немного загадочный – настоящий человек, каких сейчас мало. Я тебя ни на кого не променяю, дурачок.

– Даже на миллиардера?

– Тем более! С таким количеством денег у него наверняка проблемы с самооценкой почище твоих. Там будут тучи комплексов, приправленных шизой...

Получив желаемый ответ, я поцеловал мою принцессу, и она положила голову мне на плечо. Мимолётно диалог приостановился, а потом:

– Мэтт? – прошептала мисс Райс.

– Да-да?

– Может, мы когда-нибудь детей заведём? Ну, когда встанем на ноги... У нас будут дочка и сыночек – самые умные, самые красивые и успешные. Дядя Джефф с радостью научит их ковыряться в тачках и пошло острить...

Представив картину с дядей Джеффом, я рассмеялся на весь салон.

– Мэтт, ты его разбудишь! Дай поспать человеку!

– Прости. Последнее очень зашло – прямо в точку.

– Ну так что? – сладко пропела она. – Как тебе идея?

– Отличная. Мы с тобой станем образцовыми родителями. У нас впереди вся жизнь. Проживём ещё сто лет и будем гордиться нашими детишками.

Елена вновь улыбнулась.

– Точно-точно?

– Точно-точно.

Какая отвратительная ложь... Сидя в Рапторе, держа её бездыханное тело на руках, я понимал, что обманул Елену Александру Райс. Ложное обещание встало комом в горле, разрастающимся с каждым новым воспоминанием. Обманщик заслуживал наказания – он должен был взять клинок, убивший его любимую женщину, и вонзить острое лезвие в своё заплевывшее сердце. Получить по заслугам и принять участь самоубийцы – никогда даже в загробном мире не увидеть её глаз!

Застрав на границе между жизнью и антисуществованием, я сохранял равновесие благодаря возникшей под ногами каменной платформе – серой поверхности, на которой виднелись два небрежно выцарапанных слова: месть и семья. Две цели, позволявшие двигаться дальше.

– *Отныне, Мэттью, не тани с исполнением обещаний и не зарекайся о том, что не можешь воплотить в жизнь*, – проговорил господин Надежда. – *Возьми это за правило.*

Дав согласие, я наконец закрыл глаза Елены и замолчал до самого конца поездки. Молз не смел нарушать тишину. Он погрузился в свои мысли, дабы занять разум хоть чем-нибудь. Учёный размышлял о дальнейшей тактике и о том, что мы сможем противопоставить Новому Свету, а Неубиваемый Человек мучал себя бессмысленными самокопаниями в попытках достучаться до меня:

– *Почему я не могу слышать твои мысли, старик? Мне хочется знать, каково тебе. Хочется понять, похожи мы сейчас или нет. Елена была моим другом, незаменимой частью жизни... и теперь... от меня будто отрезали что-то важное. Спорю, ты сейчас думаешь о том, чтобы убить того бронированного с мечом. Наказать его за всё! Я даже не знаю, правильно ли это – верить самосуду и... Хотя, нет... убей он Таннели, я бы ни разу не задумался о такой хрени. Да, да и ещё раз да! Этот сукин сын однозначно заслуживает кары, но я хочу понять одно, Мэтт. Что будет, когда твой враг умрёт? Ко мне вернётся старый добрый Мэттью Саммерс? Или тот, кто сейчас сидит на заднем сиденье, навсегда займёт его место?*

Я слышал каждое слово Палмера, но он не получил ответов на свои вопросы. Не по причине моего нежелания отвечать, а из-за банального отсутствия оных. Убьёт ли Мэттью Гордон Саммерс Поляриса? Вернётся ли он после исполнения задуманного? Подъезжая к зданию городского морга, мы трое могли лишь строить пустые догадки. Тело мисс Райс лежало на руках человека, потерявшего собственное Я, подавленный учёный заглушил мотор, пума ступила на холодный асфальт. Три путника бездны зашли в хранилище мёртвых, дабы пополнить ряды ушедших.

Далее события развивались по довольно предсказуемому сценарию. Охрана не пропустила Палмера дальше порога, заставив человека-кота ждать нас у двери. Харви переговорил с паталогоанатомом, без лишних подробностей обрисовав ей ситуацию. Он извинился за предоставленные неудобства и объяснил врачу, что, кроме меня, у Елены не осталось родных, поэтому сообщать о смерти некому. Женщина по имени Зои выразила свои глубочайшие соболезнования, но настояла на том, чтобы мы вызвали полицию.

«Вы заявили сюда под вечер и принесли с собой тело девушки, погибшей от ножевого ранения. У меня нет выбора», – сказала она с нотками волнения в голосе.

Молз сперва сопротивлялся, просил её не сдавать нас властям и даже выписал чек, суммой перекрывавший беспокойство сотрудников морга и похороны Елены. Увы, этого оказалось недостаточно, и уже менее чем через десять минут снаружи здания раздался шум сирен стражей правопорядка.

– Стоило того, – проговорил я, садясь в машину с надписью «Служить и защищать».

По приезду в участок района Адской Кухни нашу троицу развели по разным камерам и до шести утра оставили наедине с собственными мыслями. Таким не хитрым способом копы пресекли возможность формирования общей версии произошедшего. Они надеялись, что в наших показаниях будут прослеживаться расхождения, благодаря которым впоследствии раскроется правда.

Слава богу, копы хотя бы исполнили просьбу Харви – Джеффри выделили охранника и посадили в отдельный кабинет. Полицейские восприняли Палмера как экзотическое домашнее животное, и, зная репутацию Молза, относились к нему с уважением.

– Не думал, что скажу подобное, но блин... Ты такая мусипусечка! – с умилением проговорил страж Неубиваемого человека. – Откуда ты взялась, киса?

– *Из Чикаго, придурок, штат Иллинойс!* – хотел бы ответить Джефф. – *Просто зашибись, я должен сидеть тут и слушать этого кретина? Бог, ты не мог придумать наказание попроще? Ты посмотри на его рожу. Лыбится, вытянув губы, как утиный клюв, косит глазами и издаёт звуки, словно у него в генах пары шариков не хватает! Как его вообще на работу взяли?!*

– Ты голодная, наверное, да? – спросил коп, насыпав на пол горсть сырных чипсов. – На, покушай, девочка.

Палмер удивлённо выпучил люминесцирующие глаза, несколько раз переведя взгляд с пиццы на полицейского, а затем растерянно сделал шаг назад и прижался головой к стене.

– *Не, ну ты вообще debil, мужик... Кормить кошку чипсами? У кого-нибудь тут есть таблетка цианида?!*

Пока мой лучший друг боролся с приступами щедрости охранявшего его офицера Гелена, Харви находился в обществе двух мужчин в возрасте примерно сорока лет, знавших карту допроса наперёд. Представившись по очереди, офицеры Доусон и Скрейк применили против учёного известный всем и каждому приём «хороший коп, плохой коп». Вся сцена напоминала типичную постановку из кинофильма, где закованный в наручники подозреваемый сидит в полумраке и отвечает на разношёрстные вопросы, периодически получая угрозы. Для полного комплекта не хватало разве что мужчины в клоунском гриме с грубыми порезами в

районе губ и миллиардера в броне, своим видом походившей на костюм человека – летучей мыши.

– Вы ведь известный генетик, мистер Молз, – начал Доусон, облокотившись на стол. – В стране вы пользуетесь несомненным авторитетом, и ваши труды ставят в университетские программы. Всё вышесказанное значит, что сегодня у меня большой улов. Как вы узнали Мэттью Саммерса? Вы познакомились с ним в Санриз Сити? В Потустороннем Квартале?

– Не совсем так... Мы познакомились не на работе. Нас свёл наш общий друг Брайан Гилберт.

Доусон сходу оживился и попросил Скрейка сделать записи в бумагах:

– Зафиксируй это, Билл. Хорошо, Харви, значит вас познакомил владелец самого громкого шоу Америки или даже мира. Интересно...

– Не то слово, – вставил Уильям Скрейк. – Мы с дочкой ездили в прошлом году – потрясающее шоу! Как они всё это делают, мистер Молз? Вы стопроцентно знаете... Или же вы знакомы с Саммерсом не так давно?

– Совсем недавно, офицер Скрейк. Но, как это поможет вам, вы ведь... – не закончив предложение, Харви чихнул из-за скопившейся в помещении пыли.

Скрейк вытащил из заднего кармана платок и, будучи хорошим копом, передал его учёному.

– Держите, он чистый. Давайте начнём с самого начала. Вы сказали, что знакомы не так давно. Вам что-нибудь известно о смерти Джеффа Палмера? Что-нибудь не общедоступное... Новость о гибели Неубиваемого Человека потрясла весь мир. Ходят слухи, что это всё пиар-ход... Один механик из Квинса утверждает, что недавно к нему заходили Мэттью Саммерс и тогда ещё живая Елена Райс. Они сказали ему, что Палмер жив, и это действительно пиар-ход Гилберта.

– Ну, и чего же вы от меня хотите?

Тут же перед лицом Молза в стол врезался кулак Доусона, ждавшего именно этого вопроса.

– Ничего странного не замечаешь?! Как удобно, а?! Я готов поспорить, что Саммерс специально выдал эту версию Стольски! Чтобы тот разболтал её и обеспечил ему прикрытие! Одна единственная недоработка нарушила его планы – Елена Райс больше не могла молчать и решила рассказать людям правду о том, что её парень убил лучшего друга из-за зависти! Это так, Молз?! А теперь он явился в морг, якобы её убил кто-то другой?! Какой классный способ отвести от себя подозрения!

Версия плохого копа вызвала на лице генетика настоящий мимический танец. Он широко разинул рот, приподнял брови и выпучил глаза. За всю свою жизнь Харви Вильбур Молз не слышал большего бреда.

– Что? Вы вообще понимаете, как это звучит? Что это вообще такое? Офицер Доусон, вы пересмотрели в интернете видеоматериалы мамкиных теоретиков? Это не просто притянуто за уши... Нет! Это самое переусложнённое заявление, что я когда-либо слышал! Могу сказать, что вы выбрали неправильный путь развития, друг мой! Вам нужно писать детективы! От фанатов отбоя не будет!

– Хочешь сказать, я ошибаюсь?

– Да, ошибаетесь! Елена погибла от рук злоумышленника в маске! Он и его команда организовали нападение на мой особняк за городом...

Серьёзная физиономия Доусона от услышанного расплылась в умиленной улыбке. Офицер задрал голову и издевательски рассмеялся, показав своё отношение к версии Молза.

– Здорово, Харви! – ответил плохой коп. – А к вам в гости случайно не забегали пасхальный кролик, Белоснежка и семь гномов? Может, кто другой? У Саммерса ведь сегодня день рождения... Благо ему никто об этом не напомнит.

– Так, ладно, хватит, – вмешался Скрейк. – Хорошо, допустим мы вам верим, мистер Молз. Допустим, человек в маске существует. Зачем он тогда напал на вас? В чём смысл?

Глаза несравненного Харви Молза блеснули искоркой знания, способного в одночасье перевернуть мир двух стоявших перед ним служителей закона. Учёный положил руки на стол, уставился на хорошего копа и шоу началось:

– Вы не поверите, если я вам расскажу.

Время в полицейском участке тянулось подобно на половину высохшему клею – медленно с короткими промежутками скоротечности. Кот Джеффри отбивался от охранника, жаждающего с ним подружиться, Харви ломал психику Доусона и Скрейка своими ответами, а меня допрашивала офицер Мелинда Джонс. В основном первые несколько минут говорила она. Ничего особенного: стандартные речи на тему ответственности, пагубности лжи и любви к стране. Половины и не вспомнить, ибо мыслями я тогда витал за пределами допросной комнаты.

Моё внимание привлекла одна деталь, которая вплоть до встречи с Джонс оставалась незамеченной.

– Чёрт... А где перчатка? Осталась в машине? – спросил я сам себя.

– Какая именно перчатка? – помню её голос, мягкий, передающий доброту и сочувствие.

– Байкерская перчатка без пальцев – напоминание об отце. Я оставил её в пикапе. Где сейчас машина?

– На полицейской стоянке. Не переживайте, её никто не тронет. Говоря о родственниках... В вашем личном деле сказано, что ваш отец погиб в море. Он служил на военном корабле... какое необычное название... «Testis perfectum».

– «Свидетель совершенства»... Зачем обсуждать это, офицер? Какой смысл? Мой покойный отец здесь ни при чём. Я просто не хочу потерять оставленную им вещь.

Собранная и ответственная Джонс сделала утвердительный кивок и перевернула страницу личного дела. Зеркальная стена у неё за спиной отражала всё помещение – голые стены, металлический стол, камеры видеонаблюдения и... Елену.

Окровавленная дева, безгласно стояла рядом со мной, пронзая пространство комнаты пустыми глазницами и зловещей улыбкой. Её ладони пробирала бесконечная предсмертная конвульсия – дрожь постепенно усиливалась и переходила на всё тело. Чудовище дёргалось из стороны в сторону, каждым движением перелаывая собственные кости. Их невыносимый хруст, ударяясь о границы допросной комнаты, повторялся снова и снова, будто испытывая ответчика Мэттью Гордона Саммерса на прочность.

Существо, имитировавшее Елену Райс, деформировалось на глазах, прорывая свою плоть обломками костей. Из образующихся по всему телу отверстий фонтанировала кровь, забрызгивая лицо Джонс, стол и зеркальную стену. Среди одного багрового полотна отчётливо вырисовывалось послание: «Я мертва из-за тебя, милый».

– Просто хочу сказать, что вы не один, мистер Саммерс. Моя цель – помочь вам, – голос Джонс наконец пробился сквозь пелену галлюцинаций; чудовище исчезло, вместе со всеми следами своего кровавого пребывания.

– Господи. Это просто игры разума...

– Видите Елену Райс, Мэттью?

Ошарашенный неожиданной точностью Мелинды, я оторвал взгляд от стены и посмотрел в её карие глаза.

– Откуда вы знаете?

– Вы можете не верить, но я тоже потеряла близкого человека – любимую девушку. Увидев заинтересованность подопечного, офицер решила рассказать свою историю.

– Она была моим напарником, и мы работали над одним крупным делом – наркокартель. Работа продвигалась медленно, и Джейн... так её звали... Она хотела поскорее закончить с заданием. Год – это, конечно, не большой срок, но и не малый – а мы хотели пожениться после поимки главы картеля Доменика Сотье. Он ненавидел полицейских и при каждой удобной возможности казнил их. Не убивал, а именно казнил. Показушно и без жалости.

– Вы поймали его?

– Спустя ещё полгода нам удалось отыскать мерзавца. Каллум Эшбери, наш информатор, получил заслуженный срез срока и сдал его штаб-квартиру. Сказать, что мы оказались не готовы, значит, ничего не сказать. Погибли хорошие ребята – настоящие герои. Потеряв многих друзей, я всё-таки настигла Сотье на крыше здания и, скорее всего, взяла бы его под стражу, но...

Тут её дыхание перехватило.

– Стоило мне открыть дверь, ведущую туда, как я сразу же сдалась. Он держал Джейн на самом краю и смеялся. Глумился над нами и получал удовольствие. Я бросила оружие, села на колени и принялась умолять его оставить Джейн в живых. Помню, он тогда улыбнулся и сказал: «Если твоя напарница выживет, ты ничему не научишься». А потом... Потом она упала. Он толкнул её вниз, прошёл мимо меня и просто закрыл дверь. Я не могла остановить его... Тело отказало...

Последняя деталь показалась до боли знакомой:

– Но Сотье же заплатил за то, что сделал?

– Да... На следующей неделе я собственноручно прикончила ублюдка. Выпустила ему в лицо весь магазин. И знаете, что самое страшное? Мне не стало легче. Он приходит ко мне каждую ночь во снах вместе с Джейн и продолжает смеяться. Суть в том, что сейчас, сидя напротив вас, я читаю вашу душу, мистер Саммерс. Я знаю, что это вы не убивали Елену Райс. Мне знаком этот взгляд, этот гнев, это желание пролить кровь виновного... Вы буквально источаете его, и я обязана вас попросить – откажитесь от мести. Иначе убийца вашей любимой победит.

– Тогда что прикажете делать? – спокойно спросил я. – Воссесть в пассивном смирении? Сидеть сложа руки? Дать ему продолжить рушить чужие жизни?

– Нет, я прошу вас рассказать всё здесь и сейчас. Помогите наказать виновного, Мэттью. Позвольте американской системе правопорядка обрушить на голову преступника всю свою мощь, и вам станет легче. Сущность всех людей одинакова: мы – то, что у нас забрали.

Несмотря на разумные доводы Джонс, её речь не принесла мне ни облегчения, ни веры в силы закона.

– Во-первых, не виновного, а виновных. А, во-вторых... вы не представляете, с чем имеете дело. Темнейшие из аколитов дьявола убили Елену, и обычным людям, вооружённым обычным оружием, лучше отступить. Поверьте мне, Мелинда, вы ничего страшнее в жизни не видели. Харви и я не переплываем сейчас озеро Стикс только по одной единственной причине – мы нужны им живыми.

Отложив бумаги, Джонс встала из-за стола и склонилась надо мной, глазами выражая готовность помочь во что бы то ни стало.

– Лезть в пекло или нет, это уже мне решать.

– Тогда, как хотите, – первый раз за день, на лице нового Мэтта Саммерса проявилась улыбка. – Потом не говорите, что я вас не предупреждал. Вы все сгорите.

– Это уже вопрос третий, мистер Саммерс. С чего начнём в данную минуту?

– С телефонного звонка. У меня есть право на один, и я хочу им воспользоваться. При мне был телефон. Где он сейчас?

– В камере хранения. Можете позвонить с нашего телефона.

– Нет, к сожалению, мне нужен именно мой. С другого никто трубку не поднимет.
– Ну, тогда подождите здесь, – сказала Мелинда, направившись к выходу. – Посмотрю, что смогу сделать.

Одна дверь закрылась, значит, по логике вещей должна была открыться другая. Пока копы распутывали клубок фантасмагоричных тайн, задавая вопрос за вопросом, через парадный вход в полицейский участок пожаловал гость, способный своей тенью затмить само солнце. Осмотрев владения законников, он медленно подошёл к дежурившему офицеру и склонился над стойкой так, чтобы его лицо попало в поле зрения полицейского.

– Добрый день, уважаемый.

– Добрый, – отозвался коп, не отрывая глаз от изрядно потёртой книги, корешок которой держался на честном слове. – Вам помочь?

– Я друг Мэтта Саммерса, мне сказали, он находится здесь. Хочу навестить его, узнать, каково его самочувствие... До меня дошли неприятные вести. Вы же знаете, плохое всегда быстро разносится.

– Извини, приятель, приём гражданских начинается с двух часов дня. Сколько сейчас... – офицер взглянул на наручные часы. – О-о-о, только полдвенадцатого! Езжай по делам или домой, друг. Рановато ты появился. Сидеть на скамейке столько времени замучаешься...

Массивные руки отпрянули от стойки, и человек в чёрном похоронном костюме, идеально подогнанном под его параметры, угрожающе щёлкнул костяшками пальцев.

– Паркер, верно? – прочитал он с бирки на груди собеседника. – Если вы думаете, что я сейчас скажу фразу «Я вернусь», вы очень сильно ошибаетесь.

– Ну, а что же вам ещё делать? Таковы правила, с ними не поспоришь...

– Ясно... Ладно, хорошо. Обойдётся без кооперации...

Не тратя ни секунды, некий друг Мэтта Саммерса направился к двери, ведущей на лестничную площадку. Возражения Паркера пролетали мимо – незванный гость молчаливо шествовал дальше.

– Эй, туда нельзя! Вы куда пошли?! А ну стойте! Всем офицерам, в здании посторонний! Повторяю, в здании посторонний! Предположительно не вооружён! Требуется...

Неожиданно для самого копа передача послания прервалась. Он осознал, что вновь оказался накрыт тёмным силуэтом, и, медленно оторвав глаза от руки с коммуникатором, узрел снисходительный взгляд нарушителя. Для этого, будучи ростом метр семьдесят, стражу правопорядка пришлось задрать голову.

– Это вы зря, офицер, – промолвил чёрный костюм и одним лёгким шлепком по затылку вырубил Паркера.

Смотритель парадного входа рухнул наземь, и сигнал тревоги не заставил себя ждать. Тотчас холл заполонили brave работники полицейского участка Адской Кухни, нацелившие табельное оружие на неизвестного им врага. Их решимость не знала границ, а твёрдость убеждений вылилась в знакомую всем и каждому формулировку:

– Первое и последнее предупреждение! Руки за голову и на колени! Никаких лишних движений! Вы напали на офицера при исполнении, сэр! Делайте, что говорят, и никто не пострадает!

– Тогда разрешите поинтересоваться, кто приказывает? – спросил мужчина с приятным слуху акцентом.

– Офицер Чес Волш, именем закона!

– Чес Волш, значит... Очень приятно познакомиться. Меня зовут Ладья. Я просто хочу, чтобы вы отдали мне Мэттью Саммерса и животное. Выполните мою просьбу, и мы разойдёмся по домам, идёт?

Курки пистолетов синхронно издали щелчок, отвечая русскому отказом.

– Едрён батон... Видит бог, я пытался. Третий костюм за неделю...

Без доли сомнения с знакомо постным выражением лица колосс ринулся навстречу взведённому оружию. Никогда прежде полицейские Адской Кухни не видели такого безрассудства, ибо подобный сценарий в стенах учебной академии приняли бы за фантазию типичного хвастуна, коему дай волю рассказать о своих несуществующих подвигах. Вздор чистой воды – безоружный человек атакует отряд готовых к бою полицейских. К несчастью последних, в тот день правила диктовали миазмы невиданных доселе им миров... миров, где один двухметровый громила был способен противостоять команде профессионалов.

Град пуль врезался в его неразрушимое тело, не в силах смыть с лица Ладьи сосредоточенный взор. Дмитриев ловко подобрался к офицерам, и начал буквально расшвыривать их по всему помещению, как игрушки. Бедолаги летели в стены, мебель, а один особо везучий угодил в автомат с газировкой, от чего моментально потерял связь с реальностью. Десяток бойцов в мгновение ока превратились в одного беспомощного копа, бессмысленно расходующего боезапас.

Денис схватил его за шею и поднял над землёй. Проницательными голубыми глазами он уставился на несдававшегося стража закона и заговорил:

– Я не хочу никого убивать. Просто не путайтесь под ногами.

– Ещё чего! – прокричал коп, со всей силы ударив Дмитриева по носу.

Кулак впечатался в лицо чёрного костюма, не вызвав у того никакой ответной реакции. Напротив, реакция последовала от ударившего:

– Господи Иисусе, из чего ты сделан? Моя рука! Как же больно, сука!

– Думаю, наш конструктивный диалог может принести мне пользу, офицер. Сейчас в здании объявлена тревога, и с верхних и нижних уровней скоро соберутся все возможные силы. Я не хочу долго искать мои цели и поэтому спрошу напрямую. Где Мэттью Саммерс и пума?

– Иди в задницу, урод!

Прежде чем задать вопрос ещё раз, Денис, не отпуская полицейского, подошёл к автомату с газировкой и пробил защитное стекло кулаком. Он вытащил оттуда банку, и не прикладывая никаких усилий, демонстративно вскрыл верхушку указательным пальцем. Фантазии офицера по имени Джон Фелчер хватило, чтобы мысленно поменять жестянку и свои кости местами. Незадачливый законник в ужасе сглотнул слюну, но помогать врагу не собирался.

– Ах, освежает, – со сладострастием произнёс Дмитриев, испив шипучку. – Продолжим, пожалуй. В человеческом организме двести шесть костей, уважаемый. Я могу сломать по меньшей мере пятьдесят, и вы всё равно останетесь в живых. В зависимости от того, насколько расторопными будут медики, конечно же. Так и быть... Спрошу во второй раз: где в данную минуту Мэттью Саммерс и пума?

Вместо разумного ответа последовал киношный плевок.

– Понятно, – проговорил Ладья, вытерев лицо. – Борща с вами не сварить. Ладно... Начнём с указательного?

– Стоп, ты чего, совсем псих? А-а-а! Блядь! Господи!

Хруст сломанного пальца раздался эхом, словно кто-то поднёс к нему граммофон.

– Теперь мизинец...

– Стой, стой, стой! Они в допросной, на нижнем уровне! Два раза налево, один направо! Прошу, хватит ломать мои пальцы! Не надо! Мне сына учить на фортепиано играть!

И вот постная физиономия русского слегка переменялась от ухмылки.

– Спасибо за сотрудничество, офицер. Удачи с обучением сына. Оно того стоит.

Параллельно описанным события Джонс спешно вернулась в допросную и схватилась за оружие. Выражение её лица передавало панику – растерянность, граничащую с отчаянием. Страх поглощал храбрую девушку, но мой голос оставался спокойным и размеренным:

– Что происходит? Наверху звуки выстрелов, их даже отсюда слышно...

– На нас напали, мистер Саммерс! Огромный мужчина раскидывает наших, как кегли!

– Хах, – я выдал короткий смешок. – Ладья... Как же быстро он нас нашёл. Это даже к лучшему...

Удивлённая откликом задержанного, Мелинда схватила меня за ворот плаща и резко повысила голос:

– Вы его знаете?! Кто он такой?! Зачем вы ему нужны?!

– Я предупреждал, Джонс: вы все сторите. В мире есть силы, которые вам не понять, – мои слова напоминали речь сумасшедшего, подкреплённую соответствующей интонацией. – Этого человека невозможно убить. Его поджигали, расстреливали и даже взрывали.

– Тогда что с ним делать?!

– У вас два варианта. Либо надейтесь на чудо – молитесь богам о карающей молнии. Либо помогите бежать. Как только мы покинем здание, он потеряет к вам всякий интерес.

Вдруг из передатчика на груди Мелинды донёсся крик:

– Его не остановить! Ему всё нипочём! Сдерживайте ублюдка, сколько можете! Он идёт в допросную! Повторяю, он спускается вниз в допросную!

Наконец, хватка Джонс ослабла, и она разжала пальцы. Всё, чему её обучали, в один миг стало совершенно бесполезным. Она могла лишь подчиниться человеку, которого знала не больше пары часов.

– Из допросной только один выход. Придётся отвлечь его, мистер Саммерс.

Какой бы ни была схема действий, на её реализацию у Мелинды практически не оставалось времени. Ладья спускался вниз по лестнице, отражая грудью выстрелы трёх дробовиков. Последней преградой на пути к цели гиганта значились Скрейк и Доусон, покинувшие Молза посреди допроса. На верхних уровнях русский одолел по меньшей мере десяток бойцов, но плохой и хороший копы не сдавались. Вместе с охранником Джеффа – Карлом Геленом они выполняли просьбу, не так давно прозвучавшую в коммуникаторах каждого работника участка: сдерживайте его, сколько сможете.

Примерно на половине спуска магазин Деррика Доусона опустел, и ему срочно требовалась перезарядка; пятясь назад и один за одним вставляя патроны в оружие, он пропустил напарника вперёд в надежде, что тот выиграет для него пару секунд, но, не успев Скрейк сделать и шага, как его связь с реальностью моментально прервалась. Денис вырубил Уильяма одним ударом и следом столкнул Гелена с лестницы. Теперь между чёрным костюмом и допросной стоял только Доусон. Подняв недозаряженный дробовик, он сделал несколько выстрелов и приготовился к худшему – пуленепробиваемая пятерня сжалась в кулак. Деррик стиснул зубы, зажмурился (возможно, вспомнил жизненные отрезки, своей важностью пробившиеся из закровов подсознания) и приказал Дмитриеву бить в полную силу:

– Давай, сукин сын! Вмажь мне со всей дури!

Однако, едва почувствовав порывы ветра, нагнанные ударом, в кой Ладья не вложил и сотой части дарованной ему мощи, плохой коп услышал шум падения двух дымовых шашек, брошенных Мелиндой Джонс. Она хорошо знала карту здания и могла ориентироваться вслепую; таким образом находчивая защитница закона хотела вывести Мэттью Саммерса и Джеффа Палмера за пределы участка.

Её план вполне себе мог выгореть, если бы не возникшее досадное но... Денис Дмитриев тоже мог обходиться без зрения.

Окутанный рукотворным туманом, он прекратил всякое движение и закрыл ставшие бесполезными органы чувств, дабы сосредоточиться на оставшихся. Нащупав золотистую нить, диктующую ритм звуков, Ладья присел на одно колено и приложил ладонь к полу. Так гигант мог использовать сразу и слух, и осязание. Поочерёдно из эфира исключились шаги Доусона, подымавшего с земли Скрейка, затем стёрлись посторонние звуки и собственное дыхание. Денису нужны были только шаги девушки, для непрофессионала не отличимые от остальных, а для него выбивающиеся из общей массы – мягкие и ненавязчивые. Рядом с ними наверняка затерялись бы поступи его цели – Мэтта Саммерса и, вполне возможно, пумы.

Всего несколько секунд ему потребовалось, чтобы отыскать меня среди хаотичного скопления звуков. Вопреки огромному росту и мнимой неповоротливости, Ладья молниеносно рванул сквозь стену тумана навстречу инстинктам. Открыв глаза, он любовался плодами выполненной задачи: мною, беспомощно прижатым к стене.

– Некуда бежать, негде укрыться, – промолвил Денис, поднимая меня над землёй. – Спрошу вежливо, так что соизволь ответить. Где Джеффри Палмер и Харви Молз?

– Он тебе ничего не скажет! – выкрикнула пришедшая на выручку Мелинда.

С лёгкостью, коей позавидовали бы Бесформенные гимнасты Сколлетти, она забралась Ладье на шею, крепко обхватила её ногами и сходу сообразила, где у гиганта слабое место. Глаза – единственная незащищённая сверхпрочной кожей область. Сохраняя хрупкое равновесие, Джонс вытащила пистолет, прислонила дуло к голубым очам врага и незамедлительно нажала на спусковой крючок. Пули радостно отправились к цели, пройдя дорогу механизмов стрелкового оружия, но увы и ах, на полпути их остановили непробиваемые веки; снаряды буквально сплющились о них, не причинив Ладье никакого вреда.

– Похвально, мэм, – словесно одобрил он, перед тем, как отправить Джонс в стену, звонко щёлкнув ей по лбу указательным пальцем. – Вот поэтому в детстве со мной никто и не спорил на щелбаны... Итак, Мэттью Саммерс, ответ сегодня будет?

Признаться честно, понятия не имею, получил бы тогда Дмитриев желаемое или нет. Я пару – тройку раз ударил его по руке, попытался вырваться из железной хватки и среди клубов дыма увидел расплывчатый силуэт кошки. Палмер бежал на помощь, позабыв об утерянном даре бессмертия. Он вцепился в брючину Ладьи, изо всех сил стараясь оттащить здоровяка и приказал мне бежать:

– *Старик, вали отсюда! Он меня не тронет!*

– Даже не думай, брат, – мертвецки молвил отдавшийся Фатуму и сдавленный рукой неразрушимого. – Я тебя не брошу. Вместе до конца, Палмер...

Пронаблюдав сей диалог, сконцентрированный на деле и невозмутимый Денис по-настоящему растерялся. Взгляд голубых очей отстранился в мыслительные дали – колосс не знал, как реагировать на подобное. Хватка постепенно ослабевала, пальцы мимолётно утратили силу; ещё немного, и у меня появился бы шанс сбежать, как вдруг русский всё же вернул самообладание. Пальцы его сжались с удвоенной мощностью, а глаза вновь обрели абсолютную сосредоточенность.

Ладья выдал довольную улыбку и молвил:

– Невероятно... Ты слышишь его, не так ли? Какой поворот... Может, именно эта деталь объясняет, почему ты нужен Королю? В противном случае я ничего в этой жизни не понимаю. С виду обычный парень.

Русский повертел слабака Саммерса влево-вправо, дабы рассмотреть получше.

– Никаких способностей нет, и тут бац! Очень интересно. Bravo...

– Ага, вот счастья-то привалило, – ответил я, опустив руки по швам. – А Харви вам приглянулся из-за его знаний?

Дмитриев сделал несколько шагов в сторону и открыл дверь, ведущую в допросную, где Скрейк и Доусон выуживали из Молза ответы. Комната была пуста: наручники лежали на полу, а открытая настежь решётка вентиляции свисала с потолка. Учёный исправился...

– Хм, старый плут. Недурно для ботаника... Ладно, пёс с ним. Харви Молз мне не особо нужен.

– Что ты сейчас сказал?

– Ты не ослышался, Мэттью Саммерс. Я получил приказ взять только тебя и Джеффа Палмера. Учитывая последний вскрывшийся факт, понятно, почему. Будь добр, попроси друга отпустить брючину...

– Как учтиво... Это ещё зачем?

– Просто попроси.

Обменявшись с Ладьёй пристальными взглядами, я нехотя выполнил его просьбу. Мой лучший друг разжал челюсти и тут же получил фирменный отключающий шлепок. Разумеется, от меня последовала соответствующая реакция, но колосс даже не стал слушать и провернул аналогичный трюк ещё раз. В итоге с двумя витающими во снах заложниками чёрный костюм оперативно покинул здание полицейского участка. Надёжное прикрытие ему обеспечили прибывшие на место пешки. Они вывели из строя всю электронику при помощи ЭМИ-бомбы и скрылись среди автомобильного трафика Нью-Йорка. Машина, в которой Ладья перевозил нас, ничем не отличалась от транспорта прихвостней Нового Света – идеальное сходство вплоть до одинаковых регистрационных номеров. Патрульные быстро потеряли Дениса из виду, и на закрытой стоянке тот предусмотрительно сменил легковой автомобиль на тёмно-синий джип, непримечательный ничем, кроме тонированных стекол.

В спокойной обстановке исполнительный агент инфернальной организации мог расслабиться и совершить телефонный звонок.

– Докладывай, Денис, – по ту сторону провода раздался глас Кейл. – Скажи, пожалуйста, что всё прошло по плану.

– Почти всё прошло по плану. Опциональная цель Харви Молз не была захвачена. Я везу Мэттью Саммерса и Джеффри Палмера в комплекс Баффало. Можно сразу спросить, мэм?

– Конечно, спрашивай, Ден.

– Мне поручили захватить Мэттью Саммерса, потому что он слышит мысли Джеффри Палмера? Я ведь прав?

На мгновение электрические симптомы присутствия бестии на линии пропали.

– Вы меня слышите, Элизабет Кейл?

– Я тебя прекрасно слышу, но мне ничего об этом не известно. Что значит «слышит мысли»?

Дмитриев слегка помялся, оглянулся на лежащего на заднем сиденье связанного Джеффа и сформулировал ответ:

– Если говорить совсем просто... Это что-то вроде телепатии. Мэттью Саммерс способен улавливать мысли Джеффри Палмера. Таким образом они общаются друг с другом.

– Интересный расклад... Я сама не до конца понимаю мотивы Короля, но кто я такая, чтобы спорить с ним? Вероятно, ему известно гораздо больше, чем нам... Как бы то ни было, жду тебя сегодня в комплексе. Отличная работа, Ладья. Осталось только получить доклад от Блэка... Новый Свет ждёт.

От этой фразы Ден прикрыл глаза и с титаническим трудом выдавил из себя продолжение:

– Он направит свои лучи на каждого.

Несколько километров отделяли тонированный джип от полицейского участка, когда его brave сотрудники пришли в себя, очутившись среди хаоса и запустения. Джонс встала на ноги с жуткой головной болью. Щелбан Дмитриева показался ей столкновением с тяжеловесной фурой, мчащейся на всех парах. Мелинда облокотилась на стену для поддержания равновесия и приблизилась к Скрейку и Доусону, дабы узнать, как у них обстоят дела.

– Вы как? Кости целы?

– Целы, – прокричал Уильям. – Кто это был? Точнее... ЧТО это было?

– Этого человека называют Ладьей, – ответил Харви Молз, очутившийся за спинами офицеров полиции.

Троица обернулась и увидела учёного, оттряхивавшего пыль и паутину со штанов. Он осматривал окружение и явно был не в восторге от сложившейся ситуации.

– Как вы покинули допросную? Как сняли наручники? – спросил Доусон.

– Старый армейский трюк с добровольным вывихом, – серо ухмыльнулся Харви и щёлкнул запястьями. – Я схоронился в вентиляции и даже не стал покидать сектор. Саммерса и Палмера взяли, я прав?

Нервно почесав затылок, Доусон на выдохе признал поражение:

– Да, всё верно... Теперь я понял, почему вы сказали, что мы не поверим в вашу историю.

– Какую ещё историю? – вклинилась Джонс.

– В историю с... Блин... Ну типа с суперлюдьми.

От этого определения Молз болезненно схватился за лоб и побурчал себе под нос:

– Чтоб вас всех... Ну какие тут...? Ладно! Соберись, старый брюзга.

Генетик выпрямился и собрался.

– Достопочтенные офицеры, из-за меня и моих друзей произошёл этот досадный инцидент, и мне ничего не остаётся, кроме как помочь вам с ранеными. Мы убедимся, что все живы, расценим масштаб убытков, но я требую дать мне полную свободу и первым в списке её реализации должен значиться телефон, оставленный мистером Саммерсом. И-и-и- машина в придачу...

– Вы издеваетесь... – протянула Мелинда. – Мы этого так просто не оставим! Этот человек, кем бы он ни был, теперь в официальном розыске, и как офицер я обязана...

– Дамочка, притормозите, – перебил Харви. – Моя свобода не исключает нашего сотрудничества. Давайте решать проблемы по одной, хорошо? Для начала – раненые, затем – телефон, и после я вам всё подробно изложу. Договорились?

Молз в сотый раз выступал надеждой человечества. Сладкоголосыми речами он успокоил столкнувшихся с неведомым служителей закона и набросал схематический план на несколько часов вперёд.

В отличие от него, я и Джефф не обладали дорожной картой. Продрав глаза, мы обнаружили себя связанными на заднем сиденье автомобиля в компании Ладьи. Все попытки позвать на помощь обернулись провалом: чёрные стекла джипа не пропускали не единого звука. Дмитриев в основном смотрел на дорогу, а за нами следил благодаря зеркалу заднего вида.

Уловив первые ростки движения, он обратился к нам:

– Как спалось? Быстро вы оклемались, всего час прошёл...

– Не разговаривай с этим козлом, Мэтт. Он не заслуживает ничего, кроме молчания. Жалко, у той девахи не получилось замочить его! Я уже вижу, что с нами будет: этот Капитан, бьётся головой об каждый косяк, отвезёт нас на какую-нибудь скотобойню и пустит на колбасу со специями...

– Давайте сразу определимся с условиями...

Тут Дмитриев остановился на красном сигнале светофора и окинул пространство позади взглядом.

– Орать и пытаться развязать путы бесполезно. Машина не пропускает шум, а через стёкла снаружи вас никто не увидит. Попробуетесь сбежать – я обеспечу вам сон часов на двенадцать. Ясно выражаюсь?

Ожидаемо, никакого ответа не последовало.

– Молчание – знак согласия. В зависимости от пробок нам ехать около шести часов. Я предлагаю скрасить ожидание беседой. Столько времени злобно фыркать друг на друга и строить кислые рожи – это такое себе удовольствие. Начнём с музыки...

Ладья включил аудиосистему, слегка приглушил звук, и в вакууме автотюрьмы зазвучала музыка. Попавшийся трек определённо пришёлся чёрному костюму по вкусу.

– «Sрасетан». Эта песня – настоящий хит девяностых! Её исполняет убойная группа... Я слушал их, когда был маленьким – отец вечно удивлялся моему музыкальному вкусу. Говорил, детям такое слушать не положено. Не из-за каких-то правил, а из-за звучания. Оно очень необычное. Жаль, группа распалась... Кстати, в бардачке есть газировка. Выпейте.

– Ты серьёзно? – я подал голос. – Это просто верх цинизма... Ты похитил нас, связал, везёшь чёрт пойми куда. И при этом предлагаешь попить? Определённо, сверху надо мной сейчас кто-то раскатисто смеётся...

– Это не цинизм, – возразил Ладья, – а признак хорошего воспитания. Даже врагу необходимо предложить воды. Я воспитан в русских традициях, и они обязывают меня сохранять честь.

Помотав головой, Палмер придвинулся к краю сиденья и выглянул из-за него.

– *Что за хрень несёт этот русский? Это же полный бред...*

– Он спрашивает, что за хрень ты несёшь, – передал я слова Джеффри. – Говорит, это полный бред, и я склонен согласиться.

Наконец красный сигнал сменился зелёным, и Ладья дал ходу.

– Это не бред, американец. Честь не позволила мне убить ни одного полицейского. Они случайные жертвы конфликта, и я обязан держать руки незапятнанными. Всё просто, Мэттью Саммерс.

Стоило мне вдуматься в оправдания колосса, как я тотчас впал в истерику. Мой охрипший голос умудрился заглушить партии гитары и вокала, доносившиеся из динамиков, и заставил спокойные глаза Ладья округлиться от удивления.

– Блядь, это самая дикая чушь, которую я когда-либо слышал! Что ты несёшь, дубовый Иван?! А какой чести ты лепечешь?! В чём была честь убивать мою любимую?! В чём, блядь?! В этом есть некая высшая цель?! Окрещённый праведный путь, невиданный обычным смертным?! Или ты сейчас просто проговариваешь корпоративную заготовку, написанную полоумным специалистом по кризисным ситуациям?! Не молчи! Ты хотел поговорить?! Так отвечай, сука!

Вызвав каскад предупредительных сигналов от соседей по дороге, Дмитриев вдарил по тормозам. Добрые полминуты, в борьбе с отяжелевшим дыханием, он молча пялился в пустоту, неспособный выдавить из себя не единого слова. Зеркало заднего вида отражало тонушие в печали и сожалении глаза, а спинка кресла вздрагивала от дрожи в теле.

Ладья повернулся ко мне так, чтобы наши взгляды соединились, и еле слышно промолвил:

– Елена Райс мертва?

– Охуительно! И он выигрывает! На выбор предоставляем ему ключи от автомобиля или путёвку в кругосветное путешествие!

Град слёз скатился по щекам.

– Да, мать твою! Вы убили единственную, которую я любил! Отняли у меня всё! ВСЁ, БЛЯДКИЕ ВЫ СУКИ! О какой, нахуй, чести ты говоришь?! Или ты не знал об этом?!

– Я действительно не знал... – шёпотом ответил он. – Я ничего об этом не знал, Мэттью Саммерс.

– Мне от этого легче не станет, Ладья! – мой крик угас, а вместе с ним тело покинули остатки сил. – Скажу больше... Нет ничего, что облегчит мои страдания. Я сделал ей предложение... спустя столько лет совместной жизни, и вы сразу отняли её у меня. Забрали её... Но такому, как ты, этого не понять. Ты просто шахматная фигура без имени, просто Ладья.

Выслушав до конца, Дмитриев стыдливо опустил голову. Непокоебимое лицо исполнителя Нового Света атаковали сильные эмоции, почти выдавившие из его очей слезу. Едва сдержав её, он медленно протянул руку к панели аудиосистемы и выключил музыку. Крики недовольных дорожной пробкой людей пытались пробиться внутрь, но машина диктовала тишину. Колосс выпрямился и посмотрел на меня с тяжестью на душе; он правда ничего не знал о гибели Елены Райс.

– Мэттью Саммерс, у меня есть имя... Денис Дмитриев. И хочешь верь, хочешь нет... Но я знаю, что такое любовь.

Конец записи 16

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведет: Карсон Смит

М:Тогда я и узнал его имя – Денис Дмитриев, первая капля человечности в Новом Свете.

К:Знаете, мистер Саммерс... вот сейчас вы больше похожи на того, о ком рассказываете. Светлые тона почти пропали.

М:Да, почти. Впереди меня и Джефффри ждал комплекс в Баффало. До этого момента я совершенно не понимал, с чем имею дело, и Баффало раскрыл множество тайн.

К:Удручающий расклад... Вас в очередной раз разделили. Харви остался с копами, Брайан и Сколлетти были непонятно где, а Таннели Саат попала к врагу.

М:Вот о ней мы и поговорим в следующий раз. Вернёмся назад и проверим, как там дела у Госпожи Зеркал. Ей предстояло знакомство с крайне интересной личностью, чью роль впоследствии невозможно переоценить.

К:Неужели та самая ГравиБит?

М:Да, Карсон. Настало время Айлин Джеймс.

Глава 14. G–34

Таннели Саат и Субъект В8.

24.09.2033.

Точное местоположение неизвестно.

Сквозь головную боль и ломоту в костях Таннели Саат оклемалась среди серых стен передвижной тюрьмы Нового Света. Пошатнувшееся чувство собственного достоинства медленно прожигало Госпожу Зеркал изнутри, ибо метка поражения, оставленная Ферзём на её спине, напоминала о себе ежесекундно. Предусмотрительные члены инфернальной организации успели обработать рану во избежание осложнений, однако их медицинские навыки не могли совладать с травмами душевного характера.

Саат основательно приготовилась винить себя в случившемся, как вдруг из-за её спины раздался низкий бархатистый голос девушки:

– С пробуждением, соня, и добро пожаловать в ад. Хреново выглядишь...

Таннели не стала оборачиваться. Вместо этого она повнимательнее осмотрела окрестности и дотронулась до шеи, на которую давил мерцающий огнями металлический ошейник.

– Даже не думай снимать, поджаришься, – предостерегла незнакомка. – Я тебе по личному опыту говорю.

– По личному опыту?

Тут Саат наконец удосужилась одарить сокамерницу своим настороженным взглядом. Партнёром по несчастью оказалась девушка около двадцати пяти лет, среднего роста, худощавого телосложения. Её бронзовую кожу покрывали разнообразные татуировки: от запястий до плеч тянулись чёрно-красные змеи, на плоском животе красовались музыкальные ноты, а длинную шею подчёркивали загадочные письмена, значение которых наверняка знала лишь их обладательница. Описанное художественное великолепие можно было разглядеть благодаря короткому топу, скрывавшему от любопытных глаз только самое сокровенное.

Весь этот тщательно кастомизированный облик подчёркивала новомодная покраска волос – фиолетовые пряди, словно рисунок эквалайзера, придавали прямым чёрным волосам средней длины необычайный шарм.

Столь гремячая палитра едва ли сочеталась с женственным ликом девушки. Большие янтарные глаза, верхними веками образующие идеальные дуги, завораживали. Пухлые округлые губки и тонкий нос вырисовывали картинку миловидной девчушки из восточных штатов, а превосходная овальная форма лица служила финальным штрихом трепетно собранного образа.

– Меня зовут ГравиБит. А ты походу Таннели Саат, верно?

– Верно... Что за имя такое – ГравиБит?

– Хах, – ухмыльнулась сокамерница. – По документам я Айлин Джеймс, но ты можешь звать меня, как угодно, подруга. Мой муж постоянно называл меня ГравиБит, вот я и привыкла.

– Ясно... Приятно познакомиться, Айлин.

Повеселевшая от новой компании Джеймс встала с пола и протянула Госпоже Зеркал руку, на что та поначалу вознамерилась ответить соответствующим жестом, но, едва прикоснувшись к ладони, вдруг остановилась, так как поняла, что рядом с ней нет ни одного члена труппы. Вдобавок драгоценный Кибо-Нимитта тоже исчез.

– Эй, ты чего? – спросила Айлин, держа руку навесу.

– Прости. Я только что поняла, что мой меч исчез, и никого из друзей нет рядом. Со мной кто-нибудь был?

– Вообще никого. А по поводу меча – это хрен его знает, подруга. Я никакого оружия не видела... Ты уверена, что пингвины его не забрали?

– Кто-кто? – спросила Саат, растерявшись.

– Ха-хах, блин, хи-хихи – Джеймс заразительно рассмеялась. – Блин, ты вообще не шаришь? Пингвины?! Ну, они же чёрно-белые, как во фраке. Эти придурки из Нового Света носят костюмы... Ты никогда не замечала, что они напоминают пингвинов?

– Нет, как-то не задумывалась.

– А, ну да, ты же суперзвезда типа, – проговорила Айлин облокотившись на стену и сложив руки за голову. – Удивительная Госпожа Зеркал... Я в этом году была на вашем шоу. Сразу просекла, что вы отмеченные.

– Погоди, ты знаешь это название? – зрочки Таннели тотчас дрогнули.

– Подруга, я много чего знаю. Я типа местного тюрячного летописца.

– Значит, ты можешь помочь мне... – сказала Таннели самой себе. – Сколько я проспала?

– При мне часа четыре, не меньше. Сейчас около восьми, может, девяти часов вечера.

Мы почти добрались до комплекса – это нечто вроде перевалочного пункта. Там у нас возьмут кучу анализов, проведут несколько занудных проверок и, вполне возможно, отправят в отдел номер шестнадцать.

– А это ещё что такое?

– Это, Госпожа Зеркал, жопа. Глубокая, волосатая, и из неё не выбраться. Настоящая тюрьма для отмеченных. Знаешь, что делают в тюремке? Долбят шоком до потери пульса! Делают километровые уколы в задницу и мучают тебя, пока не свалишься. Я, кстати, всю эту инфу собрала благодаря странствиям по комплексам. За три недели меня перекинули уже два раза, и этот станет третьим.

Теперь Таннели подвинулась поближе.

– Что с тобой всё это время делали?

– В основном брали анализы, – Айлин комично скривила лицо и пожала плечами. – Проводили исследования моих способностей, ну и задавали до хрипца вопросов. По меркам захваченного отмеченного я очень везучая. Некоторые катаются по комплексам месяцами, прежде чем попасть в отдел номер шестнадцать. Давай лучше поговорим о главном, подруга. Ты такая из себя вся известная... Ваша компашка почти в открытую кидалась способностями в Санриз, а пингвины поймали тебя только сейчас? Пряма настоящая находка... Хотя, если пораскинуть мозгами, ваша трупка суперизвестна, и Новый Свет не мог выкатить шары на вас в открытую. Ну... до недавних пор.

– Я тоже об этом думала. Почему именно сейчас?

– Поговаривают, пингвины близки к некоему открытию, которое, якобы, изменит мир. И походу, вот эта вот их близость позволила им обнаглеть. Я не удивлюсь, если завтра они прикатят в белый дом и мочканут президента. Вообще не удивлюсь! На тему того, что у них там конкретно за открытие такое, я ничего сказать не могу. Знаю лишь, что основная сфера деятельности Нового Света – это отлов отмеченных и копирование их способностей.

От подобных откровений у Таннели закружилась голова, и ей требовалось время перевести дух. Айлин уловила эту необходимость и дала новообретённой подруге несколько минут тишины, чтобы собраться с мыслями и передохнуть. Саат столкнулась со стеной познания, в один миг перевернувшей суть конфликта с ног на голову. С каждой одержанной победой Новый Свет фактически становился сильнее, получая в распоряжение метки поверженных врагов. Время работало против детей Потустороннего Квартала.

– Так, ГравиБит... Я правильно поняла... – Госпожа Зеркал возобновила разговор. – Новый Свет может копировать наши силы?

Джеймс вернулась в горизонтальное положение, улыбочиво откинулась на бок и сделала пальцами жест в виде двух револьверов.

– Бэм-бэм! В самое яблочко, подруга! Только учти, что эффект мимикрии, как они его называют, даётся очень тяжело. Я слышала, что силы одного чувака копировали три месяца – он чуть не помер в процессе.

– Час от часу не легче. Узнать бы теперь подробности, – молвила Танн в надежде получить их от Джеймс.

– Извини, только поверхностная инфа. Можем поиграть в догадки, если хочешь.

– Нет, лучше уже тогда скажи, скольких отмеченных они захватили.

– У-у-у, – протянула Айлин, положив ногу ногу. – Сотни, если не тысячи. И они очень быстро пополняются. Пингвины боятся массового побега, поэтому не держат отмеченных всех в одном месте. Есть, кстати, исследовательские комплексы – там вообще нет заключённых, но зато проводят эксперименты. Хочу отметить, что до вашей с ними стычки никто не мог нападать на Новому Свету. Ты имеешь полное право гордиться, Саат.

– Это уже не важно, Айлин. Ничего теперь не имеет значения... Ничего, кроме семьи, – вдумавшись в слова ГравиБит, Саат поняла, что может спросить у неё про друзей. – Слушай, ты в плену уже не первый день...

– Так... И что?

– Тогда скажи, ты не видела случайно кого-нибудь из наших?

– Видела Анну-Мари Лоран, Говарда Ленсдейла и Такао Санаду, подруга. Им здорово досталось.

– Где ты их видела?! – закричала Госпожа Зеркал, подскочив на ноги. – Когда?!

От бурной реакции Таннели Айлин испуганно дёрнулась и схватилась за грудь.

– Твою мать, не кричи так, у меня чуть сердце не вылетело! Они некоторое время торчали со мной в одной камере, в комплексе! Блин, ну ты и крикунья... Мы с твоими друзьями почти не успели разговориться, их очень быстро перевели. А тут закон простой: если тебя отправляют в путь, значит, ты важнее остальных отмеченных.

Увы, но полученная информация ни капли не помогла Саат. Она вновь отстранилась и тяжело вздохнула.

– Эх, прости, что напугала. Просто я думала, что они где-то рядом... Надеюсь, ребята живы. А ещё надеюсь, что кто-нибудь захватил мой меч. Мне предстоит пара-тройка реваншей. Янтарные глаза ГравиБит блеснули искрами интереса.

– Ну-ка, колись на кого у тебя зуб, Саат? Учти, если это Ферзь, то тебе придётся встать в очередь.

– Да, я задолжала Ферзю и Полярису.

– Дуэт главных убийц Нового Света, значит, – подчеркнула Айлин. – Бузить на бронированного чувака, это, скажу тебе серьёзная предьява. Никто не смеет даже косо зыркнуть в его сторону.

– Ты что-то о нём знаешь?

– Совершенно ничего, подруга. Не удивляйся, о нём никто ничего не знает. Полярис, как Кот Шрёдингера: он вроде как существует, а вроде, и нет. Так что облом. Но зато я много чего слышала о Ферзе. Хочешь, расскажу?

– Давай, – уверенно ответила Госпожа Зеркал. – Я хочу знать о ней всё.

Получив запрос в библиотеку имени Айлин Джеймс, ГравиБит задорно хлопнула в ладоши и приняла многозначительный вид. Каждым движением она пыталась скрыть еле заметное помутнение в глазах, возникавшее при упоминании Элизабет Кейл. Таннели заметила это, но не стала заострять внимание. Госпожу Зеркал интересовала только электрическая бестия, ударившая её исподтишка.

– В отсутствие Короля Ферзь у них за главного, – приступила рассказчица. – Строит из себя большого босса, рычит на всех и вообще является первостатейной стервой. Я вижу заплатки у тебя на спине – знакомый след. Она оставила мне такой же. И тоже на спине. Сучка

обычно бьёт сзади, чтобы наверняка застать тебя врасплох. Не думай, что почувствовала максимум. У нашего общего врага способности действуют по-особенному. Есть первоначальный заряд – она вырабатывает его сама. А есть вторичный – его Ферзь получает извне. Может высушить любую электронику, вцепиться в трансформатор и так далее. И вот этот заряд очень опасен! С ним Ферзь получает огромную мощь. Мне об этом рассказывал мой сокамерник по первому комплексу – Калёб. Он лично видел превращение Ферзя в чистую энергию. Говорит, выглядит круто, но дико страшно.

– Ладно, я поняла. Есть ещё информация?

Полученного Саат было мало.

– Я часто слышу, как шушукаются пешки. Прошёл слушок, мол, Ферзь – бывший белый воротничок. Типичный работник финансовой компании. Серой, скучной, каких вагон и маленькая тележка. Ну, так типа нашей стервозине эта серость и снесла крышу. Она целыми днями ковырялась в бумажках и сбрендила.

– Её психологический барьер... – прошептала Таннели.

– О, нормально, – Айлин услышала слова соседки и улыбнулась. – Хотя эту тему ты знаешь. Короче, если подытожить, Ферзь та ещё тварь. Злобная, жестокая и, судя по всему, страшно недотраханная. Я бы давно в её обществе сдохла, если бы не душка Ладья. Единственный адекватный человек на всю организацию...

Последнее прозвучало, как мастерская издёвка, отточенная годами тренировок под соусом ситуационной подготовки. Саат не верила своим ушам. Джеймс говорила о громиле Нового Света в позитивном ключе, и в её голосе прослеживались нотки спокойствия, даже ласки. На контрасте с речами Айлин Госпожа Зеркал вспомнила ужасную смерть Тедди Бойла и причастность к ней Ладья. Перед глазами возникли удары током и капли крови, капающие на лицо Ферзя. Отвратительный запах запекшегося человеческого мяса тонким шлейфом отравил воздух, а силуэт русского колосса поглотил окружающий свет.

– Что?! Из-за него погиб мой друг! – раздался яростный крик Таннели. – В смысле «единственный адекватный человек»? Как ты можешь такое говорить?!

В этот раз Джеймс была готова к подобной реакции:

– Ставлю сто баксов, что Ден лично никого не убил. Я права?

Глаза Таннели без промедлений передали суть её ответа. Обезоруженная Госпожа Зеркал припала к земле, обхватила колени руками и сердито уставилась в пустоту.

– Вот и всё, – отрезала ГравиБит. – Ладья никого не убивает – у него такой кодекс. Конечно, довольно странный: он ведь разрешает убивать остальным. Но на безрыбье и рак – рыба. Он действительно не так уже и плох. Подкармливает заключённых, болтает с ними иногда. Ему не сказать, что нравится работать на Новый Свет, но, насколько я поняла, у здоровья просто нет выбора.

– Почему? Он им что-то задолжал?

– Нет, там, скорее, дела семейные. Я особо не прошарила... Денис, так его зовут, не углублялся в эту тему. Ферзь негативно реагирует на его визиты к нам. Говорит, что агент не должен сочувствовать заключённым. Поэтому Денис стал приходить совсем редко. Не удивлюсь, если рано или поздно ему окончательно запретят нас навещать. Пингвины обычно... – тут ГравиБит отвлеклась не резкую остановку грузовика. – Опа, уже приехали?

– Да, грузовик остановился, – насторожилась Саат. – Что происходит?

Мотор передвижной тюрьмы затих, а вместе с ним прекратилась и беседа девушек. Пустые звуки внешнего мира напоминали симфонию мёртвых городов, когда ни одно существо не подаёт признаков жизни, понуро созерцая вялотекущее гниение пространства – абсолютный нуль, за исключением ветра и шелестящей по асфальту листвы; невыносимый и чуждый бойкому нраву Айлин Джеймс. Она выпрямилась и прислонилась к стеклу, дабы разобраться, в чём дело. Следом за ней схожие действия повторила и Таннели, уставившаяся в сторону сталь-

ной двери, ведущей за пределы кузова. Обе девушки понимали, что она вот-вот откроется и им навстречу выйдет ответственный надзиратель с плохими или ужасающими новостями.

Прошла минута, затем две... И, как и следовало ожидать – надзиратель появился. Неторопливо, скрестив ладони ниже живота, по обшарпанному полу шагал Озвальд Колд, несущий порцию вестей на скверный вкус.

– Дамы, с прибытием вас, – молвил айсберг. – Прошу соблюдать правила безопасности и во всём слушаться меня. Джеймс, объясните нашей новенькой, какие у нас правила поступления. Вы ведь уже не в первый раз переезжаете.

ГравиБит покорно кивнула и села на колени, убрав руки за спину.

– Таннели, повторяй за мной. Даже не пытайся сейчас чудить.

– А мне очень хочется, – ответила Госпожа Зеркал, поравнявшись с Офицером, отделённым от неё стеклом. – Я выпалась и готова ко второму раунду, – она смотрела ему в глаза без капли страха и сомнения.

Колд отреагировал весьма креативно. Он подошёл к стеклу вплотную и легонько дыхнул на него, оставив на поверхности изморозь из снежных рисунков причудливого вида. Узоры медленно менялись – Озз мысленно контролировал их, заставляя принять форму лица Таннели. Глаза, нос, рот, скулы, подбородок... – все детали до мельчайших подробностей. Рисунок точь-в-точь повторял лик Госпожи Зеркал, заставив её саму мимолётно заморозиться чудесным холодным портретом. Снежинки собрались воедино, выдали улыбку, не отличимую от оригинала, и тут Озвальд наконец сжал правый кулак, от чего рисунок потрескался и испарился.

– То же самое будет с вашим лицом, Саат, если не утомонитесь. Сядьте, пожалуйста на пол, не тратьте драгоценное время зря.

Дважды повторять не пришлось. Танн выполнила приказ, и помещение сразу же наводнили вооружённые пешки. Нечего распинаться – это стандартный протокол: наручники, мешки на головы и оставшийся путь пешком. Навскидку, он занял от силы около тридцати метров, прежде чем девушки нащупали под ногами грубую прорезиненную плиту. Это был лифт, ведущий напрямиком в логово Нового Света – подземный комплекс, построенный для зловещих нужд и нескончаемых страданий.

После непродолжительного спуска Айлин и Таннели, подгоняемые неуклюжими ударами прикладов автоматов, двинули дальше. Конвоирующие пешки полностью контролировали передвижение. В абсолютной тьме парочка отмеченных шла вперёд, выполняя скудоумные и прямолинейные указания бойцов. Во время маршрута Таннели насчитала шестьсот двадцать шагов и девять поворотов. Немало, но и не слишком много, учитывая, что их вели в определённом направлении.

Плотный мешок не позволял разглядеть окружение, и оставалось надеяться только на слух. Судя по звуку, пол явно состоял из прочного материала, напоминавшего сплав металлов. Каждый шаг отчётливо отзывался в ушах – никаких неровностей и изъянов. Пока Саат шагала в неизвестность, по обе стороны она периодически слышала многочисленные голоса – измученное блеяние, принадлежавшие похищенным отмеченным. Отсутствие обзора лишь усугубляло эффект тягостного ужаса, нависшего над подземельем. Ведь недаром говорят, что самое страшное для человека – это незнание.

Джеймс и Саат, тем не менее, держались молодцом. Айлин не в первый раз проходила эту процедуру, а Таннели не могла позволить себе утонуть в страхе. Как бы то ни было, всё равно ощущение складывалось неприятное.

Шествие до назначенной камеры сопровождалось разношёрстными реакциями заключённых. Кто-то, завидев новых товарищей по несчастью, впадал в уныние; некоторые душевно искалеченные разрывались леденящим кровью смехом, дабы разнести ведьминскую гортанную молву во всеуслышание; а одна с безжизненным лицом и глазами цвета тумана, омерзительно

причмокивая, вырывала собственные волосы и довольствовалась ими на манер питательного обеда, поданного ко времени и к аппетиту. Жуткий цирк мучеников раскинулся на сотни метров, однако не все обладали подобного рода энергией. Особо отчаявшаяся женщина в угловой камере смогла только тихонько пробурчать нечто нечленораздельное на тему новых агнцев. Сколько времени она провела в заключении, никто уже не упомнит.

Все постояльцы местного «Аркэма» для рукотворно-душевнобольных справлялись по-разному. Не было ничего постыдного в том, что ты сдался или потерял рассудок. Даже к ошейнику почти все привыкали. Он представлял собой инструмент сдерживания и морального унижения – петля для грязного пса, хозяин которого жесток, требователен и могущественен. Изобретение инженеров Нового Света – излюбленная игрушка Ферзя.

Только Денис Дмитриев по возможности напоминал отмеченным о человеческой доброте. Да, он не мог помочь описанным выше беднякам, но те, кто ещё сохранил душу, с большой благодарностью принимали от него угощения – в основном сладости из местной столовой.

Со временем коллеги Ладьи разошлись во мнениях: одни уважали Дена за милосердие, другие же видели в этом опасную перспективу. Благо, колосс никогда не нарушал приказы и с завидным успехом выполнял задания.

В итоге путь стенаний подошёл к концу, и Айлин вместе с новообретённой подругой встала напротив камеры под номером «G-34». Мешки сняли с голов, и обе девушки вошли в кроличью нору, которую Джеймс по привычке называла уютным пентхаусом. Далее всё по канону: дверь из толстого непробиваемого стекла закрылась за спинами парочки, и настал час мини-экскурсии. Поверьте, Таннели было, чем полюбоваться...

До комичного стереотипные двухъярусные кровати, расположенные вдоль фронтальной и левой стен. По два (извиняюсь за неуместное слово) лежа без каких-либо простыней с жёсткими, точно солома, подушками одним своим видом напрочь отбивали желания отправиться в объятия Морфея. Саат прошлась по помещению, прикоснулась к ребристой поверхности стен и оглядела потолок. Где бы не располагалась камера, Новый Свет надёжно запрятал её – внимательный взор Госпожи Зеркал не смог обнаружить всевидящее око наблюдателя.

Вишенкой на торте из помоев по логике вещей должен был стать туалет: грязный, отвратительный, наполненный жутким смрадом предыдущих заключённых. Таннели здорово удивилась, когда обнаружила компактную, что самое главное, закрытую кабинку для справления нужды. С рабочим смывом и добротно намотанным рулоном туалетной бумаги.

– Это у них шутка такая, – пояснила Джеймс, забравшись на верхний ярус боковой кровати. – Типа живите хреново, но мы хоть толчок дадим.

Танн улыбнулась в ответ.

– Интересный регламент компании.

– Шаришь, подруга. Что будем делать? Я знаю пару-тройку анекдотов.

– Хочу подумать немного, – ответила Госпожа Зеркал, оцепеневшая от зрелища по ту сторону стеклянного заслона.

Металлизированные полы коридора покрывала тёмно-синяя краска, истасканная бесчисленными потёртостями. Эти следы нашёптывали бесконечные истории поступлений тех самых агнцев, о которых бормотала заключённая, разорвавшая на себе ризы. К дороге, освещённой яркими лампами, примыкали тюремные камеры, обозначенные символом G и порядковым номером. Порой пустые, а порой заполненные тремя, а то и четырьмя арестантами. Таннели не понимала, каким алгоритмом руководствуется Новый Свет, да и её заботили лишь собратья отмеченные.

Иллюзионистка поделила их на две половины. У большинства в глазах не осталось ничего, кроме смирения и боли. Несбывшиеся мечты, невысказанные чувства и невыполненные обещания вроде злокачественной опухоли поселились в их головах, напоминая о себе каждый протянувшийся в подземелье день.

Вторая, меньшая часть, состояла из неутративших надежду. Её представители верили, что спасительный огонёк где-то там – за пределами камер, кабинетов и лабораторий. Ждёт своего прорывного часа, когда злодеи получают по заслугам, а все хорошие ребята целыми и невередимыми освободятся. К несчастью, в стенах комплекса подобным чаяньям было просто не суждено сбыться. Вторые неминуемо пополняли ряды первых, и цикл запускался вновь.

Таннели боялась представить, что за ужасы творятся за стенами комплекса, если люди так быстро сдаются. В этих мыслях она провела целых три часа, лёжа на кровати и всматриваясь в никуда. Джеймс успела немного поспать и последние шестьдесят минут не осмеливалась тревожить соседку.

В конце концов, терпение ГравиБит дало сбой, и она заговорила первой:

– Всё, я так больше не могу! Хватит молчать, давай поговорим! Ты хочешь моей смерти?

– Нет, не хочу, – раздался голос с нижнего яруса. – А о чём ты хочешь поговорить?

– Я не знаю... Расскажи о себе. Откуда у тебя взялись силы? Я сдохну без звуков болтовни!

– Слушай, это немного личное, я не...

– Да о каком личном может идти речь?! – перебила Айлин, свесившись с кровати. – Мы завтра сдохнем! Ну или послезавтра... Не будь задницей, Саат, нам нечего терять! Я не прошу тебя рассказывать секреты друзей! Расскажи именно о себе! Что-нибудь, чем можно поделиться и не подставить остальных под удар из-за висящих повсюду камер! Если тебе так трудно, давай я начну первой?! Расскажу, кто я такая и что умею, окей?

Госпожа Зеркал села в кровати и посмотрела Джеймс в глаза. Янтарный блеск буквально умолял её согласиться:

– Ладно, начинай.

– Шикарно, – радостно крикнула ГравиБит. – В общем, я диджей-тусовщица. Даю концерты, развлекаю толпы безудержным рейвом под биты и клёвую светомузыку. Удивительно, что ты не знаешь меня: я довольно популярна в Америке. Моё музло простым людям сносит крышу и позволяет реально расслабиться, а всяким высокомерным мудилам, наоборот, кипит мозг. Жанр определить сложно, это смешение синтвейва, амбиента, дабстепа и софтвера. Как ты понимаешь, в основном ретро... ну кроме последнего – это новомодный свежак.

– Извини, я не сильна в музыке, – промолвила Танн, засмутившись. – Мне знакома только классика.

– Блин... тяжёлый случай. Ладно, перейдём тогда к сути. Чтоб ты понимала, я не сама пришла к такой жизни. Меня на творчество вдохновил мой муж Робби. Да, что уж там, он в принципе вдохновил меня жить по-настоящему. Дело в том, что до шестнадцати лет я торчала в приюте. Родители смылись, когда я ещё под себя ходила. Просто оставили у дверей детдома с запиской: «Это Айлин, позаботьтесь о ней». И всё... Ни фамилии, никаких семейных связей или улик – один жирный ноль! Ничейная девочка угодила в приют «Имени святого Джеймса». Оттуда и повелось – Айлин Джеймс.

– Родители так и не нашлись?

– Неа, не нашлись. Да и в жопу их, если честно! Мёртвые или живые, они мне не нужны! В шестнадцать лет я встретила самого романтического уличного рок-музыканта Роберта Ассгерантини!

– Стоп, – вклинулась Саат. – А почему ты не взяла его фамилию? Ты же сказала, Робби – твой муж?

Развесёлая физиономия Айлин порозовела от смеха, раскатившегося на всю округу.

– Ха-ха-ха-ха, ты шутишь? Айлин Ассгерантини? Я конечно люблю Робби, но не настолько, чтобы менять стильное погоняло Джеймс, на фамилию, из-за которой моих детей будут бить в школе. Хорош отвлекаться, слушай дальше! Короче, Робби выкрал меня из приюта и перевёз в Нью-Йорк. Там я познакомилась с его друзьями и вступила в их в рок-группу

на позицию ударных. Всё шло, как по маслу: мы выступали на школьных вечеринках, отжигали в барах и пивнушках. Давали прикурить тамошним меломанам. Жизнь стала офигенной: я делала, что хотела, и рядом всегда был мой верный Робби! Реальная сказка – о чём ещё можно мечтать? Когда мне стукнуло восемнадцать, мы сразу поженились. В тот же год я и открыла свой дар!

Наконец, история потекла в конструктивное русло, а вместе с этим интерес Саат многократно возрос, заставив Госпожу Зеркал сменить скованную позу на более открытую. Она выпрямила спину, расцепила руки и разогнула колени.

– Муженёк умудрился договориться с организаторами рок-феста, – продолжала Айлин. – На нём выступали «Фэлл Родс», «Сэй Гудбай Туёр Ирс», «Блидинг Клавигерс» – самые крутые современные бэнды Нью-Йорка! У последних мы как раз были на разогреве, и я страшно волновалась! Первый раз мне предстояло выступить перед гигантской толпой. Все поджилки тряслись! Ты прикинь, какая резкая смена обстановки?! Вместо баров и клубешников, к которым я привыкла, был огромный стадион, рвущийся от людей по швам! Я оказалась на сцене так быстро, что даже ничего понять не успела! Оборудование и инструменты заранее настроены. Я сажусь за установку, Робби начинает голосить, и неожиданно всё сразу получается! Я даю жару, публика рвёт и мечет, мечты сбываются! «Шикарный большой дебют» – скажешь ты! И тут у меня вдруг появляется странное чувство: окружающие звуки становятся осязаемыми, я будто могу их потрогать, память, изменить...

В очах Джеймс проскользнула искорка радостных воспоминаний.

– Вокруг восторженные крики, звон тарелок, басы гитары и вокал Робби! Я их слышу и понимаю, что я оторвалась от земли! Совсем чуть-чуть, но всё же... Вместе со мной начали подниматься и окружающие предметы! Большая часть ребят растерялась, но Робби просто посмотрел на меня, и всё понял без слов! Он вжарил гитару на максимум, и моё первое гравитационное представление началось!

– Поясни?

– Короче, если прям без лишних заумностей, я трансформирую звуковые волны в гравитационные. Чем живее и громче звук, тем круче я выделяю штуки! Могу поднять почти что угодно, сплющить об пол, заставить рикошетить от стен. Блин, да на что фантазии и звука хватит, то и сделаю! Допустим, могу взять одну точку шириной в метр и забабахать там такое притяжение, что стоит туда человеку наступить, как он превратится в варенье! Главное, чтобы был непрекращающийся звук. Не просто какие-то стуки, шаги и болтовня, а именно ритм. Не пойми неправильно, я способна даже слово превратить в оружие. Например, ты мне скажешь, что я дура, а я возьму это оскорбление и тебе в лицо отправлю! Но без ритма эффект будет не больше, чем от обычного удара по носу.

Таннели выдала короткий смешок:

– Хах, да уж, тебя лучше не злить. А что было после концерта?

– А-а-а, стало интересно?! На нас сходу посыпались крутецкие предложения! Робби переформировал наш стиль и родилась «ГравиБит» – диджей по части гравитации! Я начала писать собственные треки, ребята перешли на новые инструменты, и стадионы росли, росли и росли! Чтобы не вызвать подозрения, я не злоупотребляла силой.

– Но как ты попала сюда?

Блеск в глазах ГравиБит исчез так же быстро, как и появился. Уверенная в себе девушка начала заикаться и от волнения спустилась на нижний ярус, лишь бы не быть одной.

– А-а-а мм-мы на эт-т-ту территорию тоже зах-х-ходим? Я не люблю... – ей пришлось проглотить скопившееся напряжение. – Изливать на голову людей проблемы и... Давай вот тут обойдёмся без подробностей?

Танн молчаливо кивнула, дав согласие.

– Спасибо, Саат. Если коротко в двух предложениях, то... Ферзь нагрязнула прямо в наш дом, убила охранника, а потом убила и Робби. Прямо у меня на глазах.

– Почему ты не дала отпор?

Отзывом послужил слезливый крик:

– Всё случилось очень быстро и неожиданно, умник! Эта тварь заявила ночью! Увидев, как мой муж погиб, я просто упала на колени и замерла! А дальше...

Последовал тяжёлый выдох и яростные эмоции сгинули.

– Дальше ты знаешь: тюрячка, отмеченные заключённые... блядский летописец. Сбор чужих историй позволяет мне отключиться от своей, Саат. Ты первая, кому я её рассказала до того самого момента, и теперь... Теперь отдавай должок. Я хочу знать твою историю! Так будет честно.

Таннели не хотелось делиться с той, которую она знала меньше дня, но аргументация Айлин служила убедительным мотиватором. Терять было нечего. Саат не обладала гарантиями, что сможет выбраться из паутины Нового Света и увидеть дорогих сердцу людей; плюс ко всему, ГравиБит поведала её свою историю, а значит, Госпожа Зеркал задолжала ей порцию откровений.

Проведя пару минут в раздумьях, отсортировав информацию по категориям, Таннели согласилась на условия сокамерницы и, дабы обезопасить себя, начала с прямого вопроса:

– Ты права. Мы обе в лапах Нового Света, и самый разумный способ скоротать время – это узнать друг друга получше. Но что именно ты хочешь знать?

– Ничего суперконфиденциального, – ГравиБит отдышалась и утёрла слезы. – Просто скажи, как ты открыла свои способности.

Поступивший вопрос удовлетворил Таннели, ибо в этой части её жизни не было каких-либо секретов и компрометирующих фактов. Со спокойствием на душе и мягким ритмом в груди она приступила к рассказу.

– Я была ученицей старших классов, когда открыла свой дар. Всей семьёй мы тогда жили в Лондоне. Моя родина – Турция, но ещё ребёнком я провела там всего пару лет, прежде чем родители перебрались в Англию. Позже я, конечно, вернулась в родные края, но лондонский колорит оставил на мне несмываемый отпечаток. Мама – дантист, папа – хирург – семейка врачей. Мы жили в полном достатке, и мне всегда всего хватало. Ну, почти всего... Ты, наверное, уже поняла, что я не самый открытый в мире человек. То, что я сейчас просто так сижу и рассказываю о себе, – это скорее дань обстоятельствам, нежели часть моего характера.

– Трудно даётся? – спросила Айлин, глазами выражая понимание.

– Да, очень трудно. Тебе тяжело вспомнить плохое, а мне вообще говорить... Это стеснение стало причиной многих проблем. К примеру, трёхлетнего молчания. Я боялась признаться любимому человеку в своих чувствах, и теперь, когда он знает, может быть, уже поздно.

– А кто он?

– Извини, я немного ушла в сторону, – остановилась Саат, вспомнив намеченный план. – Это относится к той части, о которой пока лучше умолчать. Вернёмся к получению способностей. Причиной их пробуждения стал Сеймур Фергюсон – главный красавец школы. Тусовщик, мастер вечеринок. На такие сборища меня никогда не звали. Кому нужна отличница, любимица учителей? Никому... Тогда мне казалось, что я обделена неким талантом – чем-то, что могло привлечь внимание. Но под конец учебного года даже такой ботанке, как я, подвернулся удобный случай. Сеймур здорово отставал по геометрии, и учитель попросил меня подтянуть его до экзаменов. Мы занимались после уроков, я помогала парню своей мечты и попутно старалась привлечь его не только познаниями в математике, но и... женскими обаянием. Тогда я не была некрасивой... Скорее, была нераскрывшейся.

– Дай угадаю: этот Сеймур не упустил шанс?

– Нет, не упустил. На мои сигналы он ответил взаимностью. Сдав экзамен, Сеймур пригласил меня домой на вечеринку. Помню, я так радовалась; сказала родителям, что иду гулять с подружками, а сама побежала на свидание. Захватила с собой лучшее платье и косметику. Подружки-девчонки помогли мне накраситься, и в образе, как меня назвал Сеймур, «восточной красавицы» я предстала перед главными звёздами школы. Ребята вовсю отрывались: пили безалкогольные напитки, танцевали и играли в старый добрый твистер. А ещё просто болтали. Много болтали... Поначалу всё было здорово: меня приняли, как свою. Потрясающее чувство, когда ты... нужна. Когда ты часть чего-то большого! Оно продлилось совсем недолго... Стоило появиться алкоголю, как я стала замечать всеобщие изменения. Дети медленно превратились в пародию на взрослых. Одна парочка обжималась на диване, вторая – на столе, третья – на полу, около твистера. Повсюду злобный смех и похотливые взгляды... Я просто потерялась... Не знала, что делать, и Сеймур решил подсказать мне. Он напился и вместе со своим другом повёл меня наверх. Они распускали руки, пытались снять с меня одежду. «Это всё равно когда-нибудь случиться. Уж лучше мы, чем кто-то другой» – говорили они. Каждый раз тошнит, стоит мысленно вернуться туда.

– погоди, – перебила Джеймс. – Эти уроды тебя изнасиловали?

– Нет... На полпути я толкнула Сеймура, и он упал с лестницы. Пока его друг помогал ему подняться, я побежала на второй этаж со всех ног, заперла его комнату изнутри и забилась в угол. Сеймур кричал, бил по двери и угрожал мне. Бежать было некуда – ещё пара ударов, и он внутри. Всё, чего я хотела в тот момент, это найти безопасный уголок – место, к которому ни у кого, кроме меня, не будет доступа. Фергюсон приказал открыть дверь, но я даже не подала голоса. Моё внимание приковало зеркало на стене – большое и такое... манящее. Воспользоваться им мне подсказали новообретённые инстинкты. Я коснулась стеклянной поверхности и провалилась по ту сторону. Когда Сеймур ворвался в помещение, он никого не нашёл: Таннели Саат пропала – родилась Госпожа Зеркал. Это прозвище придумал Брайан, но я была ею всегда. Каждый миг моей жизни...

– Охренительно! – восторженно вскрикнула Джеймс с улыбкой до ушей. – А как ты выбралась?

– Когда шум утих и все уснули из-за выпивки, я осторожно прошмыгнула наружу и поймала такси. Родители всё узнали по приезду домой.

– Надеюсь, они тебя не сильно отругали тогда? Всё-таки такая жесть произошла. Да уж... Ну и урод же твой Сеймур!

– Благодаря ему мне открылся мир зеркал. Это стоило того...

– А какой он? Можешь описать?

– Хорошо, что ты спросила, – улыбнулась Саат. – Это мир, с которым я чувствую истинное родство. Он состоит из яркого серебристого света... Света, который тебя не слепит. Напротив, он дарит ориентир, указывает дорогу во мраке. Среди его бескрайних просторов расположено бесчисленное множество дверей, ведущих наружу. Обычно это близлежащие зеркала, стекла или даже лезвие моего клинка Кибо-Нимитта.

– Что было потом? Ну... В смысле, как ты жила дальше с новыми силами?

– Я тренировалась каждый день, и родители знали о моих способностях. Папа назвал это божьим даром и, когда я ушла в цирковой бизнес, сказал, что его дочь зря растрачивает такую силу. Только после появления Гилберта он смирился. Брайан привнёс в жизнь смысл – подарил мне счастье среди добрых любящих людей.

История Госпожи Зеркал вернула Джеймс прежнее расположение духа. Она вновь улыбнулась и положила руку Таннели на плечо.

– Спасибо, подруга. Правда. Я благодарна тебе за то, что поделилась с мной. Вижу, тебе нелегко, но утешься тем, что ты не одна. Мы обе в жопе по самые уши.

– Ненадолго, – заявила Саат. – Теперь я знаю, кто я на самом деле. Я та, что должна отомстить за падших братьев и вызволить захваченных друзей. Это моя прямая обязанность, а значит, нужно стать сильнее. И дело тут не в ошейнике, отключающем метку, а в моих сомнениях и страхах... Пора от них избавиться, ты так не считаешь, Айлин? Как только я получила Кибо, ко мне пришло осознание, что наша сила не в эффекте метки или оружия, а в единстве! Клинок словно слился со мной – я обрела долгожданное равновесие. Он нужен мне не как оружие, а как символ клятвы – защитить друзей и навсегда похоронить старую Таннели Саат, пасующую перед испытаниями. Таким, как мы, запрещено отступать, Джеймс. Пришло время собрать волю в кулак и высоко поднять голову. Не знаю, как ты, а я не желаю стать пустой оболочкой, как окружающие нас заключённые.

– Увы, этого обещать не могу, – снаружи камеры раздался громовой голос.

Госпожа Зеркал и ГравиБит синхронно перевели взор на источник звука. За защитным стеклом в полной безопасности разразившаяся дразнящей улыбкой стояла Ферзь, облокотившись на прозрачный заслон. Зелёные глаза её испускали почти незаметные искры, а белоснежная кожа тускло люминесцировала неоном. Бестия слышала речь Таннели и не удержалась от колкого комментария.

– Мерзкая тварь! – завопила Айлин. – Открой дверь и зайди сюда! Потолкуем! Что, только сейчас надумала показать свою рожу?!

– Бог мой, какая вкуснятина, – томно произнесла Кейл, лизнув поверхность стекла кончиком языка. – Так бы и съела. Гнев, злоба, гибель муженька... М-м-м, пальчики оближешь! Скажи, Джеймс, а твой Робби успел выполнить супружеский долг перед смертью? Ты всё ещё чувствуешь его там, внутри? Я чувствую...

Глаза бестии загорелись так ярко, что осветили всю камеру.

– Его аромат. Запекшаяся плоть, хрустящая корочка... ням-ням.

Маска потери, вызванная флэшбеками о злополучной ночи, миг возникла на лице ГравиБит, что Кейл не смогла не заметить.

– Ой! Ах ты наша девочка-диджей! Ну заплачь. Глядишь, полегчает.

Не в силах бороться, глаза ГравиБит тотчас утонули в горьких слезах. Бедняжка упала на колени, закрыла лицо руками и горько заплакала, обезоруженная жестокостью Ферзя. Воспоминания о муже, погибшем в объятьях вольтажа, были куда сильнее, чем мотивационная речь Госпожи Зеркал. Они подкреплялись постоянными процедурами врачей и мраком камеры, давящим на сознание каждый день и час. Джеймс могла сдерживать эмоции, но только не в присутствии Кейл. Не прибегая к силе метки, Элизабет легко победила её, но вот для Таннели Саат, преисполненной долгом перед семьёй и чувством собственного достоинства, Кейл требовалось нечто посерьёзнее.

– Меня сейчас стошнит прямо на стекло, – предупредила Саат. – Какая же ты всё-таки жалкая тварь. Ответь мне, Кейл, откуда это всё взялось? Тебя били в школе? Явно не за внешность. С ней всё более чем в порядке и это даже обидно. Где зарыты комплексы? Может, ты родилась в бедной семье? Носила обноски, и дети тебя принижали? Нет, всё куда проще. Это не школьное время – всё произошло недавно. Скудная работа, недалёкий начальник, отчитывающий по поводу и без повода. Я права? Ты всю жизнь считала, что рождена для чего-то особенного, но бог просто взял и посадил тебя в затхлый кабинет. Никакой изюминки – ты не ноль, нет... Ты единица, корпоративная единица. И это тебя бесит. Здесь ты стала кем-то. Я права? И, чтобы поддерживать эту иллюзию, ты издеваешься над нами. Глумишься, делаешь вид, что ты лучше нас. Выше и сильнее!

– Вау! – выкрикнула Ферзь, звонко зааплодировав. – Саат, это просто потрясающе! Настоящий психолог! Сколько ты берёшь за час? Мне действительно интересно, потому что ты угадала почти всё. Только в последнем ошиблась...

Взгляды повелительницы зеркал и молний соединились в безоружной борьбе.

– Я не поддерживаю иллюзию – мой статус реален. Я Королева шахматной доски, и моё прошлое теперь не имеет надо мной никакой власти. Я сама её диктую, и, когда придёт время... когда ты будешь лежать на земле и корчиться от боли... Я поставлю финальную точку в твоей истории и насладюсь каждым мгновением. Считаю это страстью творца, Саат. Я творю смерть.

Не люблю откровенно плоские шутки, но будь за стенами комплекса Нового Света почитатель субкультуры речитатива ранних нулевых, он бы непременно закричал громогласное «РАУНД». Саат неплохо построила цепочку, но, как выяснилось, в отличие от Блэка, гонимого призраками былого, над Кейл прошлое оказалось не властно. С улыбкой на лице он удалилась по своим делам, оставив Айлин и Таннели поверженными.

– Это ещё не конец, – сказала храбрая воительница, подходя к ГравиБит. – Ты как? Всё нормально?

– Да, – ответила Джеймс, успокоившись. – Спасибо ещё раз. Ты классная, Саат.

– Зови меня Таннели, так будет проще, подруга.

Доброта Госпожи Зеркал вернула Айлин веру в завтрашний день. Девушки обнялись, как друзья, и выбросили мысли о Ферзе как можно дальше.

– Что теперь? – спросила Саат.

– Через час будет объявлен общий сон. Завтра начнётся самое весёлое. Сперва сбор анализов. Тебя будут проверять на наличие болезней, патологий и аллергических реакций. Затем проверка у психолога, сама понимаешь... Психологический барьер, фобии – всё, что влияет на твои силы.

– А потом отдел шестнадцать и всё? Дорога в один конец?

Тут Джеймс почесала затылок.

– Н-у-у-у, я немного соврала. Это не всегда дорога в один конец...

– В смысле?

– Здесь есть наглухо отбитые... Мальчики и девочки, которые стирают руки в кровь и жрут волосню. Это те, кого перевели из отдела номер шестнадцать обратно в комплекс. Можешь не задавать вопрос об условиях возврата – он вполне логичный, я сразу отвечу. Есть такая тема с... ну, как бы с целесообразностью временных затрат. Допустим, у тебя есть сила, но не очень крутая и полезная. При этом организм у тебя такой, сука, жадный что ни в какую не хочет делиться этой силой. На тебе временно ставят крест, чтобы ты не тормозила очередь, и отправляют обратно в комплекс. Типа, какой понт возиться с посредственной силой метки, если есть что-то безумно крутое?

– А что по их меркам безумно крутое?

– Пирокинез, например.

Вникнув в ответ, Таннели почувствовала, как ей завладевает страх за одного из членов семьи. Попятившись назад, она прислонилась к стеклянному заслону и мысленно набросала несколько ужасающих сценариев, где бедняжка Лоран мучается и в конце концов отдаёт Новому Свету дар Прометея. Дар разрушения, сеющий хаос и смерть.

– Да-да, – Джеймс всё прочла по лицу подруги. – Это полная задница. Они непустят Анну-Мари до тех пор, пока не добьются своего. Она в большой опасности, Таннели, и чем дольше мы тут торчим, тем хуже ей будет. Насчёт её силы – она крутая и полезная. Полноценный контроль стихий – это лакомый кусочек, и твои трюки с зеркалами, кстати, тоже. Моя сила не уступает вашей по разрушительности, но она бесполезна без звука и музыкального слуха – слишком ситуативная. Тем не менее, скоро наступит и моей черёд, я уверена.

– Ты хочешь сказать, что все эти сумасшедшие вернулись оттуда? Что с ними там делают? Люди, возвращающиеся с войны, выглядят лучше!

– Одно слово, Таннели: Талос. У неё десятки прозвищ: мучитель, изверг, безумный доктор... Я задолбаюсь перечислять. Важно только то, что она главный светила Нового Света –

гениальный учёный и сумасшедший человек. На её разработках держится львиная доля проектов пингвинов. Попадёшь к ней в руки – пиши пропало.

Помимо ГравиБит и Госпожи Зеркал, ведущих диалог на тему потенциального будущего, за столом переговоров схожую беседу одновременно проводили и Офицер с Ферзём, кратко отвлекаясь на параллельно вещающий телевизор. Испортив настроение Саат и Джеймс, Кейл вознамерилась поднять собственное, но безудержные крики голосистого рокера на голубом экране сбивали её концентрацию:

**«БЛЕВАТЬ! БЛЕВАТЬ КРОВЬЮ! ЗАБЛЕВАННЫЕ ШТАНЫ! ОНИ ВСЕ СДОХ-
НУТ!»**

«Какое потрясающее звучание, вы согласны?! – клип закончился, и на экране появился ведущий чарта. – Это был трек «Заблёванные мечты», идущий под номером тринадцать в четвёртом альбоме группы «Сэй Гудбай Туёр Ирс» – «Мама, заткни гноющую дыру в моём изнасилованном сердце». Как по мне, замечательное завершение дня! На сегодня у нас всё, с вами был Кеннет Дуган! Слушайте тяжёлый рок и до новых встреч, друзья!»

– Боже, как такое вообще может нравиться? – пробурчала Кейл. – «Блевать кровью», «заблёванные мечты»... Мир сошёл с ума.

– Детишкам нравится, госпожа Ферзь, – ответил Колд, облокотившись в кресле. – Я в своё время тоже увлекался тяжёлой музыкой. Даже пытался писать. Тексты были куда глубже и с большим содержанием позитива.

Ухмыльнувшись, Элизабет переключила на новостной канал и подвинулась к Оззвальду поближе, насколько, разумеется, позволяла его ледяная аура.

– У меня пара новостей, Озз, и обе хорошие. Начну с твоего задания. Талос передала информацию по заказам, и после отправки в отдел номер шестнадцать ты приступаешь к выполнению. Список отправлю по коммуникатору, смотри ничего не забудь. Никаких промашек, Колд.

– Так точно, мэ. А какая вторая новость?

– Наши люди полностью обыскали особняк Молза и нашли настоящий золотой Грааль. На компьютере этого ничтожества обнаружен архив отмеченных больше, чем на две тысячи имён. Ты понимаешь, что это значит, Оззвальд? Наши поиски подошли к концу. Теперь возможности Нового Света безграничны. Копию архива отправили мне лично, на компьютер в кабинете.

– И когда его получают остальные комплексы и отдел? – спросил Озз без каких-либо эмоций в голосе.

– Очень скоро. IT-специалисты проверили программу на наличие вредоносных элементов и ничего не обнаружили. Однако меня беспокоит уровень полезности информации. Хочу лично проверить данные, отдать пару приказов о захвате, и, если люди в реестре действительно обладают указанными в нём способностями, я дам отправке по всем подразделениям зелёный свет. Но перед этим сама передам Королю именную копию.

– Как предусмотрительно с вашей стороны и очень дальновидно. Желаете получить его похвалу?

– А кто не желает, Оззвальд? Мы все хотим получить его похвалу.

Согласный с оным утверждением Альбинос положил руки в перчатках на стол и пронзил Кейл ледяным взглядом, от чего той стало неуютно, хоть она и не показала этого.

– В чём дело? Ты выглядишь каким-то озабоченным. Есть вопросы – так задавай...

– Миссис Кейл, – обратившись к Ферзю, Колд мимолётно остановился, видимо, обдумывая дальнейшие слова. – Я хочу сказать, что возможность увидеть Короля – для меня большая честь. Я и не думал, что опережу Блэка или Дмитриева. Денис – настоящая гордость нашей организации: исполнительный, верный, преданный вам. Если бы я тогда помог ему выбраться, возможно, сейчас в камере сидели бы все члены труппы.

Кейл задумчиво наклонила голову и оперлась на правую руку.

– Не знаю, Озз. Никто не может знать, как всё обернулась бы. Представь, что Гилберт взял Ладью по контроль. Какие мысли возникают?

– Возникают мысли о ненужных сложностях.

– Именно... Забудь свой провал и иди дальше, потому что я тебе позволяю.

– Спасибо, – ответил он с улыбкой. – Будь у меня эмоции, я бы искренне улыбнулся, а не из вежливости. Надеюсь, встреча с Королём разбудит во мне нужные воспоминания.

– Мне всегда нравились твои мотивы. Они... – по лицу Кейл было явно видно, что она буквально выуживает из себя формулировку, – чисты... Ты не ищешь могущества, богатства или удовольствий. Ты просто хочешь собрать разрушенный пазл.

– Когда я пришёл к вам, вы приняли меня, как сына, мэм. Дали мне цель, задачу и путь. Без Нового Света я бесполезная пустышка, и отрицать это крайне глупо.

Элизабет окинула подчинённого одобрительным взглядом и потянулась к бумагам, не прерывая беседу:

– Знаешь, мы давно работаем, но я тебя никогда не спрашивала. Ты религиозный человек? А если да, то насколько религиозный?

Колд незамедлительно ответил, будто текст для него подготовили заранее:

– Не могу назвать себя истинно верующим. Я никогда не ходил в церковь, редко молился и нечасто просил бога о чём-то. Скорее всего, из-за того, что жизнь давала мне всё без лишних промедлений и вопросов. На фанатиков я всегда смотрел с юмором, нередко шутил на тему религии и бога. Но, тем не менее, назвать меня атеистом будет неправильно. Я верю в творца с точки зрения логики и здравого смысла. Господь – это невидимая сила, которая направляет свои куклы по нужному им и ему пути. Поэтому, когда я изменился, то и в этом увидел свою образную логику. Бог отнял моё собственное я и мои эмоции с определённой целью. Рано или поздно я пойму, в чём его замысел.

– А что, если логика подскажет тебе оставить меня в бою? Что ты сделаешь?

И снова без раздумий:

– Это невозможно. Нелогично оставлять Королеву в беде, так как Офицер существует для того, чтобы служить ей и Королю.

Тотчас Кейл расплылась в улыбке. От неё исходила аура экстаза и чистого удовольствия, ибо Колд не мог ответить лучше.

– Превосходно, Озз...

Манящие уста бестии наполнились игривыми искрами.

– Не будь ты холоден, а я занята, за такой ответ ты получил бы от меня награду.

– Вы очень сексуальная женщина, Элизабет, – заявил Колд, со всей присущей ему морозной фригидностью. – Но даже будь я в состоянии прикоснуться к вам, разрушать пару было бы неправильно.

– Вот и молодец, – прошептала она. – Ладно... Сегодня у меня превосходное настроение, Оззи. Хватай бумаги и выдвигайся. Ты забираешь пять отмеченных: Доджерса, Круз, Столи, Брауна и Моркести. Они нужны Королю в кратчайшие сроки. Все тесты группа прошла на отлично, каждый заключённый продемонстрировал превосходные результаты. Они смогут выжить во время процедуры мимикрии и при дальнейших испытаниях. Когда доберёшься до Отдела, покажи Королю свой профессионализм и прояви рвение и компетентность. Отдел

номер шестнадцать поначалу покажется тебе огромным, но ты быстро разберёшься. На все про всё у тебя тридцать шесть часов. Передавай все детали мне и только мне. Отряд пешек будет охранять тебя и отмеченных на протяжении всего пути.

– Можно вопрос напоследок?

– Конечно, можно.

– Всё-таки почему вы посылаете меня? Денис и Майлз куда больше достойны встречи с Королём.

Перед ответом Кейл кокетливо пробежалась пальцами по столу.

– Денис, несмотря на свою преданность, очень порядочный человек. Ему присуща жалость к убогим. К ничтожествам, если говорить точно... А Майлз, ну... скажем так, в попытках убежать от призрака своего папаша он оставляет слишком много трупов. От тебя я знаю, чего ожидать, поэтому именно тебе суждено встретиться с Королем первым.

Получив ответ, Озвальд Колд попрощался с Элизабет Кейл и отправился собираться в путь. Оставшаяся в одиночестве бестия, завидев на экране телевизора пейзажи Санриз, прибавила звук, дабы услышать каждую деталь:

«По сей день продолжаются поиски Брайана Гилберта и его труппы артистов. Эбигейл Саммерс, мать Мэттью Саммерса, официально подала заявление в полицию, и, если вы знаете местонахождение любого из разыскиваемых, просим вас обратиться на круглосуточную горячую линию. Номер вы можете видеть снизу экрана. Город Чудес проливает слёзы за своих любимых детей».

– Да уж, самых любимых, – промолвила Кейл, набирая номер телефона.

Она выключила ТВ и всецело отдалась звонку, безмерно нужному и желанному. Ожидание заставило её нервно притаптывать ногой по полу, отвлекаясь на криво разложенные на полке книги и статуэтки четырёх ангелов. Шесть гудков и никакого ответа, а он требовался Кейл позарез. Королева шахматной доски набрала номер того единственного, кого была рада слышать везде и всегда, каждую минуту и каждый миг.

Прошло десять гудков...

– Ну же, возьми трубку, пожалуйста.

Наконец мучительные звучания прекратились.

– Привет, Лиз. Прости, что так долго. Телефона не было под рукой. Что-то случилось?

– Нет, – ответила она, мгновенно пожалев от этом. – Точнее, да. Я просто... Я очень соскучилась. Не знаю, куда себя деть. Мне так не хватает твоих прикосновений.

– Лиз, милая моя, – любовно промолвил Король, лаская Ферзя своим голосом. – Всё очень скоро закончится, обещаю. Я тоже безумно скучаю по твоим безупречным изгибам, шёлковой коже и сладким губам, покалывающим искрами. Кстати... Так к слову... Мы близки, как никогда. Проект «Файв» завершится до конца года, я уверен.

– Это правда? Я так скоро их увижу?

– Да, ты будешь гордиться, Лиз. Я тебя когда-нибудь обманывал?

Кейл поторопилась ответить; капли пота проскользнули по её шее до самой груди.

– Нет, ты что. Никогда не обманывал!

– Значит, тебе нечего бояться, любовь моя. Все мы скоро получим то, что заслуживаем. Наш Санкториум – идеальный мир.

Конец записи 17

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведет: Карсон Смит

М: Да уж, вы не представляете, сколько у меня ушло времени на то, чтобы достать записи этих телефонных звонков.

К:Я, кстати, давно хотел спросить... Это обязательно – записывать всё в формате книги? Мы ведём видеозаписи, аудиозаписи... Разве этого недостаточно?

М:Хочу убить всех зайцев одним выстрелом – покрыть максимальную аудиторию.

К:Точно... Ведь ваша основная специальность – маркетинг... Я напрочь забыл. Рабочие пристрастия дают о себе знать, не так ли?

М:Да, это довольно приятно. Слушайте, Карсон... Я не выходил в сеть уже два дня. Интернет стал слишком опасным местом, а мне нужна информация по нашим фанатикам – «Последователям шагов её». Не было ничего экстраординарного или громкого за последние сорок восемь часов?

К:Рад, что вы заинтересовались ими... Знаете, лучше бы не было никаких новостей. Их глава Архонт Аэрамас сделал заявление. На протяжении получаса он вещал о скором конце. О том, что люди поплатятся за своё невежество. Его бритоголовые прихвостни орал на заднем фоне все эти полчаса, что их богиня близка к возвращению. Долбанные фанатики...

М:Во что бы они не верили, ничем хорошим это не закончится. Аэрамас, может, и тронутый, но далеко не дурак. В предыдущий раз он заранее отметил свою цель – дал властям шанс на сопротивление.

К:Ага, только они его упустили. Глупцы. Подумали, он блефует.

М:Блеф ценой жизнью детей. Целая школа, и никто не может ничего сделать из-за К.О.С.

К:Но они ведь поймали сестру Аэрамаса?

М:И какой от этого толк? Они только больше разозлили Архонта. Изма – любовь всей его жизни и будущая мать его детей. Я уверен, что последующая атака будет гораздо сильнее.

К:Учитывая жизненные предпочтения Архонта, я, пожалуй, не удивлён, что он спит с собственной сестрой.

М:Как он сам говорит, сердцу не прикажешь.

К:Мэттью, вы спросили меня о последователях, потому что хотите наконец вмешаться?

М:Вы вольны думать, как вам угодно, Карсон. На этом предлагаю закончить запись. Мне нужно проверить оборудование и пройтись глазами по парочке досье. Надеюсь, вся эта шумиха в сети вскоре сойдёт на нет, потому что без интернета я как без рук.

К:О чём речь пойдёт в следующий раз?

М:Я рассказал о Таннели и происшествии с Ладьёй, а это значит, что пришло время посмотреть на историю глазами Гилберта и Сколлетти. Дворецкий Молза решил покинуть ребят и пойти своей дорогой. Каст не хотел ввязываться в разборки отмеченных и самолично вычеркнул себя из конфликта. Не стоит считать его трусом – любой на месте Джона сбежал бы. Перспектива столкнуться с Майлзом Блэком, скажем так, не лучший способ дополнить резюме.

К:Верно... Ферзь ведь отправила Коня за Брайаном и остальными.

М:Бесконечная гонка Термополисовского отцеубийцы продолжилась, друг мой. До завтра.

Глава 15. Три Стрелка

Брайан Гилберт, Джуллио и Адриано Сколлетти.

24.09.2033.

Окрестности Рокуэй.

Совершив дерзкий побег от представителей инфернальной организации и набрав приличное расстояние, пожравшее силуэт особняка Молза линией горизонта, Гилберт и Сколлетти не сбавляли шагу. Любая, даже мимолётная остановка, казалась им фатальной. Каждый пройденный метр по крупнице отнимал драгоценные силы и сопровождался навязчивыми мыслями о возможном преследовании. То и дело оглядываясь назад, Брай нещадно растрачивал запас самообладания. Техасец боялся, что чёрные костюмы вот-вот настигнут его, и он уже никогда не сможет вернуть Таннели Саат утраченный ею Кибо-Нимитта. Обхватив рукоять катаны покрепче, стараясь отогнать негативные фантомы сознания и сосредоточиться на нескончаемой дороге, давно забывшей значение слова «пробки», зеленоглазый трикстер шагал по направлению взора, стирая обувь о грубый асфальт.

Адриано и Джуллио шли следом. Продрогшие до самых костей гимнасты были одеты явно не по погоде и последний час утомительного пути, преодолевая желание прикорннуть у бордюра, с трудом шевелили ногами. Адриано использовал разряженную винтовку в качестве трости, а его боевой супруг тащил оружие в руках.

Ветер становился всё сильнее, температура ниже, а дорога темнее. Небо, ещё в полдень подарившее пригороду Нью-Йорка согревающие лучи солнца, в одночасье угодило в плен свинцовых туч.

Капли дождя окропили пыльные дороги влагой, и вместе с их появлением голос подал воинственный Сколлетти:

– Ну и трус же этот дворецкий, – пробубнил он в надежде, что ветер скроет слова.

Однако Рио всё равно услышал их и поспешил переубедить Джуллио:

– Вот именно, он всего лишь дворецкий. Это был не его бой, но он нам здорово помог. Особенно учитывая, что Каст не обладает сверхсилами. Я считаю, пусть лучше Джон уйдёт сейчас живым, чем потом мёртвым.

– Наверное, ты прав.

– Если бы правота могла сейчас решить наши проблемы, Джуллио. Эй, Брайан! – окликнул он идущего впереди техасца. – Что будем делать?! Нас опять разделили и заставили бежать! Таннели у них, и мы понятия не имеем, что там с остальными!

Ничего не ответив, Гилберт продолжил молча плестись вперёд, изредка поглядывая на Кибо. Поглощённый думами о семье, фокусник отвернулся от иных отзвуков мироздания.

Тем не менее, Адриано попробовал позвать его ещё раз:

– Брайан! Ты с нами вообще?! Что нам делать?!

Со второй попытки крик Сколлетти всё же возвратил Гилберта в нашу реальность. Еле придя в себя, он собрался с мыслями и подал голос:

– Я знаю, что нам делать, но пока возможность не подвернулась. На деле план простой, как двери: ждать попутку, на которой нас подвезут до города. Одна проблема: впереди ни души. Чёрт бы побрал эти выкупленные захолустья... Молз выбрал хорошее место для дома, но даже здесь нас нашли.

Теперь, когда диалог налачился, Рио оставил Джуллио позади и поравнялся с Гилбертом.

– Да, но кто в здравом уме станет подвозить мужчину с клинком и двух вооружённых итальянцев?

– В здравом – никто, – отозвался Брайан, с улыбкой на устах. – Поэтому я «заставлю» нашего потенциального спасителя оказать нам всю необходимую помощь. Твой друг – первоклассный гипнотизёр. Или ты запомнил?

Следом и Джуллио поравнялся с остальными.

– Ты используешь гипноз? Тебе не кажется, что это как-то неправильно?

– У тебя есть идеи получше? – спросил Гил с издёвкой в голосе. – Или у Адриано найдётся идеальный план?

Второй лишь почесал затылок и неуверенно промолвил свою расплывчатую точку зрения:

– Я согласен с Джулло: всегда есть выбор. Разве нет?

– Конечно, есть, и этот случай не исключение! – прокричал Гилберт, задрал руки кверху.

Техасский фокусник перегородил путь Сколлетти, поправил хомбург и, фирменно улыбувшись, разъяснил своим спутникам актуальный расклад, сопровождая всё активной жестикуляцией:

– Сказать вам, какой выбор у нас есть? Вариант номер один: мы сдохнем. Просто. Тупо. Сдохнем. Вариант номер два: мы отождём машину при помощи моей силы, а значит, выживем! Потом, господа, мы вытащим наших друзей из лап этих чокнутых и будем спасать Джеффа. Всё, что нам нужно, – это дождаться звонка Молза, по инструкциям которого мы скорректируем наши действия! Видите, как чудесно у нас всё получается? Я даю вам выбор, основываясь на умозаключении Адриано о том, что этот СРАНЫЙ выбор есть всегда! Хотите выбирать? Вперёд, я отдаю вам это право!

Помышавшись на месте, Рио и Джулл синхронно переглянулись и с обречёнными лицами хором ответили:

– Ладно, давай выживать.

– Чудесно, друзья, у вас есть вкус! Я бы выбрал то же самое! Простите, конечно, за то, что я так срываюсь, но вы должны понимать, что в подобной ситуации у нас нет иных вариантов! Мы находимся в такой глубокой заднице, в которой ты либо прибегаешь к меньшему злу, либо отдаёшь концы! В данном случае нам просто нужна машина... Необходимо набраться терпения и подождать...

Ко всеобщему ликованию, ждать нашей троице долго не пришлось. Всего через двадцать минут ходьбы на их пути оказался случайный бедолага – обычный парень, ведущий совершенно обычную жизнь. Дабы привлечь его внимание, Адриано включил своё актёрское мастерство и вылетел на дорогу, прикинувшись раненым. Эти крайне правдоподобно сыгранные страдания моментально вызвали у водителя позывы к добропорядочности; не моргнув глазом, он остановил машину и, преисполненный гражданским долгом, побежал к Сколлетти на выручку. Признаюсь... здорово осознавать, что в мире остались добрые люди.

Пока незнакомец помогал Рио (которого он, между прочим, узнал), из-за обочины выскочили Брайан и Джуллио. Чего говорить, радости водилы не было предела – целых три суперзвезды разом. С этими мыслями он угодил под контроль зеленоглазого гипнотизёра и, точно послушный рядовой во время армейской муштры, принялся впитывать его наказания:

– Отвези нас в Бруклин и не задавай лишних вопросов. Сейчас мы все спокойно сядем в твою машину, и ты будешь паинькой. Что бы не случилось, не теряй самообладания. Ты понял меня?

– Слушаюсь, сэр, – безропотно ответил водитель своему новому повелителю.

Таким немудрёным методом наша фантастическая тройка отправилась в Бруклин – самую спокойную (на то время) часть Нью-Йорка. Джуллио и Адриано устроились на заднем сиденье и заснули в объятиях друг друга, а Брайан, удобно расположившийся на пассажирском, молчаливо разглядывал один из своих револьверов. Оружие навеивало воспоминания – лучший способ отвлечься от реальных невзгод. Фокусник получил пару смертоносных молод-

чиков в качестве подарка от владельца оружейного магазина, когда ему было двадцать лет. Две тысячи пятнадцатый год (переезд и прощание с домом) стал для него одним из самых неоднозначных отрезков в жизни. Тогда он ничего не знал о своих способностях, да и об отмеченных тоже. Список интересов Брайана ограничивался его маленьким бизнесом и возможностями его скорого расширения. Несколько любопытных идей уже находились в разработке, но перед тем, как вплотную заняться делами, Гилберт вознамерился решить одну неотложную проблему.

После недавней заварушки с бандитами Хьюстона, в который он как раз перебрался, Брайан понял, что им с Тедди не помешала бы серьёзная защита, а конкретно – огнестрельное оружие. Провернуть всё трикстер хотел легально, поэтому позаботился о получении соответствующих документов, кои вызывали у новоиспеченного владельца чувство неподдельной гордости. Разумеется, как и стоило ожидать, оная деталь волновала только мозг операции, ибо Тедди Бойл мечтал обзавестись крупнокалиберным пистолетом или внушительным дробовиком во что бы то ни стало. Мысли о свинцово-шпиговочной машине согревали его львиное сердце: всё-таки бугай со здоровенной пушкой в руках – это весомый аргумент в любом споре.

Заранее распланированным вечером наша парочка направилась в оружейный магазин. Взведённый от бурлящих эмоций Бойл тарахтел без умолку:

– Готов поставить свою филейную часть, что, когда у нас будут пушки, ни один урод в нашу сторону не зыркнет! – кричал он, размахивая руками, словно мельница. – Мы станем самыми крутыми во всём городе! Каждый шнырь будет знать наши имена! Представь: ты и я вдвоём против всех, и вот этим «всем» стопудово хана! Моя хлеборезка и твоя ухмылка будут сниться нашим врагам в кошмарах!

– По-моему, ты радуешься больше меня, – проговорил Гилберт, поправляя недавно купленный хомбург.

Шляпе была уготована участь со временем превратиться в легендарную особенность Техасского Фокусника, его отличительную черту. Довольный стильным приобретением Брайан смаковал каждый миг и разделял недюжинный энтузиазм напарника.

– В иных обстоятельствах я не поддержал бы подобное рвение, но, учитывая последние события, нам реально нужна защита. Сейчас возьмём оружие – для тебя поувесистее, для меня поизящнее – и поедем домой. Нужно подготовиться к завтрашней работе.

– Есть! Да, чёрт возьми! Для меня поувесистее! – Тедди повеселел ещё больше. – Какую пушку ты себе возьмёшь?!

– Наша лицензия позволяет нам немалый выбор. Знаешь, я, скорее всего, возьму что-нибудь элегантное. Не хочу брать здоровую бандуру, от которой после каждого выстрела меня будет впечатывать в стену.

– Для такого оружия у тебя есть я, дружище! – ответил Шкаф, хлопнув друга по спине. – Сегодня мы станем крутыми гангстерами, Гил! Сегодня всё изменится!

По дороге в Бруклин Гилберт думал об этом моменте, загипнотизированный собственным оружием. Техасец пришёл к мысли, что с Тедом он всегда чувствовал себя в безопасности. Бойл неизменно становился на защиту напарника, даже когда расклад сил был не в его пользу. С самого начала и до самого конца – преданный друг, коему нельзя найти замену. От этого Техасскому Фокуснику становилось ещё больнее, ибо он мог подчинить своей воле кого угодно, заставить полюбить себя, отдать нажитое или вовсе покончить с собой, исполнить любые желания, но только не повернуть время вспять. Увы, сил, даруемых меткой шестиугольной бабочки, не хватало для того, чтобы вернуться назад и не дать Теодору Франклину Бойлу погибнуть.

Гилберт знал, что справился бы с задачей. Он непременно смог бы выдернуть товарища из лап смерти, но, к сожалению, в этот раз судьба не раздавала вторые шансы.

Мучительный трип по чертогам разума продолжался. Брай вспомнил, как он вместе с Тедди добрался до магазина, закрывавшего свои двери через час. Отведённого времени вполне хватало на огнестрельный шоппинг, посему спешка не могла внести коррективы в атмосферу американской свободы. Владелец за кассой старательно начищал револьвер для ослепительного блеска, а его, судя по внешнему сходству, сын подметал пол и приводил стенды в порядок.

Высокий парнишка немногим младше Гила приветливо улыбнулся потенциальным покупателям и вышел им навстречу.

– Чем могу помочь, господа?

– Добрый вечер, – поздоровался Брайан, сняв шляпу в помещении. – Я и мой друг хотели бы приобрести средства самозащиты. Для нас и для нашего места дислокации.

Краем уха уловив суть разговора, владелец, не отрывая глаз от отражающего свет револьвера, фыркнул в сторону Брайана:

– А бумаги у вас есть?

В ответ на законный вопрос ребята вытащили из карманов необходимые документы и довольные собой положили их на стойку рядом с мужчиной. Он бегло по ним пробежался, а затем рассмотрел фотографии в паспортах Гила и Теда. Поняв, что всё в порядке, мужчина в возрасте отложил начищенный до блеска револьвер, а его хмурый, полный недоверия лик преобразился добродушной улыбкой.

– Хм, всё в норме, друзья мои... Сынок, покажи нашим гостям лучшие экземпляры. Чувствуйте себя, как дома, ребята. Скажу вам по секрету: стволы из моего арсенала могут порадовать даже настоящего морского котика.

Получив благословение владельца, Тед направился в противоположную часть зала вместе с его сыном по имени Шон. Тому предстояло подобрать оружие в соответствии с требованиями клиента – пушку поувесистее, чтобы служила верой и правдой. Пока здоровяк пробовал винтовки и дробовики, Брайан разглядывал куда более скромные образцы средств самообороны. Перед ним предстали десятки автоматических пистолетов, револьверы разного калибра и даже пистолеты-пулемёты... Гилберт определённо не ошибся, когда выбрал этот магазин, ведь по слухам он располагал самым обширным арсеналом в городе. Правда это или выдумка, значения не имеет, ибо глаза Техасского Фокусника остановились на паре револьверов Smith&Wesson двадцать девятой модели.

Боб Харис (так звали владельца магазина), приметив то, как Гилберт уставился на них, решил не медлить и лично подошёл к покупателю.

– Вам приглянулись эти малыши? У вас хороший вкус, но это серьёзное оружие. С ними нужно уметь обращаться, так как отдача будь здоров. Справитесь? Сначала будет нелегко, поверьте мне. Есть модели куда проще в обращении и не менее эффективные...

Каким бы доводами не оперировал Харис, Брайан не мог оторвать взгляд от двух красавцев – револьверы по-настоящему запали ему в душу. Он представил, как будет держать их в руках, внушая страх своим врагам. На мгновение уроженец Виктории вспомнил Клинга Иствуда и его героя «Грязного Гарри». Все те воспоминания, которые остались далеко в детстве, вспыхнули с новой силой. Стало быть, Техасский Фокусник сделал выбор.

– Я справлюсь. Если меня что-то зацепило, то я сделаю всё, чтобы быть в этом лучшим. Поэтому я уверен: всё получится. Нужно лишь желание, а его у меня предостаточно.

– Какой боевой дух! – прокричал Харис, задорно щёлкнув пальцами. – Знаете, думаю в таком случае можно нанести на них гравировку. У нас сейчас как раз скидка! Желаете украсить покупку?

Гилберт улыбнулся оружейнику и пожал плечами.

– Звучит заманчиво. Раз уж так, покажите какие-нибудь варианты.

На радостях Боб схватил журнал с эскизами и принялся перелистывать страницы. Он нашёл самый подходящий, по его мнению, образец и настойчиво порекомендовал Брайану четырёхлистный клевер – талисман, притягивающий удачу. Гилберт увидел в нём некий понятный только ему символизм и без раздумий дал согласие. В магазине воцарилась тёплая атмосфера спроса и предложения, и, как это обычно бывает, мироздание поспешило её разрушить.

Расположенный над входной дверью колокольчик издал тревожный звон. Внутри вошли пять парней и одна девушка, все как один упакованные в кожаные куртки. Вальяжной, словно бросающей вызов походкой они медленно подошли к стойке рядом с кассовым аппаратом и, перебиваясь нецензурной бранью, позвали Боба.

– Одну минуту, друг мой, – сказал он Брайану. – Сейчас узнаю, чего желают наши гости, и мы вернёмся к сделке.

Поставив диалог с Гилбертом на паузу, оружейник направился к новым клиентам. Харис встал за стойку, прокашлялся в кулак и поздоровался:

– Кхм-кхм... Здравствуйте, молодые люди. Чем могу помочь?

– Нам нужны новые игрушки, разумеется, даром, – ответила единственная дама в коллективе.

– То есть даром? – растерялся Боб. – Детишки, вы что, под кайфом?

Вместо ответа на вопрос старик тут же получил замельтешившее пред его носом дуло пистолета. Все звуки в магазине, включая задорные шутейки Бойла на заднем плане, вмиг затихли, ибо инстинкт самосохранения требовал молчания. Руководствуясь правилами безопасности, Харис попытался аккуратно нажать на кнопку тревоги, находившуюся под стойкой, но злодейка не дала ему ни шанса. Пуля просвистела за ухом Роберта, он схватился за голову и отступил назад.

– Теперь понимаешь, о чём я?! – спросила преступница. – Ну, соображай быстрее, или тебе для ускорения лишней дырки в теле не хватает?!

Грабители не скрывали лица – это были члены банды «РоугЛайк», постоянно соперничавшей с «Падшими» за права на территорию. Известные по всему штату бандиты наслаждались ложной властью и получали удовольствие от насаждения страха. Таким образом они показывали своё пренебрежительное отношение к закону.

Опознав злоумышленников по характерным татуировкам на шеях, Харис поднял обе руки вверх и сделал это очень медленно, дабы не произошло непоправимого. Разумный ход, но от того не менее бесполезный, ибо сорвиголова Шон попытался остановить грабителей своими силами. Парень, притаившийся за углом, вышел навстречу бандитам и направил на них ружьё. Он чётко и ясно потребовал бросить оружие и сдаться по-хорошему, но в отличие от отца, видимо, не понял, что имеет дело с настоящими отморозками, для храбрости принявшими дозу стимулирующих препаратов.

Всё верно: догадка Хариса была недалеко от истины. Злодейка быстра отреагировала на угрозу и подстрелила источник опасности. Шон упал на землю с отверстием от пули в бедре, а девушка в очередной раз ткнула стволом в нос Хариса.

– Не надо так! Если твой сыночек ещё раз двинется, то получит пулю не в ногу, а в башку! Ты понял меня, старый пердун?! Дайк, забери у этого недоноска оружие! И мать вашу, уебаны, вытащите вы уже пушки! Почему я одна, блядь?!

Бритоголовый подручный выполнил приказ безудержно вопящей особы и вместе с коллегами по зазорному ремеслу оголил компактный дробовик, всё это время спрятанный под курткой. Он приказал Гилберту и Бойлу уткнуться «мордами в пол» и не шевелиться. Брайан послушно лёг рядом с Тедом и прошептал ему пару замечаний:

– Они дегенераты. Даже не связали нас...

– Друган, они под химией, – пояснил Тед. – Я такую херню сразу определяю. Ты ведь у нас умный, подумай сам...

Окинув врага взглядом, Гил обречённо вздохнул и припал лбом к земле.

– И как я сразу не догадался? Эти придурки грабят чёртов оружейный магазин...

– Разговорчики, блядь! – проорала девушка с пистолетом. – Боб, ты оглох?! Набивай мешки пушками, живо!

– Хорошо! Хорошо! Я понял, только никого не убивайте! – взмолился Харис. – Что именно вам нужно?!

– Отлично! Так бы сразу! Передавай сюда, вот эту и... Вон ту, сверху! А вы, ребята, заберите ствол у Боба – он хранит помп за стойкой. И пистолет в сапоге, блядь, не забудьте! Я про этого старого гандона наслышана!

Для сборища жалких наркоманов, вломившихся в заведение, явно не подходящее для ограбления, члены банды «РоугЛайк» проявляли излишнюю подготовленность: преступники заранее знали обо всех потенциальных неожиданностях. Обезоружив нерасторопного владельца, подчинённые крикуньи сами разошлись по залу и собрали приглядевшиеся экземпляры огнестрельных сокровищ. Четыре автомата, две винтовки и шесть пистолетов-пулемётов угодили в мешки в комплекте с парой десятков коробок боеприпасов. Забирать излишек бандиты не планировали, посему периодически поглядывали в импровизированный список покупок. Одна минута и тридцать четыре секунды – ровно столько времени успели поглотить настенные часы, прежде чем главарь отдала приказ закругляться. Поразительно, насколько организованным может быть зло и насколько беспомощным добро...

Дабы лишить Боба возможности оперативно вызвать полицию, головорезы прострелили соединение проводов в столе, питающих кнопку тревоги. Оставался последний элемент удачного грабежа – кэш в кассе и сейфе. От мысли о нём девушка с пистолетом буквально роняла слюну, тыча оружием в лицо Харису:

– Баблю! Давай деньги, козлина, иначе получишь пулю!

– Ладно! Всё! Я тебя понял! – заскулил он, вводя код от сейфа под стойкой. – Не нужно горячиться, деньги того не стоят!

– Ещё как стоят! Ребята, пока этот дебил заполняет мешок, скажите мне... Меня глючит или вот у этих двоих на полу морды знакомые?

Прихвостни все как один уставились на Гилберта и Бойла, заставив их оторвать лица от холодной земли.

– Я прям вся на измене, – продолжила главарь. – Этот толстяк какой-то... Блин, а, может, я просто кислоты пережрала? Народ, ну хорош! Неужели только я их знаю?

– Точняк, Крю! – отозвался тот, что стоял рядом с Брайаном. – Эти дебилы ведут разборки с Падшими свиньями! Они недавно посрались, и теперь Джакобо хочет их смерти!

– Сам Джакобо?! Блядь, да если он на кого-то взелся, то даже нам заплатит! Дайк, поднимай этих уродов! Будем устраивать перемирие!

– Но, Крю, они ведь наши враги, – засомневался Дайк. – Босс не обрадуется, если мы будем вести двойную игру!

Сходу раздался мерзопакостный визг:

– Залепи своё дуло! – голос злодейки напоминал скрежет ногтей по школьной доске. – Я тут решаю, что мы делаем! Быстро поднял их, ты, членосос!

По закону жанра, Дайк не мог отказать главарю отряда. Недалёкий, но верный, он смиренно закрыл рот, утвердительно кивнул и потянулся к Гилберту, чтобы поднять того на ноги. В одно мгновение время для Техасского Фокусника замедлилось; напряжение нарастало, а вместе с ним таяли шансы на спасение. Теодор был готов сорваться с места, лишь бы заступиться за лучшего друга, и Брайан это прекрасно понимал. Выкручиваться из ситуации он собирался сам.

Но как это сделать? Лапы грабителя уже держали его за ворот пиджака, а кислотный смех Крю разъедал слух, отскакивая от стен будто шарик для пинг-понга. Первое, что при-

шло на ум, – выхватить у Дайка ружьё, но Брая останавливала мысль о возможном провале. Она превращала каждую нереализованную попытку в Сизифов труд. Что-нибудь обязательно должно было пойти не так, и Тедди мог пострадать. Однако бездействие сулило куда большие проблемы. Джакобо – главарь банды Падших, носил кличку Мясорубка по двум причинам. Первая: он безумно любил кормить своих псов-бульдогов свежими гамбургерами, кои готовил лично. Вторая: фаршем в буквальном смысле служили его враги.

Выбраться из нависшей грузом передраги парочка техасцев могла только в одном случае: бандиты должны были перестрелять друг друга. Эта идея засела в голове Брайана нерушимым столпом. Он сосредоточился на ней и понял, что хочет подчинить врага своей воле – прекратить кошмар с помощью некоего козыря, затерявшегося в глубинах внутреннего кармана естества. Столь необузданное желание снежным комом врезалось в ограду из стекла... стекла, служившего хрупкой преградой на пути к открытию истинного потенциала Техасского Фокусника.

Сей триггер обрушил его психологический барьер.

Очами, налившимися изумрудным свечением, Брайан Нолан Гилберт пронзил преступника насквозь. Инстинкт отмеченного сразу подсказал ему, что именно нужно сделать. Глаза Дайка остекленели, руки потеряли силу, а разум угодил в сверхъестественную ловушку; мерзавец вникал в каждое слова нового главаря банды.

– Ты сейчас хочешь пристрелить своих поделльников. Убей их всех – так быстро, как только сможешь.

Получив приказ, Дайк сделал шаг назад. Обрез в его руке судорожно трясся, но только секунду. Веление овладело телом грабителя, и теперь ничто не стояло между ним и заданной целью. Два шага, затем три – он уже у кассы. Совсем рядом с Крю, держит оружие смерти на весу, покуда остальные члены банды, уткнувшись в сумки с деньгами, подсчитывают наличность. По лбу замороженного стекали крупные капли пота. Он знал, что делает, но не смел противиться.

– Ну, ты чего тупишь? – спросила Крю, увидев подчинённого вдали от заложников. – Тебе рассказать, как пользоваться руками? Тащи этих дебилов сюда!

– Простите, мэм, – голос Дайка спотыкался о слоги; парень еле-еле заставил себя говорить. – Но его слово – закон.

Мимолётно, вне поля зрения вселенского консула, зрачки злодейки вздрогнули, когда она поняла, что её напарник коснулся спускового крючка. Дробь, высвободившаяся из дула дробовика, жадно вгрызлась в голову девушки, разметаю череп на куски. Мыслительный центр и его содержимое разлетелись в разные стороны, окрасив белые стены магазина в цвета фотолаборатории. Вся эта мерзость стекала по пустым крепежам для оружия, обволакивая их в неприятного вида жижу – вязкую, видоизменяющуюся и лишённую привычной жизни, но обретающую оную в иных масштабах гротескного движения.

Остальные члены группы даже не успели отреагировать. Пока они приходили в себя, загипнотизированный выстрелил ещё два раза. Парочка его напарников лишились голов аккуратно своему боссу; их внутренние краски присоединилась к кровавому полотну, которое писал их бывший сопартиец. Пусть движения Дайка и напоминали неуклюжие потуги робота, наспех собранного второкурсником третьесортного университета, тем не менее, он беспрекословно выполнял данную Гилбертом команду. Лицо парня утратило все возможные эмоции, а некогда яркие голубые глаза стали совершенно безжизненными. Лишь на самом их дне горел тусклый зелёный огонёк.

Исполнив часть данных ему указаний, замороженный решил покончить с оставшимися членами группы. Он нацелил дробовик на мужчину, стоявшего за стойкой Боба Хариса, вызвав у того приступ тремора, но не успел нажать на спусковой крючок в четвёртый раз. Подельник,

схоронившийся среди шкафчиков с оружием, одним метким выстрелом прекратил страдания куклы Брайана. Жертва гипноза упала навзничь, но кошмар был далёк от завершения.

– Что это такое, Сайфер?! – завопил стрелок. – Какого хрена Дайк всех перестрелял? Он что, мать его, коп?! Неужели наш друг оказался поганой крысой?!

– Не ори на меня! – ответил второй. – Я вообще ничего не знаю! Я не хотел переться сюда! Это всё Крю с её долбаными идеями!

– Я буду орать, сколько влезет, тупорогий ты говноед! Подними сраку с пола и возьми оружие! Нужно убрать свидетелей! Скоро сюда приедут жетоны!

Хоть доводы крикуна и имели смысл, Сайфер не прекратил истерический парад. Напротив, он засунул в рот большой палец и начал сосать его вроде малолетнего ребёнка, оторванного от груди матери, чем ожидаемо спровоцировал своего разъярённого напарника.

– Считаю до трёх, ебучий обсос! Ты либо прекращаешь минетить палец и встаёшь с земли, либо я прикончу тебя первым! Один...

– Я в безопасном месте! Я в безопасном месте! – повторял Сайфер. – Я в безопасном месте!

– Два! Ты, сука, в самом, блядь, пиздоблеводном месте, мудила! Хватит причитать! Встань или сдохнешь!

– Я В БЕЗОПАСНОМ МЕСТЕ, – не прекращал тот. – Я В БЕЗОПАСНОМ МЕСТЕ!

– ТРИ! – и прозвучал выстрел.

Боб Харис, наблюдавший оную сцену, служившую добротной методичкой к сумасшествию, испуганно закрыл глаза и прикусил язык. Он не почувствовал вкус крови во рту, так как мозг посчитал эту информацию бесполезной. Прижавшись к стойке и держа в руках цепочку с распятием, старик искренне молился, пусть в словах его и не было привычных для христианина формулировок. Лишь просьба, адресованная Господу, спасти хотя бы сына.

Роберт повторял короткий посыл небесам снова и снова, как вдруг на весь магазин раздался дикий крик:

– БЛЯ-Я-Я-ЯДЬ! – завопил стрелок, уставившись на свои окровавленные ладони. – Ёб твою душу, как больно!

Тут Харис вопросительно взглянул на раненого бандита и совсем ничего не понял. В поисках разгадки он осмотрелся вокруг и в противоположной части зала узрел довольного, уверенного в себе на все сто, облокотившегося на стойку с журналами об охоте, неподражаемого Брайана Нолана Гилберта.

– Забавно, не так ли? – проговорил он. – Пока ты, психованный дурень, препирался с напарником, я успел обзавестись автоматическим пистолетом, зарядить его, прицелиться и вышибить оружие из твоих рук. Это было несложно, ведь вы двое так увлечённо поливали друг друга, что я даже подумал зарядить ещё кое-что.

Техасский Фокусник оголил один Smith&Wesson и направил оба ствола на преступников.

– Сдавайтесь, парни... Судя по первому выстрелу, я прирождённый Роланд.

Тогда Тедди Бойл лицезрел, пожалуй, самый крутой момент в своей жизни. Дабы сделать его ещё более запоминающимся, Шкаф поднялся с земли, подобрал укатившийся от покойного Дайка дробовик и встал рядом с другом.

– Я бы на вашем месте послушался, упыри! Если он выстрелит из пушки Грязного Гарри, дыркой в руке вы не отделаетесь.

С выпученными от страха глазами преступники переглянулись. Напротив них стояли не полицейские и не федералы, а Теодор Франклин Бойл – известный, как Шкаф, и Брайан Нолан Гилберт, он же Техасский Фокусник. Исход очевиден: с лицами, полными ненависти к самим себе, два роуглайковца подняли лапы вверх и дали связать себя по рукам и ногам. Ни один из них ничего не сказал – оба молчали, как рыбы, обтекая после ограбления века. Первое, что сделал Боб Харис, так это позвонил в соответствующие органы. Скорая помощь и полиция

оказались на месте происшествия молниеносно. Подстреленный угодил в больницу под при-
смотр копов, а любитель помусолить палец языком сразу же отправился отдыхать на нуле-
вой этаж полицейского участка. Тамошние завсегдатаи поговаривают, что оттуда открывается
чудесный вид на вечерние огни города, скованные железными решётками окон.

Разумеется, несколько стражей закона остались в магазине для допроса, и продержали
там убойную парочку супергероев до самого утра. Взяли у них показания, провели типичные
полицейские тесты и отпустили, заранее предупредив, что Гил и Тед ещё могут пригодиться
для расследования. Когда солнце начало пробиваться сквозь поглощённые городским смогом
небеса, ребята добрались до дома.

Расположившись на софе, Шкаф за четверть часа успел задать с два десятка одинако-
вых по смыслу вопросов, на которые Фокусник отвечал пожиманием плеч и короткими «да»
или «нет». Сперва Брайан всерьёз рассматривал теорию, что Дайк сумасшедший, легко под-
дающийся чужому влиянию, и этот вариант позволял ему удержаться на привычной жизнен-
ной планке, однако Бойл быстро порушил фундамент реализма, напомнив, что в момент «вну-
шения» у Гилберта светились глаза. Тед вообще весьма недурно оперировал аргументами: он
вспомнил каждую мелкую деталь происшествия, и, чтобы не выглядеть в глазах лучшего друга
типичным любителем носить шляпы из фольги, настоял на проведении эксперимента.

Впервые Гилберт наблюдал за подобным – глуповатое выражение лица Бойла приобрело
нотки учёности. Он пусть и не располагал обширным словарным запасом, но пользовался им
грамотно и со знанием дела:

– Я никогда не поверю, что даже внушаемый человек, просто так с первого раза возьмёт и
перестреляет своих... Ну ладно, не друзей, но как минимум подельников! Ты вообще слышал,
что он сказал, когда подошёл к той бабе?! «Простите, мэ, но его слово – закон». Мужик, ты
гипнотизёр! Самый настоящий гипнотизёр!

– Да? А зачем он тогда вообще с ней заговорил? Я помню, что сказал ему действовать
быстро, а по факту он медлил.

Шкаф потёр подбородок:

– Ну, походу его мозг пытался сопротивляться, но не смог. Как в фильмах бывает – типа
чувак такой: «Не, я не должен! Я сильнее этого!» А потом в итоге берёт и делает! Откуда мы
знаем, что происходило в башне этого засранца, когда ты его загипнотизировал? Может, он
сражался с самим собой, как в комиксах?!

– Тоже верно... И что ты предлагаешь?

Бойл сел на корточки напротив Брайана и уставился ему в глаза.

– Загипнотизируй меня, Гил! Нет ничего лучше проверки, и я готов её пройти! Не спорь
и не тупи, просто сделай, и всё!

– Ты уверен, Тедди? Вдруг это опасно?

– Да, да, да и ещё раз да! – проворчал Шкаф. – Ты же не заставишь меня порезать себе
вены? Давай уже, Брайан!

– Даю, даю! Подожди минутку!

Таким образом, Техасский Фокусник выбил себе символические шестьдесят секунд.
Похлопав себя по лицу, дабы убедиться в действительности происходящего, он недоверчиво
взглянул лучшему другу в глаза и молвил первый пришедший на ум приказ:

– Тед, ты сейчас споешь мне твою самую нелюбимую песню.

Ну, и что вы думаете? Улыбчивая физиономия Шкафа моментально растеряла привыч-
ный вид. Теперь она выглядела, как натужная гримаса эстрадного артиста – претенциозная,
самовлюблённая и пафосно-оухотворённая. Бойл выпрямился распахнул руки и заголосил
так громко и фальшиво, что вся квартира затрещала по швам:

– Веришь ли тыыыы в жизнь после любвииии?! – в промежутке между словами он зачем-то указал пальцем в стену. – Внутренний гоооолос подсказывает мнееее, вряд ли у тебя достаточно сил для этого! Веришь ли тыыыы в жизнь после любвииии...

Из-за этого гортанного апокалипсиса соседи снизу тут же забарабанили по потолку. Некая женщина в возрасте кричала, что, если этот фальшивый ужас не прекратится, она вызовет полицию, но Тедди не останавливался. Певец, по ушам которого пробежался целый отряд медведей, перешёл к первому куплету, чем спровоцировал реакцию соседей сверху:

– Если ты сейчас не заткнёшься, я спущусь и засуну тебе ногу в жопу по колено! Пять утра на дворе! Дай поспать!

– Да, я согласен, – поддержал Гилберт, держась за живот, разболевшийся от смеха. – Можешь прекратить, Тедди.

Новый приказ тотчас отменил действие предыдущего. Заполучив контроль над собственным телом и разумом, Шкаф покачнулся назад, и от падения его уберегло мягкое кресло. Будто спросонья Тедди протёр глаза и в ужасе осознал, каким жутким непотребством его заставил заниматься Брайан.

– Чёрт возьми, я только что пел песню Шер?! Самую идиотскую песню на свете?!

– Да брось, дружище. Мне она нравится, – чтобы не рассмеяться вновь, фокусник заткнул рот кулаком. – Особенно в твоём исполнении.

– Очень смешно! Нет, я серьёзно, Гил! Я почувствовал нереальное желание её спеть! И знаешь, что самое охренительное?! Я почти не помнил слова, а тут бац и весь текст в башке разом! Твои глаза в комбинации с голосом заставили меня горланить! Ты гипнотизёр! Мы теперь можем делать всё, что захотим!

– Не совсем так, Тед, – Гилберт поспешил умерить пыл здоровяка. – Это будет наш козырь про запас. Мы должны побольше узнать об этой... силе. Вдруг она не на всех действует, какова продолжительность и есть ли побочные эффекты...

– Ты сейчас говоришь, как мой отец-перестраховщик, Гил. Хорош уже...

– Нет, не хорош, – перебил Техасский Фокусник. – Если об этом узнают какие-нибудь бандиты или того хуже федералы, мою жизнь накроет медным тазом...

– И что прикажешь делать?

– Как я и сказал: это наш козырь на самый крайний случай. Будем пользоваться им осторожно и никому не расскажем. Вообще никому.

Бойл уселся рядом с Брайаном и прижал его к своему плечу.

– Эх, как скажешь, дружище. В любом случае мы теперь в шоколаде. От девочек отбоя не будет.

– Расскажи ещё... Вот уж с чем у меня нет проблем, так это с женщинами. Я и так могу уболтать кого угодно...

– Брякнул мужик, который снимает квартиру на пару с лучшим другом.

– Как ты и сказал сегодня... точнее, уже вчера: скоро всё изменится. Я нутром чую, Тедди. Впереди большие перемены.

Чего греха таить, Брайан оказался прав. На следующий день он получил подарок от Боба Хариса в виде двух желанных револьверов Smith&Wesson. Два красавца, промаркированных четырёхлистным клевером, стали частью уникального образа трикстера, знаменовав его пере рождение в отмеченного гипнотизёра. Дела пошли в гору, но Гилберт, как и обещал, использовал козырь только в самом крайнем случае. Вместе с Бойлом он колесил по штату и пополнял сборник легенд о парнишке из грязевых земель Виктории, расширяя историю различными аферами, тёмными сделками и мошенническими махинациями.

Шкаф, кстати, тоже получил от Боба подарок – автоматический дробовик с гравировкой в виде замка от сейфа, выбранного лично Тедом. Этим оружием он внушал страх всем и каждому

до самой своей смерти, и именно из него Майлз Уоррен Блэк убил Питера Джилленгтона. Цикл оборвался...

Кто мог знать, что в две тысячи тридцать третьем Брайан Гилберт будет ехать навстречу неизвестному без лучшего друга? За свои тридцать восемь лет Техасский Фокусник многое поведal – он выбрался из сотен передраг и провернул несчётное количество чистых и не очень дел. Всё перечисленное приносило прибыль и наполняло жизнь адреналином, но главная прелесть заключалась в том, что Гилберт ходил по краю вместе с Теодором. У него всегда был верный брат, подобно Сэмуайзу Гэмджи, готовый взвалить друга на свои плечи и перенести его через реки магмы и тлена.

Теперь Гилберт остался сам по себе. Роль самоотверженного спасителя принадлежала ему и только ему. Очами изумрудных чар он разглядывал револьвер и размышлял о грядущем. Оружие, отмеченное символом удачи, внушало ему чувство тревоги. Брайан боялся, что уже израсходовал его чудодейственную силу. Тем не менее, дороги назад не было.

– Тедди, дружище, – прошептал он. – Прости, что бросил тебя. Я не успел с тобой попрощаться и скажу сейчас: ты самый лучший друг. Ты мой брат, верный, добрый и готовый на всё. Мне никогда не стать таким же, но я обещаю тебе, что вытаску ребят. Не сомневаюсь, на моём месте ты бы сделал то же самое. Даже лучше... Ты бы уже давно праздновал победу. Надеюсь, наверху тебе хорошо: там вечный покой и блаженство. Ты заслужил это, брат. Спасибо за всё...

Следуя постулатам бытия, порой несправедливым, а временами даже жестоким, тем вечером не только Техасский Фокусник вспомнил частичку своего прошлого, ибо среди пассажиров автомобиля был ещё один, кто увидел флешбэк. Если Гилберт намеренно окунулся в воспоминания, то вот Джуллио Сколлетти увидел сон... Сон, который вернул его в дни минувшие, в ту пору, когда жизнь протекала по куда более простому сценарию.

Родители отпустили Джулла в Академию танца с лёгкостью на сердце. Семья Сколлетти могла похвастаться абсолютным взаимопониманием и крепкими и, что самое главное, здоровыми отношениями. Маттео и Летиция уважали выбор единственного сына – они любили его таким, каков он есть. Благодаря комплексному воспитанию (ласковая мать и строгий, но справедливый отец), Джуллио вырос неизбалованным и всегда знал, чего хочет. Он понимал, что для того, чтобы добиться заветной цели, ему необходимо приложить максимум старания и продемонстрировать железную волю. Недаром в Италии говорят: дорогу осилит идущий.

Тем не менее, при всей выработанной годами духовной мощи Джуллио умел сдерживать бурлившие в нём эмоции. Сколлетти выдавал их там, где они казались жизненно необходимыми – не болтал лишнего и вообще старался не заводить бесполезные знакомства. Таким Джулл и предстал передо мной и Джеффом в две тысячи тридцатом.

Внимательный человек тотчас задаст закономерный вопрос: что же с ним произошло? Куда подевались все эти чудесные качества? Признаюсь, о воинственном потенциале Джуллио было известно только Адриано. Он знал, что обычно мрачный и молчаливый итальянец, с трудом выдавливавший из себя слова, в минуту опасности превращался в сорвиголову, готового смести любые преграды на своём пути. Смелость – качество похвальное и довольно полезное, однако в бой нужно идти с теплотой в сердце и холодом в голове. Последнего Джуллио, мягко говоря, не хватало.

Ярчайшей репрезентацией главной слабости Бесформенного Гимнаста служит история, произошедшая с ним во время обучения в академии.

Без преувеличения скажу, что Сколлетти был лучшим учеником, постоянно получавшим отличные отметки и хвалебные отзывы преподавателей. Будущий член труппы Потусторон-

него Квартала уже тогда ощущал себя настоящей звездой; как мы все помним, он со школы знал о своём даре и использовал его по минимуму, дабы не вызывать настороженные взгляды окружающих. Схема работала, как швейцарские часы, и каждый элемент жизни молодого перспективного красавца приносил ему исключительно радость. Вдобавок судьба свела его с ещё одним талантливым парнем, обучавшимся в параллельной группе, имя которого, как вы догадались, Адриано Мори.

Ребята сразу понравились друг другу. Мори и Сколлетти проводили вместе уйму времени: готовили совместные номера и зарисовки, ходили в кино и театр. Высшее чувство вспыхнуло между ними моментально – в ту секунду, когда они впервые пересеклись взглядами. Различия в характерах молодой пары работали, словно плюс и минус. Взаимное притяжение позволило им прийти компромиссу в отношениях, однако главным моментом для них стал день, когда Джуллио узнал о своём сходстве с Адриано.

Утро седьмого марта две тысячи двадцать шестого, за год до большого турнира стрелков. Страна жгучей любви Италия. Город Рим. Сколлетти и Мори, удобно устроившиеся на заднем сиденье такси, направлялись в Академию танца, дабы с шиком и блеском провести репетиционное выступление перед преподавательским составом. Будучи в благоприятном расположении духа, Адриано ненароком запустил беседу о далёком, но безумно притягательном будущем, полном романтических планов.

– У тебя такое лицо, словно ты хочешь задать вопрос. Я весь в твоём распоряжении, Джуллио. Дерзай, не томи...

В присущей ему манере молчун немного помялся, облокотился на спинку сиденья и сдался под натиском лучезарной улыбки любимого:

– Слушай, когда мы закончим учёбу, может, съездим куда-нибудь? Ты же всегда хотел посмотреть мир. Куда хочешь наведаться в первую очередь?

– О, персик мой, ты же знаешь: твой парень – непростой человек, – прошептал Адриано, скрестив руки на груди. – Я хочу попасть в Санриз Сити – Город Чудес, исполняющий любые желания. Кто бы что не говорил, а лучше места на земном шаре просто не найти. Умопомрачительная кухня, полноценная танцевальная культура, уникальный сленг и полное отсутствие предрассудков. Санриз – это место для всех! Самый настоящий рай, и мы с тобой когда-нибудь там обязательно поселимся!

– Слушаю тебя и будто сам попал в Город Чудес, – Джуллио улыбнулся во весь рот; сладостные мечтания Рио произвели на него впечатление. – У меня сходу разыгралось воображение, но... я говорил не о переезде. Так, о небольшом отпуске только вдвоём... Нельзя же забывать о стрельбе. Мы оба хотели, чтобы ты участвовал в турнире.

Как по щелчку пальцев, нотки умильного дурачества растаяли в глазах Мори. Он отодвинулся к двери и уставился в окно, скрыв потускневший взор от своего возлюбленного.

– Я не знаю, Джуллио...

– Это не ответ, Адриано. Ты сам вчера попросил тебе это сказать, если я услышу слова «Я не знаю».

– Да, я помню... Хорошо, что ты не забыл. Просто... О, Дио, как же трудно говорить на эту тему.... Понимаешь, Джуллио, лишняя статуэтка и титул – это, конечно, безумно здорово, но у меня складывается впечатление, будто я соревнуюсь со стенкой. Я совершенно не вижу никакого испытания! Мы с тобой решили, что это неважно, ведь у нас есть другая цель... Моя мама, которая давно уговаривает отца посетить турнир и посмотреть на меня в действии. Знаешь... – Мори слегка потерялся в мыслях. – А вот давай посмотрим правде в глаза? Я

просто пытаюсь быть реалистом и... – говорун ухмыльнулся от собственных слов. – На самом деле, первый раз в жизни пытаюсь... И что-то мне подсказывает, что отец вряд ли изменит своим принципам ради чемпиона по стрельбе. Это бесполезный труд. Мама даже не уговорит его.

– Да, но ты ведь...

– Я в курсе, Джуллио, в курсе. Я помню, как высказал теорию, что, если я выиграю турнир, он примет меня. Но, как я и сказал, я пытаюсь быть реалистом. Даже если, ущипни меня боже, отец приедет... Максимум, на что он способен, – так это выдать чёрствое рукопожатие, – Адриано повернулся к Джуллио с шутливой улыбкой, приправленной комично приподнятыми бровями. – Такой себе приз, ты не находишь?

– Нет, не нахожу, – отрезал Сколлетти. – Мне кажется, ты заранее программируешь себя на поражение. Выше нос, Рио, – он говорил с расстановкой, спокойно, выдавая необходимый для мотивационной речи эмоциональный минимум. – Давай будем сейчас реалистами и признаем, что ты не реалист. Это скучно. Ты, между прочим, мне это сказал на первом же свидании и будь так добр оставайся верен своим словам. Пусть мир в кои-то веки, продемонстрирует нам чудеса и покажет, как недовольная морда Кирилло Мори расщедрится на улыбку.

– А вы умеете задать тон настроения, синьор.... Эх, как вы умудряетесь быть красивым и умным сразу, а? – спросил Адриано, взяв любимого за руку.

Джуллио одарил его томным взглядом и чарующей улыбкой.

– Ты не объективен, но я ценю комплимент.

– Глупости, – возразил Мори. – Я разбираюсь в мужчинах. Ты самый красивый из всех красавчиков, как минимум в Италии.

Тут Джулл издал короткий смешок:

– Хах, как минимум в Италии? А ты искал где-то ещё?

– Не-е-е-ет... Но вдруг в Санриз есть кто-то красивее? Отвези меня туда, и мы развеем мои сомнения раз и навсегда.

Загнанный в угол и слегка ошарашенный, Сколлетти опустил глаза в пол и мимолётно задумался. Предложение, спонтанно поступившее от его второй половинки, интриговало не на шутку. Город Чудес мог привнести в быстро растущую любовь толику сверхъестественного. Стало быть, дар небывалой пластичности, который Джуллио тогда скрывал ото всех, показался бы Мори не таким отталкивающим.

– Хм... Если у нас всё получится с экзаменами и ты согласишься выступать на турнире, я тебя туда отвезу.

– Честно?! – восторженно прокричал Адриано. – Ты сейчас серьёзно?!

– Да, я серьёзно. На все сто процентов.

Дав обещание, Сколлетти сблизился с Мори для поцелуя, знаменовавшего страстную роспись взаимного договора. Губы влюблённых почти успели соприкоснуться, как вдруг их остановил испуганный вопль таксиста, неожиданно вдарившего по тормозам. Колёса издали пронзительный вой, а будущие Бесформенные гимнасты инстинктивно схватились за дверные ручки в попытке сохранить равновесие. Немного прокатившись вперёд, машина встала на месте, и Джуллио обратил внимание, как таксист судорожно вытер пот со лба: из-за поворота выскочила девушка, своим видом походившая на призрак; нечто ужасное оставило на ней отпечаток Фобоса.

Сквозь толщу лобового стекла Рио и Джулл увидели последствия страшной аварии. Двухполосный мост напоминал зону боевых действий, усеянную обломками машин. Четвёрка легковых автомобилей, как полусобранный конструктор лего, была охвачена пламенем; рядом на обшарпанном асфальте расположился мотоцикл, от которого ровной полосой стелилось кровавое полотно. На самом его конце лежал покорёженный шлем, своим жутким видом доказы-

вавший абсолютную глупость заложенной в себе идеи, ибо водитель двухколёсного мустанга, находившийся неподалёку, оставил внутри него голову.

Единоличным виновником описанного происшествия оказался пятнадцатитонный тягач. Водитель, явно просидевший за рулем больше положенного, не справился с управлением и вылетел на встречную полосу, пробив защитные ограждения. Цистерна с отходами служила фуру прицепом, и, дабы максимально усугубить общую картину хаоса, на самом её конце, уцепившись за вентиль, над пропастью висел бедолага в форме, символика которой совпадала с отметками на кузове авто.

Стоило Джуллио увидеть его, как он выскочил из машины и ринулся на помощь, совершенно позабыв о собственной безопасности. Таксист попытался остановить отчаянного храбреца, но тот оказался для него слишком проворным. Мужчине за рулём ничего не оставалось, кроме как вернуться на место, пристегнуть ремень и демонстративно заглушить машину, тем самым намекнув Адриано, что он не станет бросаться в жерло вулкана ради спасения пострадавших. Этого прозрачного знака Мори хватило с лихвой: таксист получил оплату и распрощался с ним, напоследок пожелав удачи.

За столь непродолжительный отрезок времени Сколлетти успел преодолеть добрую половину расстояния. В обход горящих обломков автомобилей он усердно пробирался к цистерне сквозь накренившиеся балки и разорванные тросы. На пути смельчак не встретил ни одного выжившего – те, кто дорожил жизнью, давно покинули место происшествия. Последним заложником разрухи был водитель фуры, и Джуллио считал его спасение своей святой обязанностью.

Между тем, Адриано, поспешивший на подмогу возлюбленному, тоже попал в непростую ситуацию: все дороги к мосту перегородили полицейские и пожарные машины, появившиеся слишком поздно. Люди в форме расталкивали очевидцев и орудовали заезженными фразами, не несущими никакого успокоения:

– Синьор, вам туда нельзя! Это точка оцепления, – сказал опоздавший защитник закона, придержав Рио руками. – У нас всё под контролем!

– Что?! Вы чокнутый?! Что значит «под контролем»? Там мой парень Джуллио! Он на мосту пытается помочь тому бедному мужчине! Вы разве не видите?! В полицию теперь берут незрячих?!

Пусть тон Мори и не пришёлся копу по вкусу, но он признал его правоту:

– Мамма Миа... Вы все реально слепые?! Что он там делает?! Быстро за ним!

– Конструкция вот-вот рухнет, – объяснился один из полицейских. – Мы не можем сказать, сколько у нас времени. Пять минут, а может, даже пять секунд...

Вмиг глаза Рио округлились от ужаса.

– Постойте! Вы вообще ничего не собираетесь делать?!

– Доверьтесь профессионалам! Больше пятидесяти метров конструкции охвачено огнём! Лучше продвигаться постепенно, пока что нам необходимы инструкции и соответствующие специалисты! Они будут буквально через одну минуту!

– Но у вас может и не быть этой минуты! – прокричал Адриано, судорожно схватив копа за плечи.

– Всё под контролем, синьор! Позвольте нам делать нашу работу! Соррентино, очисти местность от гражданских! Им здесь нечего делать – спецам нужен максимум пространства!

Пока brave стражи слабых и нуждающихся вели бессмысленные разговоры, пропахшие трусостью и бюрократией (так думал Рио), Джуллио в одиночку выполнял долг каждого уважающего себя героя. Крик водителя становился всё ближе, а, значит, до цели оставалось совсем немного. Отвалившиеся части пилона и опалённые скелеты автомобилей для будущего Бесформенного гимнаста не представляли никакой угрозы, но вот фура, половиной цистерны свесившаяся с моста, служила идеальным испытанием мужества.

Приблизившись к придавленному с одной стороны кузову, Сколлетти осмотрел его: левая дверь превратилась в груды металлолома, а правая была распахнута – именно через неё и вылетел водитель, прежде чем конструкция моста превратила машину в некое подобие тюрьмы над пропастью. Вскрабкаться на крышу авто ничего не стоило, но все дальнейшие действия усложнялось тем, что по инерции фура буквально сгрудила балки и защитные ограждения, собрав их на манер игл дикобраза. Столбы металла, не до конца отделённые от общей конструкции, нависали над цистерной, и пробраться под ними можно было только ползком. Крошечный зазор между балок не в счёт, ибо обычному человеку протиснуться через него не представлялось возможным.

К счастью... Сколлетти таковым и не являлся.

Находчивый смельчак решил сэкономить время для обратного пути и воспользовался дарованной ему необычайной гибкостью. Копы, наблюдавшие зрелище издалека, недоумевали, каким образом он провернул столь невероятный трюк, но Адриано всё понял без лишних объяснений:

«Он такой же, как я... Это просто невероятно! Мужчина, которого я люблю, делит со мной одну и ту же особенность! Джуллио, милый, почему же ты ничего мне не говорил?! Почему ты молчал? Хотя... это не имеет значения. Главное, что я иду к тебе! Я иду, Джуллио!»

Одним скачком Мори перемахнул через полицейские ограждения и ринулся на выручку любимому, в мгновение ставшем ему самым родным человеком на земле. Адриано не боялся огня и металла, не страшился предсказаний о падении моста. Он просто хотел быть рядом.

Тем временем Сколлетти успел подобраться к бедолаге водителю:

– Ты как там, парень? – спросил он. – Держишься ещё?

– Да, синьор, я держусь! – громко ответил мужчина в опасности. – Но... я не знаю, сколько ещё смогу! Руки болят! Мои пальцы соскальзывают!

– Как тебя зовут?

– Паоло, синьор! Меня зовут Паоло!

Джуллио сглотнул скопившийся страх и подошёл чуть ближе к правому краю цистерны, чтобы рассмотреть её получше.

– Послушай, Паоло, я не смогу помочь тебе, если ты будешь висеть на том вентиле! Видишь, справа от тебя вот эти выступы?!

Сколлетти указал на поддерживающий каркас и идущие под ним прямоугольные ручки, будто ступеньки, прикреплённые к поверхности резервуара.

– Ты должен добраться до них, и тогда я тебя вытащу!

– Вы с ума сошли?! Куска прицепа нет! Я не смогу перепрыгнуть туда! Стоит разжать ноги и руки сами соскользнут!

– Ты должен понять, что выбора нет! – прозвучал командный крик. – Каждая секунда на счету! Прицеп долго не выдержит! Тебе нужно сделать всего один рывок, и я в тебя верю, Паоло!

Уставший и смертельно напуганный мужчина сдержал слёзы отчаяния и обречённо посмотрел на импровизированную лестницу. Джуллио был прав – будущее определял всего один рывок. Поняв, что время неумолимо течёт навстречу смерти, Паоло собрался с силами и прыгнул к спасительным ступенькам. Будучи в воздухе, он приготовился распрощаться с жизнью, но мышечная память отказалась сдаваться; водитель ухватился за выступы, встал обеими ногами на каркас и Сколлетти наконец протянул ему руку.

– Я же говорил, что...

Тотчас короткий миг счастья прервал скрежет металла.

Джуллио не успел закончить мысль. Чтобы славный подвиг дался ему чуть тяжелее, машина соскользнула на метр вниз, и фура, ещё минуту назад пребывавшая в горизонтальном

положении, накренилась под углом. Теперь сам храбрый итальянец был вынужден держаться за покорёженные балки, торчавшие позади. В противном случае он бы просто рухнул вниз.

– Что теперь?! – спросил Паоло, чувствуя, как силы покидают его.

На этот вопрос у Сколлетти не нашлось ответа. Им овладели сковывающие нити паники, продирающиеся под кожу холодным металлом. Осознание того, что в плену злополучной катастрофы оказались двое заложников, побудило Джуллио спросить себя, правильно ли он поступил... Стоило ли бросать вызов опасности в одиночку? Может, храбрость – это ещё не всё, и нужно иногда прислушиваться к шёпоту разума? В любом случае, истина сама подсказала ответ; им послужил звонкий глас любимого человека, пробившегося через установленные хаосом преграды:

– Джуллио, тебе не кажется, что это работёнка для двоих? – спросил Адриано, забравшись на крышу кузова.

– Рио?! Что ты здесь делаешь?!

– Очевидно же... вытаскиваю вас отсюда!

Сколлетти тут же повертел головой.

– Нет, даже не думай! Из-за крена балки перекрыли пути – тебе нас не достать! Уходи! Не будь дураком!

И взоры полицейских наблюдателей, и смертельное пламя, и даже любимый человек были против Адриано, готового добровольно ступить в капкан, расставленный катастрофой. Спасатели, как и обещали копы, прибыли через минуту, но место крушения уже перешло в фазу предсмертного хрипа. Травмированный мост накрыл каскад взрывов. Автомобильное домино методично набивало такт оглушительных шумов. Это позволило Мори не сдерживаться. Пока служители закона отвлеклись на фейерверк, он выгнул спину буквой зет и протиснулся между балками, вызвав на лице Джуллио вальс эмоций.

– Рио, ты... – дар речи ускользнул от него.

– Не время, дорогой мой! Я хочу, чтобы ты меня выслушал! Сейчас я крепко обхватчу балку ногами и повисну на ней! Затем я возьму тебя за ноги, и ты схватишь нашего непутёвого друга! Только так мы до него дотянемся! Ты готов?!

Пораженный сообразительностью Мори, Джуллио сделал кивок и приготовился к исполнению эквилибристического чуда над пропастью. Придерживаясь за выступающие куски металла, Сколлетти ловко перебросил ноги своему суженному и затем, будучи в его надёжных объятиях, протянул руки вцепившемуся в лестницу «утопающему».

Теперь всё зависело от него.

– Так, давай, Паоло! Ты должен прыгнуть!

– Ну уж нет! – завопил бедолага. – Я вижу, как к нам подбираются спасатели! Они тушат пожар! Нужно просто дождаться!

Сразу же раздался истерический вопль Рио:

– Ты превратишься в лазанью до того, как они доберутся сюда! Ещё один такой толчок, и машина навернётся вниз! Ты уже и так разок сиганул! Хватит тупить и прыгай к нам! Живо!

Вникнув в сей неутешительный прогноз, водитель вслух попросил прощения у некоей Бьянки (быть может мать или жена) и задрал правую ногу на верхний уступ цистерны. Ладони его тряслись, глаза намокли от слёз – он не хотел терять надежду, но страх диктовал условия. В тот миг, когда Паоло совершил долгожданный рывок, время остановилось, потребовав решимости прожить ещё один день, ибо есть в мире незаконченные дела, не разделённые объятия и не сказанные слова. Они сильнее всех невзгод, и даже тошнотворный скрип цистерны, пульей промчавшейся под ногами, не в силах этого отменить.

Когда тишина завладела местом происшествия и дым накрыл небеса, троица, повисшая над пропастью радовалась жизни, несмотря на вкус гари во рту. Улыбки на лицах Паоло, Джуллио и Адриано говорили сами за себя.

– Боже мой, сколько вы весите? – пробубнил Рио. – Джуллио, я долго не выдержу. Нам придётся раскачиваться!

– Согласен! Паоло, допрыгнешь?

– Допрыгну ли я? – спросил спасённый и громогласно рассмеялся. – Я теперь допрыгну куда угодно! По сравнению с предыдущим скачком этот просто жалок!

Вся команда излучала победный дух. Сколлетти и Мори, как и планировали, перебросили Паоло на ту сторону, а затем сами вернулись на твёрдую землю. Спасатели поспешили эвакуировать ребят и без промедления отдали их в заботливые руки врачей. Двое из трёх (вы понимаете, о ком я) по понятным причинам отказались от осмотра, списав свою нечеловеческую гибкость на навыки «профессиональных гимнастов», а вот третьему требовалась комплексная помощь. Впереди Паоло как виновника аварии ждало серьёзное разбирательство, но он всё же был благодарен за спасение и пообещал Джуллио и Адриано, что впредь будет молиться за них каждый день.

Приятную атмосферу геройства омрачал только факт пропущенной репетиции. Измотанные и грязные отличники Академии танца вернулись домой и несколько минут просто стояли на пороге, безмолвно размышляя. Адриано проявлял свойственную ему сосредоточенность стрелка, а Джуллио упёрся головой в стену и покадрово перебирал картину произошедшего.

Он боялся заговорить первым, и Мори решил начать диалог сам:

– Жаль, что мост всё-таки обвалился, да? И тот парень на байке погиб... Хотя... я понимаю, что тебя не это беспокоит. Слушай, если есть, что сказать, говори. Я чувствую это напряжение в стенах, в воздухе и даже на коже. Ты можешь спросить всё, что угодно – я отвечу. Просто...

Рио взялся за левое плечо и застенчиво опустил голову.

– Я не хочу, чтобы между нами что-нибудь изменилось.

– По-любому всё изменится, – ответил Сколлетти, резко оторвавшись от стены. – Изменится к лучшему.

– К лучшему? Подожди... правда?!

– Да, всё верно. Я будто проснулся от навязанного мне сна... Я прозрел, Рио, впервые в жизни.

– Странно... – неуверенно бросил тот. – Я думал, что ты начнёшь спрашивать меня, почему я не рассказывал... Почему молчал и всё такое. Ты не в курсе, но я готовился к этим сложностям. Репетировал сам с собой у зеркала и... Да уж! Прямо камень с души... Видимо, мои переживания были излишни.

– Не то слово, – согласился Сколлетти. – Я обойдусь без вопросов и переживаний.

Его глаза излучали страсть и желание, которое он был не в состоянии перебороть. Джуллио приблизился к Адриано и подарил ему поцелуй безумной любви – животный, немного грубый, но в то же время незабываемый и главное искренний. Такой поцелуй мог бы объявить мир или развязать войну.

– Вау, ты прямо монстр, – оторопел Мори. – Что с тобой происходит?

– Я не хочу сегодня сдерживаться. Не с тобой! Я покажу тебе всё, и ты должен сделать то же самое.

Джулл разорвал на себе рубашку и приложил руки Рио к своей пышущей желанием груди.

– Будь собой, прошу тебя! Назло всем и каждому!

В танце любви двое ворвались в спальню, срывая одежду на ходу. Их не заботили ни следы грязи от обуви, ни упавшая ваза с цветами, ни даже звонок преподавателя по хореографии. Тем солнечным днём Мори и Сколлетти были посвящены друг другу. Первый раз они занимались любовью ничего не скрывая. Для них открылись абсолютно новые пути к наслаждениям, ибо сверхъестественная пластичность тел стирала грани дозволенного. Подобный экстаз, сладкий и всепоглощающий, большинству смертных являлся только лишь во снах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.